

Иосиф Мигиров

ЦАРИЦА
ИЗРАИЛЬСКАЯ

Роман

Иосиф Мигиров

 ЦАРИЦА
ИЗРАИЛЬСКАЯ

Роман

Издательство «Книга-Сефер»
Израиль, 2015
+(972)50-242-3452
<http://www.kniga-sefer.com/>
book@kniga-sefer.com
kniga@kniga-sefer.com

Редактор: Виталий Кабаков
Корректор: Ирина Павлова
Оформление и верстка: Александра Клемпер

ISBN 978-965-7288-33-7

© Иосиф Мигиров, 2015

ПЕЧАТЬ САТАНЫ.

...Ури вышел из медитации. Крепкий старец, похожий на древнееврейского пророка, единым взглядом увидел всю комнату. Как и всегда, после выхода из получасового погружения, все казалось более чистым, хорошо выписанным, словно по-новому освещенным.

Дом старца, выложенный из камня, состоял из одной большой комнаты, обставленной самым необходимым: прямоугольный дубовый стол и несколько стульев, низкая деревянная кровать, шкаф, две полки на стене. На одной из них стояло три-четыре книги, одна пухлая тетрадь, на второй-лампадка с двумя-тремя маленькими склянками, и меж двух ее светлых окон сушилась трава для разных снадобий.

В торцевую стену был встроен большой, всегда готовый к огню, камин. И в дальнем от камина углу стоял деревянный сундучок, покрытый белым покрывалом. Над сундуком висело ружье.

На одной из стен висела картина – самая большая ценность Ури. Она была небольшой, но лучилась необычным серебристым цветом от Дерева в центре ее.

...Ури поднялся с низкой табуретки, подправив борта опоясанного кожаным ремнем хитона, легко пошел к двери. Под его мягким шагом едва слышно скрипнули выдраенные до блеска половицы.

Ури вышел на крыльцо. Вечерний горизонт полыхал ярко-алым закатом.

Старец глубоко вдохнул, в легкие потекла расслабляющая свежесть: в нескольких шагах от дома тихо плескалась в зеленых берегах спокойная река Змейка.

Потусторону реки, до самого горизонта, раскинулась долина с большими золотистыми полянами и сочным лесом: владения Ури – Долина Призванного.

Старец прошел в сад, взглядом довольного хозяина осмотрел его: пять-шесть молодых яблонь донашивали свои налитые соком плоды, по обеим сторонам извилистой, выложенной камнями дорожки разбежались невысокие черешни, в глубине – молодой орешник раскидал по сторонам упругие ветви.

На душе уютно. Старец поднял к небу спокойные черные глаза: все то же закатное солнце горело под легкой синевой, одинокий ястреб, высмотрев добычу, стремительно сорвался вниз. Везде шла жизнь: и в небесах, и под землей, как, наверное, сейчас под его башмаком, в земле, шевелится какой-нибудь червь. Всегда и везде – жизнь.

За спиной мягко зашуршала трава. Повиливая хвостом, в ноги Ури ткнулся ягуар – величественная кошка с ярко-желтой, с черными пятнами, шерстью.

...Старец подобрал его, когда тот был еще совсем котенком, заботливо выходил, и теперь это была преданная ему, царственная кошка – Гром.

Ури с любовью легко потрепал ее ворсистое ухо. Ягуар тут же заурчал и попытался поймать на клыки руку хозяина. Старец позволил эту игру, крепкие пальцы заплясали меж острых клыков в теплой и влажной пасти.

– Ну что, солдат, думал – старый Ури ушел в медитацию и заснул... Да вот не заснул. Крепок твой старикан. – Он пригладил кошку. Ягуар, прикрыв глаза, блаженно урчал под ласковой рукой хозяйна.

– Ладно, пошли... – Ури вышел на каменистую тропинку. Рядом, степенно повиливая хвостом, мягко вышагивал Гром...

...Много неизвестного тайла в себе Долина Призванного, и самой желанной была тайна Дерева Струящейся Воды.

Ури немногих посвящал в нее, но кому доверил, тот мог видеть завораживающую картину: высокий стройный ствол из струящейся воды, выходя из земли, достигал самых небес, и там его крона растекалась по сторонам, как огромное прозрачное облако.

И где бы ты ни был, стоило тебе вызвать ее – перед тобой открывалась эта захватывающая картина: посередине мира искрилось прозрачное величественное Дерево.

А испив из него несколько божественных капель, ты мог познать Таинство Возможного...

...Ури стал перед домом, повернулся лицом к Стороне Храма. В руках – медная сверкающая ступа, наполненная водой. Старец веером – вверх – выплеснул всю воду, начертил в воздухе невиди-

мый знак, негромко пропел несколько слов, и перед ним, как в центре мира, заискрилось величественное Дерево Струящейся Воды.

...Старик бросил руками к небесам, глаза его замерли на огромной Струящейся Кроне, и в тишину Долины вступил его молитвенно-властный голос:

– О, Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая!

Непостижима Сила Твоя! Ты явила Невыразимое, одарила нас Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарен и да будет неизбывна сила Твоя!

О, Великая Пустота!

Пусть будут омыты души наши Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть явится твое знамение, Господи!

...В какое-то мгновение на огромном прозрачном Стволе, как на экране, возник силуэт девятнадцатилетней девушки. В белых легких одеждах она завораживающе-мягко переходила от движения к движению. Вот плечо плавно пошло в сторону, руки медленно растеклись в полукруг. Древний воинский танец одновременно и захватывал, и успокаивал... На груди девушки горела золотая цепочка с шестиконечной звездой... и вдруг в ее руке возник сверкающий меч...

«...Хаймалка! – слышалось имя старцу. – Хаймалка!»

Через мгновение силуэт растворился в Сверкающем Стволе, Дерево растаяло в воздухе.

Старик на секунду прикрыл глаза, глубоко выдохнул.

Стоявший у ноги ягуар, словно подавая знак о себе, ткнулся мордой в колено.

Ури похлопал по мягкому загривку кошки:
 – Примем гостью, Гром?
 Тот помел по траве пушистым длинным хвостом.
 – Значит, примем... – в раздумье произнес старец. – В Долине Вражды грядут перемены...

...Исток – Улыбка – Знак – Предвосхищение
 Непостижимых Тайнств Красоты....
 Мистическая Тайна Превращений
 Бессмысленной Великой Пустоты...

...Год две тысячи Z...
 Город Большого Камня был довольно большим и сам походил на степенного горожанина, который прочно стоит на своих двух, имеет стабильный бизнес, добропорядочных соседей и хорошую крепкую семью.

Говорили, что свое название он получил от самой старой городской синагоги – Бэт-Эль/Дом Бога/, а вернее – от огромного камня, ставшего в ее основании.

Еще пару столетий назад, когда евреи осваивали эти места, первые поселенцы решили поставить в этом месте свою первую синагогу.

Поначалу камень попробовали выкорчевать, но он не поддавался, подступались и так, и сяк, но не смогли даже сдвинуть с места. Тогда евреи загадали – на счастье сделать валун углом фундамента: как бы Богом подаренное прочное основание.

Синагогу построили, а про камень со временем позабыли. Но название все же прилепилось, и так

и пошло: Большой Камень, Город Большого Камня...

Другой его легендой был местный Университет.

Поговаривали, что здесь проводились какие-то тайные опыты, а каждый уважающий себя горожанин, как некий пароль, приберегал про себя уважительные понятия - «биоэнергоинформатика» ... «психотропное оружие»!

Даром, что с год назад здесь проводилась мировая, наделавшая много шума, конференция.

Некоторое время после нее горожане чувствовали себя членами некоей тайной секты и с особой заботой рассуждали об ужасном количестве «зомбированных психотропными генераторами».

Но через месяц-другой страшные подозрения позабылись, и город снова зажил своей степенной жизнью: «генераторы – генераторами», но, кроме них, существовало кое-что и еще...

Правда, никто не отменял и университетской жизни: занятия, «тайные опыты», конференции.

На этот раз нагрянул Съезд молодых лидеров.

Страстная надежда планеты жаждала власти, чтоб, наконец, освободившись от оков старой цивилизации, возвести на трон Мир и Благоденствие!

Гостей и участников собралось более ста человек. Будущие творцы человеческих судеб светскими львами прохаживались по огромному холлу конференц-зала, роскошно одетая прислуга подавала разнообразные напитки и фрукты, щелкали фотоаппараты, поблескивали голодные глаза телекамер.

Лица будущих премьер-министров, госсекретарей, президентов излучали вселенскую любовь.

В какой-то момент над головами вдруг взвился транспарант «Израиль агрессор» и враз изменив-

шаяся толпа, словно услышав магическое заклинание, на мгновение замерла и вдруг закипела дружным негодованием:

– Агрессор!

– Агрессор!

Особенным рвением истекала группа из молодых людей в кипах.

Дружно заработали телекамеры. Одна из них «наехала» на мужчину лет сорока пяти в черном джинсовом костюме:

Репортер: Мы беседуем с известным журналистом Хадисом Хараном... (журналисту): Ваши первые впечатления?..

Хадис: То, что я и предполагал. Посмотрите, как этот, заплескавшийся над головами будущих царей и их гостей транспарант, из торжественных, полных вселенской любви лиц в долю секунды сотворил жадную до ненависти толпу!

Но более всего ужасает отношение ко всему этому сытой еврейской либеральной молодежи! – и он кивнул на парней в кипах. – Еще более отвратительно отношение ко всему этому еврейского самодовольного истэблишмента, позабывшего страшные ужасы концлагерей и озабоченного только одним – своим благополучием.

Сегодня, когда Израиль залит кровью ни в чем не повинных детей, на деньги холеных еврейских буржуа содержатся университеты, где нагло ведется юдофобская пропаганда.

Репортер (торопливо): Спасибо... А сейчас я хотела бы представить наших новых героев: это – профессор Университета, известный в нашей стране биофизик и его студенты.

Репортер: представьтесь, пожалуйста.

Студентка: Меня зовут Джульетта. Я еврейка,

но считаю себя гражданкой мира. Я учусь в этом Университете. Мечтаю стать преподавателем... (улыбаясь, посмотрела на стоявшего рядом парня) Мы с Абасом – друзья.

Студент: Я – Абас... – и усмехнулся. – Я не еврей. Я с Джульеттой – хороший друг. Это ничего, что она еврейка. Она, зато левая, либералка. А еврейские либералы, как и весь мир, тоже наши друзья. Они все всегда говорят, что Израиль агрессор.

Профессор: Я счастлив, что мне довелось преподавать в этом прекрасном учебном заведении. У нас дружная многонациональная семья, и этим можно только погордиться! В свою очередь я считаю, что это подарок судьбы, что я учу детей многих национальностей.

Репортер (Абасу и Джульетте): Вы собираетесь в дальнейшем связать свою судьбу?

Абас (насмешливо-удивленно): Вы что, хотите, чтоб Абас женился на еврейке?!

Джульетта (как ни в чем не бывало): Да нет, мы просто однокурсники...

Репортер (профессору): А как бы Вы посмотрели на брак своей дочери с иноверцем, если бы встал об этом вопрос? Кстати, ваша дочь – тоже студентка вашего Университета?

Профессор: Апостол Павел, которого вы, конечно же, знаете, сказал: «Нет ни иудея, ни римлянина...». Мы все – дети одной земли... Какая разница, еврей ты или мусульманин, или христианин?... Я не скрываю, что я еврей, но я – либерал, космополит... Что касается моей дочери, я, надеюсь, что всегда смогу уважать ее выбор. Хотя, честно сказать, у нее несколько иные взгляды... – профессор посмотрел поверх голов и, видно, найдя того, кого искал, зазывающе помахал рукой: – Хаймалка!

– и пока она подходила, продолжил: – Хаймалка по духу патриотка еврейства. Мы заметили одну вещь: когда ей было всего года два, стоило ей увидеть древнееврейский шрифт, как она тут же невольно улыбалась. И вы знаете, это была радостная улыбка: словно она узнавала что-то знакомое и родное. А вот и она (профессор нежно обнял дочь).

Репортер (с улыбкой): Здравствуйте, Хаймалка, а про Вас мы уже кое-что знаем...

Хаймалка: Я могу добавить и еще кое-что...

Репортер: Вот и отлично. Скажите, как влияют на ваши с отцом отношения различные ваши позиции.

Хаймалка (с улыбкой глянув на отца и вдруг посерьезнев): Я считаю, что при такой звериной ненависти всего мира к одному маленькому еврейскому народу самая большая угроза для евреев исходит именно от еврейских левых-либералов... Но мой папа, хотя и говорит, что он либерал, он просто очень добрый и не хочет видеть негативных, как он говорит, вещей...

Репортер (кивнув глазами на цепочку с шестиконечной звездой на груди Хаймалки): Нужно ли иметь мужество, чтоб носить этот еврейский символ?

Хаймалка: Да, нужно. Сегодня почти все университеты Запада захлестнула ненависть к евреям. А сами студенты-евреи, как во времена фашистов, боятся показать, что они евреи, боятся заступиться за себя. Руди Джулиани как-то сказал: «Быть евреем и быть другом евреев, значит быть мужественным.». И я горжусь, что у евреев есть такие друзья и что судьба мне подарила самый огромный подарок: возможность быть еврейкой. – Хаймалка безлично скользнула по лицам Джульетты и Абаса.

Репортер: Я вижу, что участники стекаются в зал. Спасибо за беседу. Надеюсь, мы продолжим наш разговор. Удачи!..

Конференция проходила деловито и страстно: молодость планеты жаждала, чтоб «взрослые» отстранились от всех дел и дали новоявленным королям возможность решать, что есть ценность, а что и нет.

И все время в воздухе витало некое... ожидание.

И вот сбылось: к микрофону подошел студент-израильтянин. И снова, еще секунду назад любвеобильный зал в мгновение превратился в закипевшую злобную массу. В зале поднялся шум, посыпались насмешки, нервные выкрики. Израильтянину не давали говорить, захлопывали.

Отец Хаймалки, сидевший в президиуме, вдруг резко поднявшись, гневно посмотрел на затравленного израильтянина и с пафосом швырнул ему:

– А ты хотел бы, чтобы тебя выбросили из твоего дома?!

Поднялась новая волна злобных выкриков, а кто-то ринулся на сцену стаскивать израильтянина с трибуны.

Через какое-то время появились неторопливо вышагивавшие полицейские, самозванцев успокоили, но взбунтовавшийся зал все еще кипел от ненависти, и чем больше эта масса осознавала, что ее внутренняя жажда расправы сейчас не выполнима, тем больше она распалялась.

Тогда, неожиданно для всех, по ступенькам на сцену вбежал Хадис. Подойдя к потерявшемуся совсем у микрофона студенту-израильтянину, дружески похлопал его по плечу, поднял ладонь.

Отчего-то: то ли шокированный и не ожидавший такого исхода, а вернее противодействия к себе, озверевший зал затих.

– Меня зовут Хадис Харан, – в наступившей тишине отчетливо прозвучал его голос. – Я журналист. Я – араб. Я такой же, как вы любите говорить, гражданин Вселенной. Я хотел бы понять боль любого человека земли. Но больше всего я хотел бы понять боль еврейских матерей, чьи дети разорваны изуверами-террористами.

В зале стал подниматься шум.

– Я не еврей, но мне противна эта зверино-исступленная ненависть всего мира к одному маленькому народу.

Шум в зале перерос в выкрики и угрозы:

– Долой!

– Продажная шкура!

– Убрать его!

Председательствующий подошел к Хадису, отвел от него микрофон.

– Я внесен в списки выступающих! Вы не имеете права срывать мое выступление! – Хадис повернул микрофон к себе, но на сцену уже поднялись полицейские. Увидев, как за их спинами засветился глаз кинокамеры, Хадис оставил трибуну и пошел на камеру:

– Конфликт между израильтянами и арабами сводят к вопросу о земле. Но мусульманский мир занимает территории в тысячи раз превышающие территорию крохотного Израиля! Вдумайтесь – в тысячи раз! Это вопрос земли?! Нет. Это вопрос ненависти! А этот, надуманный, «палестинский народ», которого никогда в истории не существовало – новое оружие, которое, так называемая «мировая общественность», придумала для уничтожения Израиля.

В то время, когда евреи дают работу так называемым, «палестинцам», а в еврейских универси-

тетях на равных учатся «палестинские» юноши и девушки, в «палестинских» же домах с молоком матери прививают настоящую звериную ненависть к тем, кто кормит их и обучает!

Хадис медленно шел вдоль стены мимо надвинувшегося на него зала:

– Арабо-израильский конфликт есть только конфликт двух цивилизаций... Люди и звериная ненависть: вот истоки этого конфликта!

Сегодня даже каждый начинающий психолог знает: этот конфликт не разрешим! И он будет длиться до тех пор, пока одна из сторон не истечет кровью и не погибнет!

– Израильская шестерка! – студент в кипе плеснул было в лицо Хадису какой-то жидкостью, но сбоку оказалась Хаймалка и сбила стакан на пол.

– Бей жидовку! – бросил кто-то в разгоряченную толпу.

Произошедшее дальше оказалось тем финалом, которого так внутренне жаждала агрессивная толпа: Хадис был сбит с ног, женская рука сорвала с Хаймалки цепочку с шестиконечной звездой и швырнула ее под чьи-то сапоги.

Страшное месиво озверевшей толпы в мгновение взяло Хаймалку в плотное кольцо, сбило на пол...

...Вместо любви – ненависть...

Вместо мира – война...

Вместо любви – проклятье...

Вместо Храма – Стена...

...По комнате растекался мягкий свет ночника, заботливо стараясь быть в стороне от кровати Хаймалки, словно боясь коснуться ее подраненного тела.

Из госпиталя, почти к полуночи, ее привезли домой и теперь, после всевозможных блокад, она спала, положив поверх подушек уставшую, подернутую синяками, руку.

...В приоткрытую дверь заглянула мать. Лия всматривалась в осунувшееся лицо дочери, пытаюсь вслушаться в ее дыхание.

С трудом сдержав рвущийся из горла плач, вернулась в зал. Приглушенный свет ночника выхватывал из полумрака сгорбленную фигуру отца Хаймалки – пятидесятилетнего профессора.

Майкл сидел на краю дивана, опершись локтями о колени и подперев кулаками лицо.

Лия села рядом, неслышно плача, утерла глаза. Сжала кулак, из которого вытекла золотая цепочка с шестиконечной звездой.

Они долго молчали – две затихшие на диване фигуры.

Конец золотой цепочки, вытекшей из руки Лии смутно блеснул в полумраке.

Лия перевела глаза на стоявший напротив сервант: за стеклом, на одной из полок, в каком-то немом ожидании, замерли серебряный семисвечник и рядом небольшая, с ладонь, икона. За ними темнели корешки нескольких книг. Среди них были сувенирные издания Библии и Корана.

Лия, зажав ладонью рот, сопротивляясь накатившей волне плача, словно продираясь сквозь удушье, с каким-то упреком и ненавистью, проговорила:

– Это ты все сделал! Ты и такие же трусливые ев-

реи, как ты! Где они, ваши так называемые ценности?! Где?! Либералы поганые! Это все – вы! Вместо того чтобы уничтожать эту мразь, вы обучаете их, оплачиваете их университеты! А вместо благодарности – кровь моей дочери?! Вам не ценности нужны! Вы просто трусы! Вы покупаете свое благополучие, свою поганую безопасность ценой детской еврейской крови!

– Замолчи! – едва сдерживаясь, выдавил Майкл.

– Это я должна молчать?! Ты подставляешь звериной толпе единственную дочь, а я должна молчать? Убирайся! Я не хочу тебя видеть! Вон отсюда!.. Убирайся!

Майкл, словно обмякнув, опустил плечи, бросил к полу глаза.

Мгновение, другое... он поднялся и вышел из зала.

Лия в безмолвном плаче ткнулась лицом в ладони. Меж пальцев стекла золотая цепочка и шестиконечная звездочка.

...Это был обыкновенный домик, каких тысячи на улицах Большого Камня, плотно прилепившийся к соседнему, похожий на скворечник, с круглым окошком под самой крышей. Он ничем бы не выделялся среди других, если б в часы намаза из его окон не вырывалось неожиданное и чуждое для западных горожан, протяжное «...аллах акбар...».

И только тогда глаза прохожего невольно находили черную вывеску с белой паутиной арабского шрифта, да у входа, тут же на ступеньках, выстроенный ряд «разношерстной» обуви.

Эта была одна из десятков мечетей, разбросанных по всему Большому Камню.

Молельный зал ее начинался сразу от дверей – это было свободное от всякой мебели пространство с рядами разноцветных ковриков на полу...

...Шло время дневного намаза. Имам Идрис, мужчина сорока пяти лет, в чалме, с аккуратно – стриженной бородой, в черном сверкающем халате, вел молитву. Гортанный звук его голоса, медленно повышаясь, обрывался и накатывал снова, подобно долгой укачивающей волне.

Глаза Идриса, обращенные вглубь себя, казалось, не видевшие ничего вокруг, на самом деле замечали каждый поклон, каждое лишнее движение: разные люди посещали мечеть, каждый приносил в эти стены свое, но главное, они все были его преданными последователями, его, пусть, пока еще маленьким войском, но которому в скором времени суждено перерасти в огромные армии. Перерасти и захватить мир. А точнее, привести этот грязный людской мир под знамена новой великой идеологии – неоисламизма.

Единый мир – единая религия! А он, Идрис, начинатель этого нового мировоззрения, за которым пойдет все это мировое ничтожное людье.

Главное – знать это самое людье. Но и в этом отношении у него, имама Идриса, как раз все в порядке: за плечами – лучшие западные школы психологии и психотерапии.

С чего начался этот интерес он, кажется, уже и не помнил, но это было, как наваждение: если психология по-настоящему затопила все твое существо и у тебя есть деньги, тебя закрутит по всему белу свету: только бы по-настоящему соприкоснуться с той Божественной тайной, что называется СОЗНАНИЕ и МОЗГ. Именно она, эта тайна, как ничто другое, манила к себе, порою, как казалось,

подпускала к себе настолько близко, что чудилось: вот-вот нечто взорвется, разлетится на миллион кусков и перед тобой, как храм, откроется эта единственная вещь, ради чего стоит жить: тайна сознания и мозга...

Так Идрис оказался в Большом Камне, приобрел дом, открыл в нем частную практику врача-психотерапевта.

Через какое-то время соседи стали продавать свой дом; что-то подсказало Идрису купить его и перестроить под мечеть.

Так и сделал. Как-то быстро сколотилась небольшая община (может, потому, что он был врачом, но, может, отчего-то и еще) но люди пошли, и это было началом.

...Закончив молебен, Идрис прошел к себе в дом. Он мог войти в него прямо из мечети: благо здания стояли стена к стене.

На Идрисе одет великолепный темный халат. Лениво вытянув ноги, он сидит на диване в своем доме.

Перед ним, на низком квадратном столике – голубая пиала и фаянсовый чайник с зеленым чаем.

Идрис, смакуя, потягивает чай, закатывая маслянистые глаза. Появились мысли о приближавшемся еврейском празднике Дарения Торы. Вот бы увидеть его затопленным в крови...

...Ненависть к евреям... Он поймал себя на этом, но по давней привычке не отступить ни перед какой мыслью, занялся ею. Эта была странная и, кажется, необходимая ненависть. Имело ли значение, откуда она? Она жила в нем и все!

Она была такой же неотъемлемой частью его существа, как сердце, мозг, руки. А что питало ее – какое это имело значение?!

Она могла быть привита с самого рождения, могла просто течь по его жилам еще в материнской утробе, могла стекать еще со времен праотцев. Но все же в глубине души он знал, что эта была неистребимая ревность к тому, что евреи обладали той тайной Божественного, которая так манила его к себе всю жизнь.

Что-то случилось в горах древней Палестины – Мориа и Синае. Именно там, в том пространстве свершился какой-то прорыв к надчеловеческому, и там нить контакта с Божественным залегла в иудейское существо.

Но почему именно они – эти евреи?! Эта мысль, возникнув много лет назад, раздавила душу, как каменная глыба может раздавить человеческую плоть.

Еврейский мозг, продираясь сквозь злобу времени, затаил в себе знание трансцендентного, и Бог являет тайну через них, евреев.

Но если человек может все, то, значит, можно вырвать эту тайну из бесовской еврейской души!.. Только надо знать, как говорить с Богом... надо знать язык, на котором говорит Творец! Нужно уметь заинтересовать Всемогущего! А это возможно! И он фанатично верил: Всевышнего можно заинтересовать! Только нужно и можно научиться этому! Хоть у самого Сатаны, но научиться!

Идрису услышалось, как отчетливо прозвучало в мозгу «Сатана», но может, он невольно произнес его вслух...

...Идрис сидит перед зеркалами: истинный эмир! На нем атласный королевский халат, на

пальцах массивные сверкающие перстни. Вокруг Идриса суетится прислуга: полуобнаженные наложницы, повиливая ладно сбитыми бедрами, вьются вокруг, примеряя то одну, то другую чалму. Наконец, выбрана темно-коричневая, и те же темноокие гурии усаживают Идриса на королевский трон, услужливо подправляя полы его халата.

Но вот в какой-то момент чьи-то руки столкнули к трону черную мохнатую фигуру, и у его подножия упал на колени Дьявол. Он медленно поднял от пола козлиную губастую морду, вопросительно снизу-вверх посмотрел на Идриса и, поднявшись, отвесил глубокий поклон:

– К твоим услугам, о Великий!..

– Разве я тебя звал?! – с полугрозой спросил Идрис.

– Я умею быть с теми, кому нужна помощь... – уклончиво ответил Дьявол.

– ...Мне нужна помощь Сатаны?!... – Идрис подпустил в голос гнева.

– Помощь Знающего...

– Ты – знающий?! – усмехнулся Идрис.

– Я – тот Единственный, кто говорит «Нет!», когда Бог говорит – «Да!». Я – тот Единственный, который говорит «Должен!», когда Бог говорит – «Не смей!». Я – тот Единственный, который говорит «Жизнь!», когда Бог говорит – «Смерть!»

– Не слишком ли... для обыкновенного... рога-того...

– Все может быть... Но только, чтоб заинтересовать Бога, прежде нужно заинтересовать Дьявола!

Идрис посмотрел на него длинным, пристальным взглядом.

Сатана присел на ступеньку перед тронном и уже тоном торгаша продолжил:

– Если ты решил покопаться в тайне еврея, то мы можем на короткий срок подружиться!

– А почему на короткий? – усмехнулся Идрис.

– Ну, ты же знаешь, Светлейший: если я скажу на «длинный», то и получится на... короткий...

– Ты ко всему еще и наглец!.. Но говори: чего ты хочешь взамен?

– Но я тебе это уже сказал... Минуту назад...

Идрис на секунду задумался.

«Если Бога нужно познавать через Дьявола...» – внутренне усмехнулся он и вслух поддел:

– Ну что ж, «...умеющий быть...» – «...на короткий... так на короткий...».

Сатана, словно давно уже знал итоги этой сделки, в секунду оказался сбоку Идриса, острым длинным когтем надорвал над его плечом халат и прижал к оголившемуся плечу раскаленную печать.

Кожа задымила, Идрис, закричав от боли, обнажил выросшие в секунду клыки, и бросился на Сатану, но на его месте оказалась пустая клетка, железные прутья которой тут же с грохотом опустились.

Идрис знал, что теперь он крыса и разъяренно впился в решетку.

Откуда-то на золотой трон полилась нефть, Сатана поднял над рогатой головой зажженный факел и швырнул на залитый нефтью трон. Вспыхнувшее пламя, подобно красной тигрице, метнулось в лицо крысы. Та издала мерзкий дьявольский визг, вжалась в стенку клетки, но языки огня уже пожирали ее...

...Идрис открыл глаза: жена его, Фатима, склонившись, боязливо толкала в плечо. Идрис решил, что это был сон и сейчас он просто сидит на своем диване, в своей квартире.

Придя в себя, он оттер взмокший подбородок. Ему стало легко, будто мимо прошла страшная беда.

А вспомнив «сон», и всякую в нем чертовщину, громко и, как бы с иронией к себе, рассмеялся. Все бы хорошо, но вид озабоченной Фатимы насторожил: она, словно чего-то боялась, и не решалась об этом сказать. Взгляд жены скользнул в сторону локтя и только теперь Идрис увидел, что халат над его плечом разорван.

На секунду оцепенев и вспомнив «сон», острый коготь Дьявола, он вдруг с силой вlepил ладонью в плечо. Ладонь медленно поползла вниз, складки халата вокруг разреза разошлись и обнажили похожую на наколку маленькую фигурку зайца. Печать Дьявола!

Идрис в упор посмотрел на жену. Она упала на колени и сбивчиво заговорила:

– Идрис, клянусь Аллахом, не знаю... пощади меня! Я ничего не слышала! – вдруг сорвав с плеча платок, все так же на коленях, стала лихорадочно оттирать пол.

И только сейчас Идрис заметил темноватые следы копыт.

«Дьявол!» – Идрис оцепенело наблюдал за ползавшей на коленях и испуганно причитавшей женой.

Следы вели к лестнице в полуподвал. Идрис шаг за шагом пошел по ним.

Фатима бросилась ему в ноги, обхватив их, стала молить:

– Идрис, не ходи! Мне страшно! Идрис! Ради своих двух сыновей! Остановись!

Тот отпихнул ее каблуком, осторожно ступил на лестницу.

Следы копыт были на каждой ступеньке. Ози-

раясь по сторонам, Идрис спустился вниз. Следы мелкого семенящего шага повернули к стенке.

Красная дверь! Цвет Дьявола!

Идрис остолбенел: в этой боковой стене никакого выхода никогда не было!

...Идрис оттер взмокший от страха лоб, нерешительно взялся за красную ручку. Гулко било сердце. Сжав сильнее ручку, он вдруг рванул ее на себя и невольно отпрянул перед открывшейся перед ним картиной.

Он шагнул вовнутрь.

С лестницы осторожно спускалась Фатима.

– Идрис! – она бросилась к нему, но было поздно: протяжно взвизгнув, дверь закрылась.

Фатима схватилась за ручку, исступленно крича, стала рвать на себя, но дверь не поддавалась.

– Нет! Я не хочу! – пронзительный крик Фатимы забился в низких стенках полуподвала.

Она растрепала волосы, стала их рвать на себе, крича и плача, бессильно опустилась на пол.

Но вдруг за стенкой что-то заскрежетало, Фатима испуганно отползла, дверь стала медленно отходить, и из нее вышел Идрис.

Халат на нем был по-прежнему с надорванным левым рукавом, но цвет поменялся на красный.

Фатима бросилась ему в ноги, целовала ступни, подняла к нему голову. Глаза Идриса сияли, словно он получил нечто долгожданное.

Артистичным движением он схватился за порванный рукав и одним сильным движением сорвал его с себя.

Маленький красный заяц на предплечье показался более отчетливым.

Идрис легко, словно пушинку, отшвырнул ногой Фатиму и неспешной, королевской поступью

пошел к лестнице.

Фатима, отброшенная на пол, онемело, смотрела вслед поднимавшемуся по ступенькам мужу и потом перевела глаза на красную дверь. Та, взвизгнув, остановилась, оставив небольшой черный проем.

...После того, как в его жизнь ворвался Дьявол, Идрис передал управление мечетью своему близкому другу, до минимума сократил лечебную практику, забросил семью и, кажется, напрочь забыл о сыновьях. Все свое время он проводил за красной, пробитой Сатаной, дверью: там, за нею, распахивалось огромное пространство со своим светом и небом, землей и деревьями, множеством лабораторий и темниц, людьми и животными.

И только один единственный вход вел в этот непостижимый мир.

«Заинтересовать Бога!» – эта мысль заплнила все существо Идриса. А «заинтересовать Бога» – значило совершить неповторимый, грандиозный ритуал:

«...культовое действие, будь то жертвоприношение, состязание или представление, понуждает богов допустить желательное космическое событие, если оно представлено в ритуале...» – Идрис всей своей сущностью верил в эту древнюю идею: она таила в себе слово «матрица»...

И то, что задумал он, должно было стать самым Великим Жертвоприношением, какое когда-либо знала человеческая цивилизация.

И, кажется, к нему – к этому величайшему жертвоприношению было все уже готово: до этого, поистине Космического Вселенского чуда, которо-

го ожидал Идрис, оставались считанные дни.

И теперь, откинувшись на высокую кожаную спинку кресла и забросив ноги на стол, он сидел в своем НОВОМ «офисе», или, как он называл его, «Пульте Запуска».

На столе стоял большой монитор, начищенные до блеска красные туфли Идриса касались его корпуса.

Слева от Идриса распахнулась дверь – на Пульте появилось чудовище с головой вампира и туловищем человека.

Крепкой мохнатой рукой легко, словно игрушку, вампир держал за шею мужчину лет пятидесяти: им оказался профессор Майкл.

У вампира были огромные гнойно-желтые уши, острый, как у носорога, нарост, круглые, злобно сверкающие глаза. В его приоткрытом рту сверкали точеные, как бритва, передние резцы, ноздри хищно раздувались, и казалось, он вот-вот набросится на свою жертву, срежет острыми резцами с нее кожу и, как это делают вампиры, углубит языком рану и начнет лакать кровь. Как жаждущие псы лакают воду, так вампиры лакают кровь.

– Ваше приказание выполнено, Светлейший! – глухим механическим голосом отчитался вампир.

Идрис церемонно осмотрел сжавшуюся от страха фигуру профессора, повернулся к вампиру:

– Ты умница, Халиф... – Идрис небрежно бросил рукой в угол. – Там есть стул.

Вампир водрузил профессора на деревянный табурет, отошел к закрывшейся двери.

Идрис с заброшенными на стол ногами выждал минуту, затем повернулся вместе со спинкой кресла:

– С прибытием, господин профессор... Как добились?

Майкл, вжавшись в угол, подрагивающей рукой массировал шею, и как из двух норок, из его глаз выглядывало два страха.

– Надеюсь, Халиф не очень утомил Вас?

– Как вы смеете?! – возмутился профессор.

– А, может быть, пригласим вашего эд-во-кэтэ? – расхохотался Идрис, но, как бы повинившись, оборвал смех. – И вправду, профессор, извините за причиненные неудобства... – он нажал на кнопку монитора. На экране возникла блондинка с большими синими глазами:

– Слушаю вас, Светлейший...

– Джина, коньячку, пожалуйста...

– Слушаю, Светлейший!...

– Как вам моя секретарша? – Идрис насмешливо посмотрел на Майкла.

– Где моя семья?! – как бы пригрозил профессор.

– Прошу вас, расслабьтесь... Ваша семья на своем месте.

В комнату вошла Джина – девушка лет девятнадцати, стройная, в короткой юбке. Она поднесла Идрису серебряный поднос с бутылкой хорошего коньяка и двумя бокалами.

– Спасибо, моя девочка...

– Рада служить вам, Светлейший, – она налила коньяк и на подносе поднесла бокал Майклу.

Тот, вопросительно глянув снизу-вверх, взял бокал и залпом выпил.

– Будем здоровы, профессор! – Идрис сделал легкий глоток, поднявшись, сел на край стола.

Джина вышла.

– Что поделаешь... – нарочито-благодарно начал Идрис. – Таков мир. А мир наш – война... – и с пафосом поднял бокал:

– Война давно объявлена! Государство воюет с

государством, народ с народом, религия с религией, человек с человеком и человек с самим собой же! – и как бы дружески поделился. – Разве не так, профессор?.. А все эти науки, искусства, вся эта надуманная культура – все это лишь способы и состояния войны. Все – есть война и ее символы... И скоро в войну вступим мы – неоисламисты!

Майкл держал бокал, не зная, куда его деть.

– Халиф, обслужи господина профессора, возьми у него бокал, – дружелюбно попросил Идрис.

Вампир выбросил бокал в мусорный ящик.

Идрис развел руками:

– Робот есть робот, какой бы он совершенный ни был! Хотя, он может многие вещи... Увеличиться в размере, например... – и тут же нарочито спохватился. – О, да, это Вам уже было продемонстрировано. А вообще, как он вам? Нравится? Уникальнейшая машина! Аналогов еще нет. Но ничего, у Вас еще будет возможность удивиться его возможностям...

Профессор пристально посмотрел на вампира, но не выдержав свирепого взгляда черных круглых глаз, отвел глаза...

Идрис усмехнулся:

– Впрочем, профессор, мы имеем и еще кое-что... Одну секунду, коллега... – он повернулся к пульту управления, нажал несколько кнопок и на стене напротив открылся большой экран. Через мгновение на нем появились кадры с какой-то огромной комнатой или залом. Скорее, это походило на казарму: два длинных ряда коек были строго заправлены черными одеялами и на каждой кровати, словно окаменелые, скрестив ноги, сидели бритоголовые мужчины.

«Камера» наехала ближе, и Майкл невольно со-

дрогнулся: они были безбровы и походили на одинаково сработанных зомби.

Идрис, сидя на столе, слегка подался вперед и громко, в сторону экрана, бросил:

– О, мои великие воины!

Безбровые, секунду выждав и, узнав голос хозяина, разом сошли со своих коек и вытянулись:

– Слушаем, Светлейший!

Идрис с усмешкой посмотрел на Майкла:

– Что, профессор, коленки затряслись?! – и снова бросил к экрану:

– Отдыхайте, мои преданные солдаты.

В ту же секунду безбровое воинство вновь, скрестив ноги, замерло на своих койках.

Идрис выключил экран, с превосходством посмотрел на Майкла:

– Вот это и есть первые солдаты моей будущей великой армии! Мы спасем мир от неверных! Мы спасем мир от всякой нечисти!

Идрис сделал глоток коньяку, в нарочитом раздумье произнес:

«...время любить и время ненавидеть... Время войне и время миру...» – и вздохнул:

– Пророки тоже ошибаются... Я бы сказал по-другому: Не было на земле и дня без ненависти! Не было часа без кровопролития! И не было мгновения без войны!

Майкл исподлобья посмотрел на него:

– Что с моей семьей?!

– Ладно... – вроде бы с чем-то согласился Идрис. – Начну со второго вопроса: «...что с моей семьей...». Но на этот вопрос я вам уже отвечал... Так что на первый вопрос: «...что вам надо...» отвечаю... Я Вас... пригласил потому, что меня интересует иудаизм. Да, да, не удивляйтесь... Я,

наверное, один из немногих арабов, тем более палестинцев, которые интересуются этим. Правда, самый первый, кого заинтересовал, я бы даже сказал, захватил иудаизм, это был Великий Мухаммад! Да благословит его Аллах и приветствует! Как известно, этот интерес перерос в новую веру. Так что, как видите, мой интерес не случаен.

– Вы глубоко ошиблись... В этой области я не могу быть даже вашим собеседником... Так что «ошибаются» не только пророки.

Идрис рассмеялся:

– У Вас чувство юмора... Но мне Вы и не нужны – ни как собеседник, ни как сотрудник... если честно сказать... – и он посмотрел на реакцию Майкла.

Тот вопросительно глянул.

Идрис взял со стола газету, прихлопнув по странице костяшками пальцев, расправил ее и процитировал:

«Профессор рассказал одну любопытную деталь из своего раннего детства. Когда ему не было даже года, он своеобразно реагировал на древнееврейский шрифт. Стоило родителям показать его, годовалый малыш (будущая звезда биофизики) улыбался еврейским письменам, словно узнавал нечто близкое... Ну, вероятно, так можно улыбаться матери...» – Идрис сбросил газету на стол. – Узнаете? Репортаж с вашей, так нашумевшей, конференции.

Профессор это интервью помнил. Но то, как Хаймалка реагировала на древнееврейский шрифт, журналист ошибочно приписал ему.

– Это не я... – начал было он, но вдруг, отчего-то насторожившись, оборвал окончание фразы.

– Что... – не Вы? – в свою очередь в упор глянул Идрис.

– Извините...

– Идрис... Мое имя Идрис... – быстро ответил он. – Так что... «это не Вы»?..

– Я хотел сказать, что газете я никакого интервью не давал.

– А кому давали?

– Это было телевидение...

Идрис на мгновение задумался, подойдя к Майклу, резко приподнял его подбородок и в упор посмотрел ему в глаза.

Профессор попытался дернуть головой, но подбородок был зажат крепкими пальцами.

– Смотри, собака еврейская, я не переношу обмана! – и он оттолкнул его голову. – Халиф, правильно я говорю? – он посмотрел в сторону двери, которую охраняло огромное чудовище.

– Вы говорите правильно! – механическим голосом ответил вампир.

– Ладно... Приступим к делу! – Идрис стал у огромного на всю стену окна и пальцем поманил Майкла.

Тот послушно подошел и, глянув, остолбенел: там, за стеклом, распахнулось огромное пространство, которое точь – в – точь, хотя в меньших размерах, но повторяло площадь у Стены Плача и саму Стену. Словно каким-то образом сейчас, за этим окном, оказался кусок Иерусалима. Площадь была пуста, лишь несколько человеческих фигур, что-то сооружая, копошились в центре ее.

– Теперь, надеюсь, Вы видите, как интересен иудаизм арабу...

– Это невозможно! – оцепенело глядел Майкл.

– Ну, что вы... Разве может профессор биофизики произносить такую фразу!.. Все возможно! Все! Ибо во всем пребывает Бог! А может... Дьявол!

– Чего вы ищете? – в ноги Идрису спросил Майкл.

– Мо-ти-вация! – заерничал Идрис, но, выждав паузу, вдруг возбужденно выпалил:

– Язык Бога! Язык, на котором говорит Бог! Вот высшая тайна! Все эти ваши психотропные бредни и остальная чушь – это все детские игрушки, которые бросает вам Творец для потех!.. Язык Бога – вот что нужно понять! А именно еврейский мозг затаил в себе эту тайну-ТАЙНУ ЯЗЫКА ТВОРЦА! И потому даже годовалый еврейский ребенок, еще хорошо не осознавая, что стоит перед его глазами, так смеется, так радуется, когда видит какой-нибудь кусок Торы! И это были Вы! Мозг этого ребенка знает эту тайну! А, значит, знает тайну Ковчега!

Майкл, опустив голову, снова вспомнил телеинтервью:

«Хаймалка по духу патриотка еврейства, – говорил он женщине-репортеру: «... стоило ей увидеть древнееврейский шрифт, как она тут же невольно улыбалась. И вы знаете, какая это была радостная улыбка: словно она узнавала что-то знакомое и родное...»

Майкл взглянул на лежавшую на столе газету.

«Грубая и странная ошибка... – подумалось ему. – Впрочем, журналисты могут так перевернуть... А, может, это воля Господа Бога...»

– Эй, профессор! – резко позвал Идрис.

Майкл вскинул голову:

– Да, я слушаю, Вы говорили... ковчег.

– Да, ковчег! А Вы знаете, чем на самом деле был Ковчег Завета?

– Да, есть мнение, что Ковчег Завета был генератором энергетических полей.

– Не только... Через Ковчег Творец говорил с евреями... Дьявол Гитлер неспроста искал его... А он понимал в таких вещах...

Профессор длинно посмотрел на Идриса:

– Если суммировать: «шрифт»... «Ковчег Завета»... и... подсознание «ребенка» хранит об этом информацию... – профессор вдруг насмешливо взглянул. – Вы хотите заглянуть в мое подсознание...

– Я понимаю, что Вы обладаете еврейской иронией. Вы, евреи, так млеете от своей ироничности, но на самом деле за этой вашей ироничностью стоит лишь ваш вечный страх: вы не хотите и не можете постоять за себя. Да и вся ваша культура отсюда: от страха! И все так называемые ваши еврейские либеральные ценности!.. – и он желчно передернул:

«...и корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол будет есть солому...» – глаза Идриса загорелись ненавистью. – Когда шакал знает, что он шакал, он хочет чтоб и лев солому жрал... Но Бог с ним!.. А насчет подсознания, Вы оказались правы. Я хочу заглянуть в него. Даже не заглянуть, а вывернуть его, как старую шляпу...

...Майкл настороженно взглянул, а Идрис расхохотался:

– Да, мой дорогой профессор, испытать кое-что Вам придется. Я бы даже сказал пережить... Но Вы ведь тоже опыты проводите... Бедные крысы!.. А ведь как они похожи на людей!... Еще коньячку? Да вы садитесь, Майкл, присядьте...

Профессор сел на прежнее место в углу и глухо спросил:

– Чего вы хотите?

– Ну вот... Знакомый вопрос.... – и вдруг про-

никновенно открыл. – Запуск! Вам нравится это слово – Запуск?! А я обожаю его! Запустить подсознание! Как говорил Великий Тим – «вступить в контакт с клеточной мудростью»!.. Знаете? – Тантра, суфизм, танцы, пост... Но еще самоистязание, электрошок, секс!.. А еще болезненные физические процессы: например, делать на теле надрезы! Или еще лучше подпиливать зубы!

– Ты не посмеешь, Дьявол!

Идрис метнулся к нему и, чуть пригнувшись, задышал почти у самого лица Майкла:

– Для того, кто ищет Бога, не существует таких соплей! – и передернул. – «не посмею». Посмею! Тут и сметь нечего! Просто мне нужно было то, что нужно было. Ритуал! – он подошел к окну. – А теперь у меня есть все! – и он показал пальцем на Майкла. – Еврейский мозг, который меня устраивает, живой человеческий материал и пространство, где я совершу Великое Жертвоприношение!.. Заинтересовать Бога! Вот что главное! Сотворить нужную матрицу! – и он кивнул на «площадь» у «Стены Плача». Идрис взял недопитый бокал и как бы опомнился:

– О, пардон, профессор! – достав из бара свежий бокал, плеснул в него коньяку и поднес Майклу:

– Сатана! Дьявол! Сатана! – Тот наотмашь ударил по нему торцом ладони, бокал отлетел в сторону и раскрошился о стенку.

В ту же секунду возле Майкла оказался Халиф, заломил ему кисть, профессор закричал, на мгновение потерял сознание.

Очнувшись, увидел Идриса: тот сидел на краю стола с бокалом в руке. Вампир стоял у двери.

– С возвращением! – Идрис приподнял бокал. – Как самочувствие?.. Но ведь нельзя же так обращаться с таким божественным напитком...

Майкл с ненавистью отвел глаза в сторону.

– Ну, хорошо, профессор, на сегодня, пожалуй, достаточно! Через несколько минут Вы сможете отдохнуть, а сейчас я обязан поделиться с Вами Моим планом Великого Ритуала! Великого Жертвоприношения!

И он исподволь стал открывать ему задуманное. Скоро, говорил он, весь мир станет под знамена не-оисламизма! Вся нечисть будет сметена с лица земли. Скоро будут освобождены все великие города и в первую очередь – Иерусалим, который и станет его великой столицей! – он церемонно бросил рукой в окно, за которым распахнулось пространство – копия Стены Плача. – Иудейское племя, наконец, будет сброшено в море. Все ваши так называемые святыни, вся память о вас будет начисто искоренена и стерта с лица Земли. И в честь этого на Святой Земле, у Камней Истины (так будет называться Бывшая Стена Плача) будет устроено Великое Жертвоприношение.

Для этого на площадь будут пригнаны два-три их десятка, оставленные для этого Великого Ритуала. Они будут одеты так, как столетие назад мы, мусульмане, повелевали им одеваться! На них будут напялены высокие шутовские колпаки, на шее каждого тяжелые гири, перепоясаны они будут желтыми ремнями, а женщины их будут обуты в разноцветные башмаки: на одной ноге черный, на другой красный. Так мы, мусульмане, повелевали им одеваться, чтоб отличимы были они от нас – правоверных! И так они одевались! Эти ряженые будут волочь по земле мешки со своими последними книгами. А впереди них будет идти их раввин и читать книгу – эти раввины любят вести свое стадо на закланье с открытой книжкой. Но никогда

еще Всевышний не был с ними. Чуть позади этого раввина будет идти связанная по рукам Жертва. Так пройдут они семь кругов, потом снесут свои мешки в центр площади к жертвенному камню, вывалят их нутро. Тогда зажжется факел истины, и они сами начнут сжигать свои книги. И потом сами эти шуты будут отданы в руки ликующей толпы: пусть народ потешается над их шутовским видом и рвет их на части. И потом настанет самый Великий час: связанную жертву положат на жертвенный камень, и самый доблестный мой воин сотворит самое великое в истории жертвоприношение. И это будет великий миг: вся память об этом рабском иудейском племени будет стерта с лица Земли...

Но не успел Идрис закончить, как на «Пульте» взорвался громкий и болезненный смех: Майкл, закатив голову, истерично хохотал и хлопал ладонями по обеим коленкам.

Идрис глуповато улыбнулся, но тут же, приняв насмешливый вид, сделал вампиру знак рукой: убрать!

Халиф схватил профессора за шею, сорвал со стула и поволок к двери.

– Урод! Ты больной! Маньяк! – вырываясь из клешни вампира, захлебываясь, закричал Майкл.
– Маньяк! Маньяк!

Он пытался сорвать с шеи мохнатую руку чудовища, но тот, приподняв его над полом и понес легко, словно пойманного за холку кролика.

– А есть и еще кое-какие способы «запуска»! Например, сильная душевная травма... – вслед ему зло рассмеялся Идрис. – Хотя бы лицезреть смерть самого дорогого существа!.. А лучше – не одного!...

– Ты не посмеешь, мразь! – рванулся Майкл, но

вампир уже протащил его сквозь дверь и поволок по длинным тускло освещенным коридорам.

– «...по-сме-ешь...не посмеешь...» – вслед профессору, насмехаясь, передернул Идрис и когда закрылась дверь, повернулся к окну, за которым завершалась подготовка к «Великому Жертвоприношению».

Идрис по-наполеоновски скрестил на груди руки, глаза его надменно замерли, словно он видел огромные толпы, суеверно падающие к его ногам.

Но вдруг ему подумалось о жене, вспомнились далекие с ней ночи, горячее, страстное тело Фатимы, ее вскрики. Кажется, это было в каком-то далеком, давным-давно отлетевшем прошлом: в последнее время он и вправду как будто забыл о ней... Ему представилось, как он мог бы сейчас сорвать с нее одежды, завладеть ею, ему увиделись ее твердеющие в любви розовые соски-виноградники. Тело затопила жаркая волна.

В дверях появился вампир. Идрис, кивнув ему: за мной, вышел из-под подполья в полуподвал своего дома и легко, словно в нем проснулся двадцатилетний юноша, вбежал по ступенькам в гостиную. Фатимы там не оказалось, не было ее ни в кухне, и ни в ванной.

Идрис вопросительно посмотрел на вампира.

– Надо смотреть наверху... – заученно ответил Халиф.

Идрис стал медленно подниматься на второй этаж и у самой лестничной клетки оцепенел: из одной из спален доносился тающий голосок жены и воркующие мужские голоса.

Глаза Идриса зло полыхнули, обеими руками он вцепился в деревянные перила, белые от напряжения пальцы, казалось, сжимали не эти деревян-

ные поручни, а душили кипевшую внутри ярость.

Но вот, словно пересилив себя, он посмотрел на вампира, стоявшего двумя ступеньками ниже:

– Ее можешь взять, остальных в темницу... К евреям! – спустившись в полуподвал, он поставил напротив красной двери кресло и, развалившись в нем, стал ждать.

Сверху донесся женский визг и мужские крики. А через минуту к ногам его скатились с лестницы двое мужчин. Безбровые. Следом, держа за шею трепыхавшуюся Фатиму, спустился к Идрису вампир.

– Ты сам во всем виноват! Ты Сатана! Ты продался Сатане! – кричала Фатима.

Безбровые умоляюще ползали в ногах Идриса, тянулись целовать его ноги:

– Не губи, Светлейший!

– Пощади! Ради детей пощади!

– Она сама нас затащила!..

– Она угрожала нам!

Идрис брезгливо отпихнул их ногой и махнул вампиру. Тот рванул на Фатиме легкую блузку. Она стала отбиваться, кричать, угрожать, что расскажет всем про красную дверь, но вампир, сбросив ее на ступеньки, разорвал на ней надорванную прозрачную блузу, наклонившись к ней, передними резцами срезал на груди кожу, углубив языком рану, стал лакать кровь.

Хлюпающий звук жутко стегал тишину полуподвала. Фатима неподвижно лежала под Халифом, закатив к потолку неподвижные остекленевшие глаза.

Двое безбровых оцепенело отползали в сторону.

Идрис открыл красную дверь и скрылся в слабо освещенном проходе.

...Темница, в которую вампир втолкнул двух безбровых мутантов, скорее походила на пещеру. Под ее низким куполом висел всего один фонарь, тускло освещавший каменистое чрево. Здесь не было лежанок, пол был забросан соломой.

Обитатели полумрака, сверкая глазами, словно волки, насторожились в своих углах.

За мутантами закрылась дверь-решетка из металлических прутьев.

Глаз, по привычке к этому полумраку, мог различить сидевшие вдоль стен несколько групп. В глубине, в тесной кучке, затаилось человек пятнадцать в черных кафтанах и шляпах – сектанты из Нетурей карто*.

С ними, хотя чуть поодаль, сидела еврейка в черном платке и косынке. Руфь.

В пещере находилось еще три пленника: мужчина, лет сорока, Соломон, и недалеко от него две женщины. Одна, лет восемнадцати, – она сидела, положив голову на плечо матери. Хаймалка и Лия.

Мутанты злобными глазами прошлись по фигурам сокамерникам, уставились в лица натурейцев.

– Натурей карто! Мы Натурей карто! Мы против сионистов! Смерть Израилю! Вся власть арабам! – один из группы встал на колени.

– Дерьмо! – сплюнул мутант.

Соломон, внимательно следивший за этой сценой, длинно выдохнул:

* Нетурей карто – реакционная иудейская община, резко выступающая против существования Израиля. В арабо-израильском конфликте занимает проарабскую сторону, поддерживает тесные контакты с экстремистскими юдофобскими организациями.

– Эй, натурей-катурей, не скажете, сколько еще времени евреи будут служить своим врагам?! А?! Мало нашей, еврейской, крови пролито за то, что б у нас наконец-то возродился наш дом, наш очаг? Мессию хотите?! А может Мессия и есть та кровь, которая пролита за то, что бы евреи смогли, наконец-то жить в своей возрожденной стране?! Не приходило ли вам в ваши вражеские мозги, что Пролитая Еврейская Кровь, которая взывает к защите Израиля и есть взывающий к нашим сердцам Мессия?! А?! Вы, уроды, думаете, что арабы пожалеют вас?! Они вас первыми и прикончат! Запомните – первыми!

Соломон, глянув на затихших вокруг «соседей», невольно протянул:

– Ну и компашка подобралась!

С десяток глаз уперлось в него.

.. Мутанты сели в метрах трех от Руфи. Один из них, в упор рассмотрев ее, с ухмылкой кивнул второму и на четвереньках пополз к ней.

– Я давно такую хотел! – перебирая коленями и руками, все больше распаяя себя, отшвыривая из-под рук пучки соломы, он подобрался к заслонившейся руками женщине.

Хаймалка дернулась было броситься к ней на помощь, но в памяти невольно возникла звероподобная толпа, обезумевшие глаза... жаждавшие ее крови, удары ног...

Хаймалка ткнулась матери в грудь, плотнее прижалась к ней. Лия обняла ее, наклонившись над ней, словно хотела защитить от надвигавшегося насилия.

Кто-то из группы что-то пролепетал, но его тут же осадил голос второго безбрового:

– Сиди, собака, пока тебя самого не трахнули.

Первый, приободренный этой поддержкой, подполз к женщине.

– Стоять! Стоять, мразь! – вдруг крикнул Соломон, но тот, уже рванув на ее груди платье, навалился на нее.

– Нет! – она пыталась отбиться, безбровый замахнулся было ударить ее, но Соломон успел перехватить его руку. Переломив ее в запястье, схватил мутанта за загривок, сорвав с колен.

Тот взвыл и стал изворачиваться.

В руке второго блеснул нож. Евреянка, увидев поднышающую фигуру второго, прижимая к груди оборванный лоскут платья, стала на колени. Мутант выставил перед собой мерцающее в полумраке лезвие, шагнул к спине Соломона, замахнулся, но напряженное нутро сумрачной пещеры разорвал пронзительный женский крик:

– Не-ет! – Руфь, словно волчица, бросилась на него и двумя руками стала удерживать рвущуюся к спине Соломона руку мутанта.

Соломон успел отшвырнуть первого, обернулся, перехватив руку второго, ударил его в пах и вырвал из его руки нож.

Тот, взыв, отлетел к стенке.

Соломон и еврейка оказались лицом к лицу. Долгую минуту в свете тусклого фонаря они смотрели глаза в глаза, словно что-то узнавая друг в друге.

Она попыталась сдержать слезы, но, не устояв перед рвущейся волной отчаяния, прильнула к груди Соломона и, уже не сдерживаясь, отпустила плач.

Одна рука Соломона, с ножом, осторожно прилегла к ее подрагивающей спине, и он отвел от нее лезвие, словно боясь невзначай поранить:

– Ш-ш-ш! Все позади! Все уже позади!.. Милая моя! Родная! Спасибо тебе!

Сунув нож за пояс, он взял в ладони ее лицо. В свете тусклой лампы к ее припухшим и так поманившим губам сбежали две дорожки-слезы. В первые секунды она стояла с закрытыми глазами, словно не решалась посмотреть, и обеими руками прижимала к груди лоскут изодранного платья.

Но вот ее затененные веки открылись, и из-под мягко изогнутых бровей на Соломона взглянули большие преданные глаза.

Долгое мгновение они стояли близко, лицо к лицу, и, казалось, даже полумрак этой душной пещеры не мог затенить засветившейся в их глазах любви.

Сектанты из Нетурей карто брезгливо косились на Руфь. Та, которая еще минуту назад всецело принадлежала их клану, теперь вот так бесстыдно отдалась рукам гоя. Разом изменившись к ней, как черные вороны, зло нацелились на нее. Но вот кто-то, видно самый целомудренный, сорвавшись со своего угла, за руку оторвал ее от Соломона и увлек на прежнее место – к стенке.

Подобрав под себя пятки, она ткнулась лицом в колени.

Соломон стоял в центре этой душной пещеры почти под самой лампой, и ее желтоватый свет вылепил его сникшую фигуру с опущенной головой.

И какая-то едкая тишина нацелилась на него.

Хаймалка вопросительно глянула на мать, та, поняв боль и стыд в глазах дочери, обняв ее за плечи, прижала к себе...

...Человек – это встречи – каждую секунду, каждый миг.

Встречи, озаряющие откровением и отбрасывающие во тьму.

Встречи с любовью и ненавистью, встречи с водой и камнем.

...Встречи быстры, как молния, и могут оставить черный след.

Ты выходишь в мир, что бы встречаться, и возвращаешься ради встреч.

...Тысячи лет наши встречи кровь и смерть.

Пришелец поднимал на копье отнятого у матери младенца. Изгнанник любил песни о чужой земле, тоскуя о камнях далекой Родины.

Поработивший искал истину у раба.

Был отнят хлеб у своего ребенка, чтоб прокормить чужого.

Сын предавал свою Землю, а иноверец отдавал за нее жизнь.

Чужестранец был мудрым учителем, а соплеменник ослеплял и сжигал святые книги Отчизны.

Но мы не знаем, не помним и не хотим понять...

...Двое конвоиров в черной камуфляжной форме вели профессора Майкла по тусклым бетонным коридорам подземелья. Вдоль стен было встроено несколько дверей. Сквозь одну из них прорвался исступленный мужской крик: словно кого-то пытали.

Профессор болезненно сощурился, словно пытался упрятаться от этого истошного голоса. Он мельком осмотрел своих конвоиров: безличные зомби. Это были из тех бритоголовых и безбровых существ из казармы, которую Идрис показал ему на стенном экране.

Наконец, за поворотом они остановились у черной двери. Безбровый прижал Майкла к стене лицом, и только после этого второй из них набрал на панели код, и профессора втолкнули в открывшуюся, уже знакомую Майклу, комнату: «Пульт Запуска».

Идрис стоял над мужчиной, который что-то быстро печатал на компьютере.

– А, вот и профессор! – и нарочито-радостно раскрыл руки.

Мужчина за компьютером обернулся: он был обросшим, неухоженной, с проседью, бородой и ниспадающими на плечи длинными, прямыми волосами.

– Не узнаете, профессор? – благодушно спросил Идрис. – Все та же конференция... Журналист, который героически защищал Израиль... Вспомнили? – он церемонно повел рукой в сторону бородача. – Знаменитый на весь мир – Хдис Харан! – и едко подкинул. – Но теперь уже бывший... А сейчас этот правдолюбец стряпает «Новые протоколы сионистских мудрецов». Раньше он поливал грязью всех юдофобов, а теперь вот разоблачает евреев. Жить-то... хочется!.. Но самое интересное, что мир снова поверит в эти «протоколы». И даже с самым превеликим удовольствием. Ведь то, что направлено против евреев, так называемая «мировая общественность» сожрет, как деликатес. Только подавай! – и повел ладонью в сторону Майкла. – А это наш знаменитый биофизик, профессор, у которого в голове есть кое-какие догадки.

Бородач и Майкл молчаливо всмотрелись друг в друга.

– Ну, хорошо.. – Идрис глянул на журналиста. – Дай мне распечатку этих двух «матерьяльчи-

ков». – он с особенным удовольствием произнес «матерьяльчиков».

Бородач вернулся к компьютеру.

– Вы присаживайтесь... – Идрис показал Майклу на прежнее место в углу, где стоял все тот же деревянный стул.

– Кстати, сегодня ведь хороший еврейский праздник Рош Гашана! Как там... – и он, как бы поднапрягши память, процитировал:

«...кто будет жить, и кто умрет, кто прожил предел своих лет, и кто нет, кто погибнет в огне и в воде... – и тут он поднял палец и продолжил. – кто будет жить в мире, а кого будут терзать...»... Красиво сказано!.. Хотите выпить в честь праздника?

– Спасибо... – глухо отрезал Майкл.

Моноotonно заработал принтер, бородач подал Идрису два листа с плотно напечатанным текстом.

– Можешь идти... – Идрис взял бумаги.

Бородач пошел к двери, где стояли конвоиры Майкла, пристально глянул на сидевшего в углу профессора.

Тот проводил его убегающими вдаль глазами, словно пытался что-то понять, потом посмотрел на широкое, во всю стенку окно, за которым скрывалось огромное сатанинское пространство.

Бородач вышел с одним из охранников, второй остался у двери.

Идрис сбросил листы к компьютеру, по своей любимой привычке, сел на край стола:

– В прошлый раз, помнится, я обещал Вам показать возможности моего Халифа. Помните Халифа? – будничным тоном спросил он.

– Что с моей семьей?! Где моя дочь, мразь?! – приподнялся профессор.

От двери шагнул конвоир. Идрис сделал ему

знак рукой и тот отошел на место.

– Слышишь, еврейский пес! – Идрис повернулся к Майклу – будешь говорить нехорошие слова, попадешь за ту дверь: ты только что проходил мимо нее... там... еще кто-то очень громко разговаривал... Очень громко... Вы ведь не могли не услышать этого... – он с нарочито-великодушным укором распахнул руки.

Майклу припомнились пронзительные крики, прорывавшиеся сквозь одну из дверей тоннеля, он потерянно свесил голову.

– Ладно... – Идрис взглянул на часы. – Самое время. Скоро в синагогах начнут трубить в шофар, – он нажал на одну из кнопок сбоку стола, и на боковой стене засветился большой экран.

«...кто будет жить в мире, а кого будут терзать...» – как бы для себя проговорил Идрис, и на экране возникла, парившая в небе фигура вампира.

– Смотри, еврей! – вдруг возбудился он, бросив рукой в экран. – Это начало того, о чем столько мечтал весь праведный мир, чего не мог добиться никто, даже Великий Гитле.

...Халиф опустился посредине широкой запруженной автомашинами улице.

В несколько мгновений вампир превратился в огромное семиметровое чудовище. Он поднял двухметровую ступню и ударил по проезжавшему мимо автомобилю.

Машина превратилась в смятую консервную банку, за ней расхлестали воздух завизжавшие тормоза десятка машин, некоторые из них оказа-

лись на встречной полосе – в пару минут широкая улица превратилась в беспорядочную массу столкнувшихся, перевернутых автомобилей.

Крича от ужаса, сбивая друг друга с ног, по сторонам разбегались обезумевшие от страха люди.

Завыли сирены пожарных, «скорых» и полицейских машин.

Вампир, подхватив одну из человеческих фигур, лакал из его разорванного горла кровь.

Отбросив мертвое тело, как насытившийся хищник, Халиф осмотрел взорванный под ногами человеческий улей, разбросал по сторонам огромные руки и, вытянув кверху черную вампирскую морду, издал громкий ликующий крик, крик счастливого существа, познавшего всю свою мощь.

Упоенный своей силой, Халиф расшвырял замершие под ногами автомобили, которые отлетали по сторонам, как легкие спичечные коробки.

В небе закружили вертолеты. Чудовище, легко спружинив, взмыло в синеву. Его красная пасть распахнулась в сатанинском ликующем крике и из нее выбивался острый багровый язык.

Полицейские вертолеты на расстоянии закружили вокруг чудовища, которое, упиваясь полетом, купалось в небесной выси. В какой-то момент оно нырнуло вниз, подхватив с земли автомобиль, вознеслось с ним в небо, зашвырнув его, подхватило еще машину, и тогда кружившие вокруг вертолеты ударили по нему длинными пулеметными очередями.

Пули прошили его тело, но вампир, угрожающе раскрыв пасть, нырнул к одной из «стрекоз» и ударил по ней огромным кулаком. Машина переломилась, как спичка, и рухнула на замерший в страхе и любопытстве город.

Халиф увидел, как второй вертолет идет прямо на него, понесся навстречу сам, вытянув вперед обе руки. Перед самым, уже казавшимся неизбежным, столкновением, «стрекоза» вдруг попыталась вывернуть вверх, но вытянутые руки вампира, вонзившись в ее «брюхо», рассекли ее надвое.

Вспыхнувшие куски металла рухнули на груды столкнувшихся на дороге автомобилей.

В небе появились истребители, но вампир уже не обращал внимание на эти машины, словно они потеряли для него всякий интерес.

Он нырнул к земле, мягко спружинив на огромных ногах, оказался напротив старинной синагоги.

В Бэт-Эль шло празднование Рош-Гашана. Подходило время выноса свитка. Возбужденно молились мужчины, покрытые светлыми талитами, а на небольшом балконе благоговейно щебетали женщины.

Это праздничное небольшое пространство больше всего украшала девочка лет четырех. В светлой рубашке, длинной синей юбчонке, с ниспадающими на хрупкие плечи каштановыми мягкими локонами, она, как солнечный зайчик, беззаботно бегала меж молящихся мужчин, что-то радостно щебетала и, как старушечка, смешно держась за поручни, поднималась на балкон к матери.

Ее мать, молодая женщина лет двадцати пяти, в длинной одежде евреянки, поймала девочку за руку, но солнечный зайчонок, выскользнув из ее руки, снова засеменил к лестнице вниз.

Раввин возвысил в молитве голос, Свиток, качнувшись в руках одного из мужчин, поплыл по залу.

Вдруг с улицы раздались истошные крики. В си-

нагоге на мгновение все замерло, а за ее стенами продолжали рваться пронзительные крики мужчин и женщин.

Мать девочки бросилась к лестнице.

Начавшуюся было суматоху, остановила брошенная кверху рука раввина:

– Шэма Исраэль! – как бы приказал он и, громко читая молитву, направился к двери.

– Шэма Исраэль! – зашептали десятки дрожащих губ.

– Шэма Исраэль! – люди в растерянности боялись смотреть в глаза друг другу.

Раввин, подойдя к двери, распахнул ее, увидев шагнувшее к синагоге чудовище, на мгновение оцепенел, но в доли секунды в его воспламенившемся мозгу промелькнула страстная раввинская мечта: вот властная рука с ножом занеслась над жертвенником, на котором лежал связанный по рукам и ногам юноша, вот нож уже готов был, ринувшись вниз, пустить жертвенную кровь, но громовой голос отвел мужественную, не дрогнувшую руку...

Глаза раввина полыхнули фанатичным огнем, он закрыл дверь, пророчески оглядев испуганные сникшие тела и вымаливающие надежду глаза, снова величественно поднял руку:

– Шэма Исраэль!

Девочка уже была на руках своей молодой мамы, и они замерли у стены за спиной раввина.

На улице все стихло, но от какого-то сильного удара была снесена крыша, и над головой верующих возникло кровожадно раскрывшаяся пасть чудовища.

Рванулись к небу женские крики, но тут же возникла оцепенелая, тишина, люди стали жаться

друг к другу, собираясь в единый затравленный страхом ком.

С балкона снова ударили женские крики, вампир новым ударом вмял в пол, забившиеся в судороге, женские тела.

Женщина прикрыла глаза девочки рукой, припав лопатками к стене, стала медленно скользить к выходу.

Малышка стала капризничать, пытаясь оторвать от глаз ладонь матери.

Чудовище занесло руку, и от нового удара приплющились к стене мужские искаженные лица. Деревянная стена с окровавленным месивом человеческой плоти затрещала и рухнула.

Халиф подхватил и смял в кулаке прикрывавшегося свитком мужчину, и на обезумевших людей упало разорванное надвое туловище, следом от пасти вампира размотавшись, скатилась вниз пергаментная лента Свитка. Исписанная черным шрифтом, она медленно поползла вверх, исчезая в пожиравшей ее пасти.

Из открытой ниши для свитков выпали два, еще остававшиеся в ней. Железная дверца ниши, покачнувшись, замерла.

Женщина, крепче прижав ребенка к груди, бросилась было к выходу, но в ту же секунду чудовище, разорвав ленту Свитка, отбросило ее на рухнувшие стены и вырвало ребенка из рук матери.

– Нет! – она бросилась руками к дочери, но вампир снова увидел замершую дверцу ниши и с размаху бросил ребенка на ее железную дверцу. Тело девочки, напорвшись на острый угол, переломилось и рухнуло на пол. Мягкие каштановые локоны накрыли лицо девочки, но и сквозь них ударили в небо остекленевшие детские глаза.

Мать девочки, пронзительно крича, забилась у стены.

Чудовище, вытянув от блаженства морду, придавило ее огромной ступней, из-под которой вырвался багровый пузырь из окровавленной женской рубашки.

Вытягивая от блаженства окровавленную морду, вминая в руины останки людей, Халиф шагнул к стене с пустой нишей для Свитков, вклеил по ней ступней, стена, раскрошившись, рухнула. Огромная пята Халифа поднялась над валявшимися на полу свитками и, ударив по ним, проломил пол.

Свитки исчезли под обломками гнилых досок и кусками обрушенной стены...

...Бесполезно кружили в небе новые вертолеты и беспомощно выглядывали из-за машин полицейские с автоматами.

... Древняя Бэт-Эль, полная светлого праздника, в несколько мгновений превратилась в руины, из-под которых доносились стоны еще рвущихся к жизни, изуродованных человеческих тел.

Под полом рухнувшего балкона возникло страшное копошение, за ним потянулся протяжный затухающий зов,

И меж обломков вытекла и жадно потянулась кверху окровавленная рука.

Халиф блаженно загоготал, подцепив ногой странно скорченное тело, швырнул его к этой выбившейся из руин молящей о помощи руке. Безжизненное туловище, перевернувшись в воздухе, напоролось на торчавшее рядом с рукой острие поломанной доски. Руины под трупом опустились, окровавленная рука, последний раз дернувшись, безжизненно замерла.

Над всеми этими руинами возвышался лишь не-

большой кусок как-то выстоявшего правого угла Бэт-Эль.

Халиф, ступая по трупам, по еще живым, шевелившимся телам, в несколько шагов достал до этого уцелевшего угла, огромными лапами сорвал его и зашвырнул далеко на улицу.

Разлетевшиеся доски обнажили посеревший, похожий на застывшего бегемота, большой камень. От него начинался город Большого камня.

Халиф ударил по нему ступней, но валун не дрогнул. Он ударил еще сильнее, но камень не поддался.

Оторопевшее чудовище дико взвыло и с новой силой вlepило ступню в серый бок валуна.

На этот раз камень шевельнулся и приподнялся кверху одним углом.

Халиф ударил еще раз, угол валуна приподнялся еще больше, и вдруг из-под его потревоженного бока выступила вода...

Халиф, раскинув огромные лапы, в диком восторге загоготал, распахнутая красная пасть обнажила острые передние резцы...

...Экран погас... По комнате расплзлась выжидающая тишина. Идрис, по-наполеоновски скрестив руки на груди, свысока смотрел на Майкла. Профессор сидел неподвижно; сгорбленный, с поникшими плечами, безлично ткнулся глазами в пол.

Но вдруг, обхватив руками голову, потерянно застонал:

– Безумцы! Уроды!.. Господи, где же ты?! – он покачивался из стороны в сторону, как после тяжелого плача.

Идрис вытянулся в кресле и заерничал:

– О Боженьке вспомнил, товарищ еврейский либерал!.. и он издевательски расхохотался. – Елбай!

Майкл с ненавистью посмотрел:

– Ненавижу! Презираю!

Но слова профессора только подзадорили сытое гоготанье Идриса.

– Ничего удивительного... – перестав смеяться, отметил тот. – Ненависть для еврейского левого или как вы там сейчас «перекрашиваетесь» – либерала, одним словом, елбая, ненависть – это ваша левацкая натура!

– Не вашим фашистским душонкам рассуждать о нас! – крикнул профессор.

– Да я и не рассуждаю, я говорю сейчас, как врач-психотерапевт... Вот из-за таких, как вы, и страдает ваш народ... Если еврей принялся за какое-то начинание, но при этом он объявил себя левым-либералом, то жди беды, даже не беды, а катастрофы. Вы слышали про «Альталену»?.. Нет?.. Ну, тогда послушайте! Любопытная еврейская история. В 1948 году еврейские левые расстреляли корабль, на котором прибыли в Израиль евреи для защиты вашего же сионистского государства. А на корабле находились бедолаги, которые чудом выжили в фашистских концлагерях. Гитлер их не достал, а зато ваши левые их и ухлопали. А ведь на «Альталене» еще было огромное количество оружия. Бедняги везли это все через моря-оке-йя-ны, чтоб помочь в борьбе против арабов, но не довели. У самого Тель-Авива свои же и разбомбили. Такое преступление против своего народа способны совершать только левые коммуняги!

– А чего это у «отца неоисламизма» так вдруг за Израиль душа разболелась? – подбросил профессор.

– Бросьте, профессор! Какая чушь! У меня не «душа разболелась»... а чтоб ни одной еврейской души не осталось... и не только в Израиле... А мой, я бы сказал, анатомический интерес к евреям в этой ситуации просто неизбежен... Так вот, что касается, еврейских либералов... Любопытная теория здесь выстраивается... – Идрис мельком глянул на Майкла. Тот отвернулся, как фыркнувшая институтка.

– Вот и прекрасно... Ваша реакция, как раз говорит об обратном: зацепило вас, мой дорогой профессор! – и он нарочито-великодушно похвалил. – Ученый! Сразу видно! А для настоящего ученого теория дороже родной матери... Так что выслушать меня вы выслушаете.. – Идрис достал из бара коньяк, плеснул в два бокала.

– Нашей взаимной любви это не помешает... – благодушно заметил он, протянув Майклу коньяк.

Тот, поколебавшись, как бы нехотя взял, но уже через мгновение, залпом осушил бокал.

...Идрис чувствовал себя профессором на кафедре, забросив руки за спину, расхаживал по комнате. Подойдя к стоявшему у двери конвоиру, смахнул с его плеча пылинку, вернулся к своему столу, достал из нагрудного кармана рубашки маленький, с крохотную таблетку, фоночип, демонстративно осмотрев, сунул назад и как бы, опомнился:

– Ну так вот... Хорошо известно, что наличие чувства собственного достоинства – одна из самых основных потребностей человека. Одной из ее опор является осознание своей принадлежности к чему-то или кому-то. «Принадлежать!» – вот жажда человека. Еврейский левый, или либерал, полон страха от того, что он рожден евреем, и полон чув-

ства вины за то, что он еврей. Самые большие враги для него, это слово еврей, еврейская внешность, еврейские символы, словом, все то, что может выдать в нем его еврейское происхождение. Отсюда и начинается его конфликт... «Левый невроз»... А как я это придумал, а?! – просмаковал он. – Но продолжим... Великий психолог Перлз... тоже еврей, конечно, говорил. – Идрис скрестил руки на груди и на память процитировал:

«Заразная природа невроза основывается на сложном процессе, в котором, во-первых, присутствует чувство вины и страха оказаться изгоем, и, во – вторых, желание установить контакт, даже если это будет и псевдоконтакт.»

«Я – гражданин мира!» – вопит левый, чтоб скрыть, что он еврей! «Я принадлежу к мировой цивилизации!» – орет он на всех углах, чтоб только скрыть свою принадлежность к еврейству.

Но смотрите что получается, арабы подали резолюцию «В защиту палестинских детей», и ее приняли на одном дыхании! Но стоило только Израилю подать такую же резолюцию «В защиту израильских детей», так ее тут же, на том самом одном дыхании, и отвергли. По сути – именно этот день стал крахом вашей, как вы хвалитесь, «белой цивилизации» Ведь если вдуматься в то, что произошло: защищать жизни одних детей и отказать в праве на жизнь другим детям?!... Кто вы тогда, вы, «белая либеральная цивилизация?!»... А? Лицемеры и шакалы!.. Но вернемся к нашим еврейским левым... Бедные ребята! Они ведь чувствуют эту агрессию против себя, они ведь чувствуют, как изуродовано их чувство собственного достоинства, но так хочется жить полнокровной жизнью, так хочется счастья, денег, славы, власти! Душа ле-

вака переполняется злобой! А агрессия, как известно, требует выхода! Но выход в этой ситуации один: борьба. А это значит: ты должен сделать выбор, кому ты принадлежишь! Что означает: ты или со своим народом противостоишь мировой агрессии, или же, переметнувшись ко всему миру, выступить против своего народа. И тогда еврейский либерал и вопит о своем мировом гражданстве, но это на самом деле другое:

«Я не принадлежу! Я не принадлежу! Я не принадлежу евреям! – сотворив паузу, Идрис с деланным пафосом процитировал:

«Не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать»... – и как будто бы нашелся: – Самое интересное, я бы даже сказал, самое потрясающее в том, что эта надпись висит на здании ООН. Та самая ООН, которая отказала в праве на жизнь еврейским детям. Но главное ведь еще в том, что ООН надпись из еврейского пророка, или кто он там, использовала, а имя автора этих соплей поставить и постеснялась. КАК БЫ И БЕЗ ЕВРЕЯ НЕ ОБОЙДЕШЬСЯ, НО И НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ, ЧТОБЫ ЕВРЕЙ И БЫЛ!... – и он насмешливо развел руками. – Да! У меня тут есть еще один... елбаевский экземпляр. Мурло. Реинкарнация пророка, как он сам говорит. Вам еще доведется увидеть его. Но это еще тот коммуняга!

Еврейский левый – это презренный шакал, который боится быть шакалом и хочет затесаться в стае волков. Но как бы он ни затирался среди волков, сколько бы он ни набрасывался с волками на своих соплеменников, все равно он останется презренным шакалом. И чем больше он пытается отрицать свою принадлежность, чем больше он с волчьей стаей набрасывается на своих соплемен-

ников, тем больше волки и презирают его!

Но еврейский либерал замучен неврозом, ненависть и агрессия внутри него разрывают его существо, агрессия требует выхода, но еврейский левый труслив, он шакал, он, во что бы то ни стало, хочет уцелеть, но уцелеть, воюя против волков, шансов мало, волки сильны, их много, и потому он хочет затереться среди сильных: среди сильных безопасней освободиться от своей агрессии! Так еврейский левый становится врагом своего народа.

Посмотрите, с каким остервенением еврейские либералы участвуют в антиизраильских демонстрациях! С какими осатанелыми лицами они набрасывались на забор безопасности, который строил Израиль! Но когда я вижу это, когда я вижу эти злобные ваши лица, которые шествуют в поддержку каких-нибудь зулусцев, камбоджийцев, да кого угодно, в то время, когда их страна истекает кровью, я, как никогда остро, вижу всю эту фальшь, весь этот ваш левацкий страх: «Не принадлежать! Не принадлежать! Не принадлежать своему народу!»

А отказываться от своего народа, это все равно, что отказываться от матери, которая вскормила и воспитала тебя! А это противно! Это противно всем! Потому, что это противно человеческой душе! И я ненавижу вас еще больше!

Самое мерзкое, самое низкое, что можно было придумать – это еврейский либерализм! Эта жажда принадлежать кому и чему угодно, лишь бы это была огромная масса! Толпа, в которой, как им кажется, легче всего уцелеть. Но волки видят шакалов! И пока шакалы им нужны, они не тронут их, они используют их, но неизбежно наступит миг, когда семенящий в волчьей стае шакал будет разорван волками на куски!

...Профессор сидел сгорбившись, ткнувшись глазами в пол.

Идрис с презрением посмотрел на него:

– И последнее, профессор, – он нарочито-обре-ченно развел руками:

– Снова Фредерик Перлз:

«Пациент должен научиться обращать свои энергии сопротивления против внешнего мира, применять их в соответствии с требованием ситуации, говорить «нет», когда это надо сказать».

Но поскольку еврейские либералы не хотят понять своей паранойи, поскольку они не способны «обращать свои энергии сопротивления против внешнего мира», они обрушивают их вовнутрь, то есть против своего же народа.

И если левые и способны сказать «нет», то это только:

Нет! – еврейским ценностям!

Нет! – еврейскому народу!

Нет! – еврейскому государству!

Нет! – «Альталене!»

А кто любит предателей, космополит вы мой драгоценный?!... – мол, сам виноват, Идрис пожал плечами.

Майкл насмешливо посмотрел на него:

– Надо понимать, Вы диагностировали мне паранойю...

– Разве лично Вам?.. Хотя сами посудите... Вспомните, как на той же конференции вы обрушились на своего соплеменника. Бедный израильтянин! Но зато, какой у вас был праведный, я бы сказал, истинно-левацкий гнев! – и он с нарочитым пафосом передернул слова Майкла:

«...а вы бы хотели, чтоб вас вышвырнули из своего дома!...» О, Господи! Вам -то что до этих

зулусцев-камбоджийцев?! Чего вы так из шкуры лезете?.. Какое вам дело, что будет или не будет с ними! Чего вы так больше всех печетесь о «страданиях бедного человечества»?! Чего вам больше всех надо, когда то же самое человечество с сатанинским упорством хочет уничтожить ваш народ?! Куда вы все время лезете, шакалы?! А все это ваше левацкое – «Принадлежать!», а точнее – «Не принадлежать!» означает лишь одно: еврейские либералы всеми правдами и неправдами хотят влезть в волчью стаю!.. А ведь если признаться, тот араб прав: «...тот конфликт, а это знает любой психолог, неразрешим!..» К тому же никто и не хочет его разрешать. Арабские лидеры готовы уничтожить миллионы своих мусульман, но только чтоб уничтожить еврейское государство. Этого хочу и я! И я это сделаю! Я – Идрис! Я – основатель неоисламизма!

– Ваше откровение, наверное, нужно понимать, как приговор... мне?

– Ну, почему же приговор?! Вы еще поживете... Правда, света белого вам больше не увидеть, но здесь вы еще поживете... Вы мне пока еще нужны... Я бы, конечно, по возможности не беспокоил Вас, но ведь... крысы, какими бы они лабораторными не были, они все равно не знают древнееврейского... – и он расхохотался своим сытым, с издевкой, смехом.

Профессор длинно посмотрел на закинутую кверху гоготавшую голову, резко поднявшись, ударил ногой по стулу.

В то же мгновение охранник скрутил ему руки за спину.

– Ничего у вас не выйдет! – громко запротестовал профессор.

Это, казалось, еще больше рассмешило Идриса: сидя на краю стола, он от удовольствия прихлопнул рукой по колену.

Оставь!.. – хохоча, махнул он охраннику, и тот, оттолкнув профессора в угол, поднял опрокинутый стул и тычком в грудь толкнул Майкла на табуретку.

– Да-а!.. – сытно вздохнул Идрис. – Давно так меня не смешили! – и во второй раз достал из кармана флешку. Демонстративно повертев его в руках, он как бы для себя проговорил:

– Получится – хорошо... Не получится... пойдём дальше... Ведь... Язык Бога! Ковчег Завета! – и он деланно-спокойно посмотрел на профессора:

– Знаете что это такое? – он показал флешку.

Тот напряженно подался плечами вперед.

– Эта «крошка», если ее вживить в мозг, умеет считывать нужную информацию... И не только считывать!.. Нас ждет великий Ритуал.

Майкл вдруг съехал со стула и умоляюще пополз на коленях к Идрису:

– Светлейший, прошу Вас, не трогайте меня! Прошу Вас! Ради всего святого! Не трогайте! – и закричал. – Умоляю!

Он осел на пятки, упав головой к полу, заплакал.

Фигура безбрового в камуфляжной форме высилась над ним.

Профессор вдруг поднял залитое слезами лицо и бросился в ноги Идрису:

– Прошу тебя, не трогай!

Тот, безгласно оттолкнув его, быстро вышел в красную дверь. На пульте появились люди в белых масках и синих халатах. Один из них держал шприц.

... Игла вошла в руку профессора.

...Профессор, с чисто выбритой головой, лежал на операционном столе, в большой, современно оборудованной «Операционной».

Пять-шесть человек в спецодежде, в масках, выжидающе смотрели на сидевшего поодаль Идриса. Он тоже был в спецодежде. Долгая пауза. Наконец, он встал, повернувшись к стене, молитвенно поднес ладони к глазам и через минуту коротко бросил:

– Начинаем!

В руках хирурга блеснул скальпель...Красная кровавая нить обежала вокруг обритой неподвижной головы профессора... Хирург вскрыл череп, обнажив слизистый живой мозг.

...Обитатели пещеры сидели каждый по своим углам.

Затаенная сумрачная тишина.

Соломон глянул на Руфь. Ткнувшись лицом в колени, она сидела чуть поодаль от скучковавшихся соплеменников Натурей карто. Почувствовав взгляд, она подняла голову.

Две пары глаз в сумрачном подземелье, всмотрелись друг в друга.

Соломон поднялся, отряхнув штаны, церемонно потрусил ладони и пошел к ней. Десятки, сверкающих в полумраке глаз, уперлись в него.

– Эй, мракобесы, чего нахохлились?! – и съязвил – На-ту-р-яйцы! Вместо того, что бы свою честь

защищать, врагам нашим задницы лижете! Думаете, они вас пожалеют?! В первую очередь вас же и сожрут! Потому что никто не любит предателей! – и он, точно отсекая Руфь, сел между нею и ее соплеменниками, подошел ближе:

– Красивая, как тебя зовут?

Не отнимая лица от колен, она посмотрела на него, и в свете лампы в ее глазах мелькнула легкая улыбка.

– Ладно... – вздохнул Соломон. – Но ты ведь все равно не молчишь! Знаешь, что ты говоришь? Ты говоришь: какого мужика я спасла!

Она утопила в коленях смех. Прибодренный этим, Соломон придвинулся еще ближе, успев чертыхнуться, что под ним так громко зашуршала солома. Но его щеки коснулась прядь ее шелковистых волос, и ему показалось, что он умер...

– Я знаю, как тебя зовут... – ожил он. – Мне сказали твое имя, когда я и своего еще не знал...

Она с улыбкой посмотрела на него:

– Тебе, наверное, сказали, что меня зовут Руфь...

– Ничего себе! – восхищенно пропел Соломон. – А как ты узнала об этом?

О чем-то загудели натурейцы.

– Смельчаки! – нарочито вздохнул Соломон и посмотрел на соседку:

– Спасительница, скажи, а тебя и вправду зовут Руфь?

Она с улыбкой кивнула, но отчего-то глаза ее затопила печаль.

– Руфь, я спасу тебя! Вот увидишь... родная!..

– Соломон почувствовал, как в груди свихнулось сердце, он невольно потянулся рукой к ее щеке, но у самых его дрогнувших пальцев лицо Руфи отплыло в сторону.

В это мгновение, задрезав, отошла решетка, и в пещеру втокнули высоколобого, в европейском костюме, мужчину.

Едва несъехав на соломе на пол, он неловко выпрямился. По привыкнув к полумраку, сел недалеко от безбровых. Один из них пристально глянул на него.

– Мэрло! – дипломатично представился он.

– Ишак! – оценил его мутант.

– Коммунист... – тактично подбросил тот. – Еврейская левая организация «Марэло»...

Безбровый вопросительно глянул.

– Маркс-Энгельс-Л завтра енин... – прежним тоном расшифровал новоприбывший.

– Так и бы и сказал... Мурло... – нарочито вздохнул Соломон.

В группе сектантов вдруг что-то взволнованно застрекотали, повернулись лицами в центр образовавшегося меж ними круга.

С каждым мгновением возня стала перерастать в суматоху.

Став на колени, они склонились над чем-то, возбужденно затараторили и потом из расступившейся кучки поволокли к решетке пожилого седобородого соплеменника. Пятки его туфель цеплялись за солому, один башмак спал и замер подошвой вверх.

Один из тащивших затарахтел решеткой и стал звать на помощь. Темное нутро коридора отвечало глухим молчанием.

Кто-то распахнул старику рубашку, приник ухом к груди и через минуту обреченно сел на пятки и опустил глаза.

Второй из тащивших снова затарахтел решеткой, стал рвать ее на себя, но туннели бункера были глухи.

Сидевший над стариком закрыл брошенные в потолок, застывшие глаза старика.

Те двое вернулись к своим, и теперь они все вместе, перебивая друг друга, стали спорить, как правильнее поступить.

– Замолчите! – громко крикнул кто-то из них, и в пещеру упала жуткая тишина.

Тусклый свет фонаря стекал по бледно-мертвенному лицу трупа.

Хаймалка прижалась к матери.

В навалившейся тишине вдруг послышалось какое-то шуршание, и рядом с мутантом, из-под соломы, выбрались две огромные крысы.

Поблескивая маленькими хищными глазками, словно безраздельные хозяева этого полумрака, они деловито подбежали к опрокинутой туфле, обнюхав ее, шурша по соломе длинными хвостами, подбежали к трупу.

Руфь, вскрикнув, ткнулась лицом в плечо Соломона.

Крысы взобрались на грудь старика, и, почти слившись с его черным кафтаном, подобрались к желтому лицу.

Кто-то из сектантов стал подбираться к башмаку, метнул было в крыс пучком соломы, но одна из них тут же угрожающе ощерилась, сатанински взвизгнув, казалось, вот-вот была готова броситься ему в лицо.

Тот испуганно отпрянул назад и, прикрывшись рукой, влип в каменистую стену.

Откуда-то, сбоку от Мурло, выскользнула третья крыса и так же хозяйски неторопливо волоча за собой длинный, скользкий по соломе хвост, подбежала к голове старика, взобралась на нее, растрепав его седые волосы.

Первые две крысы, уже вонзившие зубы в веки мертвеца, почувствовав запах чужака, мгновенно оцетинились, угрожающе присев на задние лапы, бросились на непрошенного сородича, сбросив его с головы труп.

Сатанинский визг сцепившихся в смертной схватке крыс растерзал затаившуюся тишину сумрачной пещеры.

В яростно завертевшемся клубке дьявольски горели маленькие, злобно горящие глазки; острые хищные зубы, отрываясь, снова вонзались в черную мягкую плоть дерущегося насмерть противника.

Крыса-чужак яростно отбивалась, но через минуту была разорвана сородичами и валялась с выпавшими слизистыми внутренностями.

Разделавшись с врагом, победительницы, с мокрыми окровавленными мордами, отфыркиваясь, вновь взобрались на старика, метя по желтому его лицу длинными хвостами.

Обитатели пещеры оцепенело впились глазами в жуткое шевеление на желтом неподвижном лице трупа. В холодящей тишине возникло отчетливое мелкое почмокивание, исходившее от крысиных пирующих морд.

Соломон, внезапно стащив с себя туфли, остервенело, ударил по хищникам. Те, сатанински завизжав, отскочили в сторону. Соломон подхватил башмак старика и швырнул его в них. Следом, точно по договору, ударил крик безбровых, в крыс полетело что-то еще, и они удрали сквозь решетку, не выдержав этого натиска.

Лия, обхватив голову, мелко дрожала. Рядом, став на колени, утешала ее Хаймалка.

Соломон вытащил из-под спины старика полы

черного кафтана и накрыл его искусанное лицо.

В молчаливом подземелье настаивалась безысходность...

..День, которого столько ждал Идрис, вдруг оказался у самого порога.

Завтра!

...Но если даже что-то не состоится, все равно, в любом случае, это будет шагом на пути к его Великой цели, а путь этот не прост и требует времени!

Но когда-нибудь он поднимет победно руку: язык Бога познан и мир очищен от скверны!

«Прежде, чем заинтересовать Бога, нужно заинтересовать Дьявола!» – вспомнились ему слова Сатаны.

«...но не только заинтересовать...» – подумалось Идрису, и он суеверно подавил конец возникшей мысли: «...обмануть Сатану...»

... Он взял со стола пару листов, отпечатанных журналистом – Хадисом. Сейчас ему нужно было решить, когда именно показать эти тексты профессору: сегодня или за несколько минут до начала Ритуала.

Идрис закинул ноги на стол, откинулся на спинку кресла.

Оба варианта имели свои плюсы, но в случае неудачи возникали новые проблемы с « подбором нового человеческого материала ».

Идрис решил вызвать своих консультантов, бывших преподавателей, профессоров экспериментальной психологии.

А тексты были таковы.

Текст первый.

Еврейский погром, совершенный мусульманами окраины Российской империи. Из архивов России.

«Кавказ. 1816 год. Аул Ханабади. Здесь найден труп зверски убитого семилетнего мальчика. Ребенок – сын местного муллы.

Мальчику было нанесено несколько колотых ран, горло перерезано.

Расследование российских властей, которое проводилось под контролем генерала Ермолова, показало, что в убийстве замешана одна из жен муллы, которую мальчик застал в объятьях чужого мужчины. Последний был мусульманином. Побоявшись огласки, он решил избавиться от опасного свидетеля – семилетнего ребенка. Ни в чем не повинный ребенок был казнен. Мусульманин пролил мусульманскую кровь.

Дальнейшая трагедия разыгралась молниеносно. В убийстве ребенка по навету местной мусульманки обвинили трех горских евреев из соседнего аула.

По приказу хана Исмаила евреи были подвергнуты ужасным пыткам: им выломали руки, били дубинками, отрезали носы, уши. Человеческие тела, под иступленные крики обезумевших зверей, были превращены в кровавое месиво. Под изуверскими пытками у троих евреев были выбиты «имена преступников»: тридцать евреев из соседнего села Варташен подверглись пыткам. Наверное, в этих пытках принимал участие и истинный убийца семилетнего ребенка. Но правда еще должна была быть выяснена. А пока издевательства продолжались. Евреям предлагали или сознаться в убийстве или принять ислам. Молодой парень, не выдержав пыток, решил принять его и показал,

что мальчика «убили» двое из тридцати евреев. Но ни принятие ислама, ни его «признания» не спасли ни его, ни евреев Варташена. Хан Исмаил приказал разделаться со всеми, и в квартал горских евреев ворвался большой вооруженный отряд.

Грабили дома, убивали, насиловали женщин. Еврейский квартал был полностью разграблен и разгромлен. Был убит раввин Авраам, от которого требовали перейти самому и привести в ислам оставшихся в живых евреев Варташена. Евреи ислам принять отказались, погром продолжился до полного уничтожения еврейского квартала...».

История эта напомнила Идрису о предательстве жены, и все это вместе: и ее измена, и упоминание мусульманского «зверства» доводило до бешенства, но перед ним были исторические свидетельства, которые уже никак переделать было нельзя, да и сейчас они были нужны именно такими, как и были...

...Измена жены...

Идрис с пренебрежением сбросил лист на стол.

На «Пульт», в сопровождении вампира, вошли двое пожилых мужчин в черной робе обитателей подземелья.

Идрис, оставив их стоять у дверей, повернулся к ним на своем вращающемся кресле:

– Мне нужно... окончательное мнение по поводу предстоящего эксперимента... Мы много и детально обсуждали этот вопрос, но цена его велика и потому риск должен быть сведен до минимума. Вы – ученые и вас не может не интересовать судьба этого, я бы сказал, нашего общего дела. Вероятно, вы не раз возвращались к проблеме после нашего последнего обсуждения. Я хочу знать: изменились ваши позиции или остались прежними. А именно:

нужно ли усилить эффект ожидания или же оставить его на прежнем уровне... – он посмотрел на одного из них. – Жюваль?

Тот секунду помедлил, взглянув на Идриса, бросил глаза к лежавшим на столе бумагам:

– Для того чтоб изменить мнение, как вы сами знаете, Светлейший, нужно обладать соответствующей информацией. Мой опыт работы психотерапевта говорит об одном: чем больше сопротивляется одна из расколотых частей психики, тем больше она усиливает противоположную.

Идрис, опустив голову, скрестил руки на груди. На «Пульт» змеинно заползла тишина.

Идрис посмотрел на второго ученого:

– Франсуа?..

– Да, мы говорили об этом с Жювалем... Наши позиции сходны.

Идрис, забросив руки за спину, прошелся по комнате, подошел к вампиру, стоявшему чуть поодаль от двоих ученых, похлопал Халифа по черной мохнатой щеке:

– Все в этой жизни – мотивация и выбор... – он отечески посмотрел на вампира. – Ты согласен со мной, мой друг?

– Я с Вами согласен, Светлейший... – ответил тот, глядя куда-то вперед неподвижными круглыми глазами.

– Хорошо... – энергично бросил Идрис. – Ознакомьте с... этим профессора... – он подал Жювалю листы с отпечатанными текстами. – Идите!

...Идрис остался один... Глянув на огромное окно, за которым уже совсем скоро должно было состояться его великое действие, подошел к нему и скрестил руки на груди...

Он оглядел распахнувшееся за стеклом про-

странство. Все здесь создавало впечатление огромной площади, подготовленной для грандиозного жертвоприношения: и ряды для почетных зрителей по бокам, и по центру, возле самой «Стены Плача» – жертвенный камень, поднимающийся над землей на три метра, и неподалеку – Трибуна Правителя с роскошным тронem.

– Дьявол! – Идрис с восторгом вlepил торцами кулаков в окно. – Сатана! – он словно восторгался собой.

И вдруг в центре площади возник сам Дьявол.

На нем был красный плащ, из-под которого торчала рукоять серпа. Он походил на рогатую красную фигуру в центре огромной шахматной доски.

– Эй, Светлейший! – Сатана скрестил копыта. – Снизойди до слуги своего!

Идрис с едкой усмешкой посмотрел на него и через пару минут по винтовой лестнице вышел на пространство площади.

– Да сбудутся все твои планы! – Дьявол приветственно поднял руки.

– «...наши...» – ты хотел сказать... – степенно подходил к нему Идрис. – Ну что ж, получить благословение от такой культовой, как Сатана... личности – великое дело!

– Вот именно!.. Благословение Сатаны покpуче Божественного! Ибо и в нем пребывает Господь!.. А потому Я – личность!

Он вдруг распахнул свой красный плащ, выхватил из-за пояса сверкающий серп и задекламировал:

Мир сотворен в желании и страхе!

Желание и страх – мой хлеб и мой чертог!

Все тайны мира – на кровавой плахе:

Чем злобней Дьявол, тем желанней Бог!

...Как род людской страдает без войны!

Как сладострастно жаждет Сатаны!

...Закончив декламировать, Дьявол артистично цокнул копытцем и, припав на козлиную коленку, укрыл себя своим красным плащом.

В огромное пространство проникла пристальная тишина.

– Мо-ло-дец...– Нарочито поаплодировал Идрис.– А теперь исчезни... если не хочешь, чтоб я разорвал договор.

Сатана высунулся из-под плаща, пристально, снизу-вверх, посмотрел на него и, взлетев к трибунам для почетных гостей, исчез под скамейками.

Идрис еще долгую минуту смотрел в сторону, где растворился красный плащ Дьявола.

...Все было расставлено по местам.

И это пространство Идриса походило на светлый Божий мир: Ад должен быть привлекателен и даже похож на Рай...

Пространство у «Стены Плача» ждало своего нового героя, свою Великую и последнюю надежду: трибуны, заполненные почетными гостями, их детьми, в ожидании замерли.

И вот, наконец, наступил момент выхода героя: под звуки труб и бой барабанов на площадь «Стены Плача» на белом коне выезжает Идрис. Он статно сидит в седле; решительный, с красным вьющимся за спиной плащом и открытой на левой руке печатью: красный заяц.

Коня под уздцы ведет самое преданное Идрису существо-вампир Халиф.

На мгновение замерли от восхищения и вдруг взорвались, завизжали в восторге все трибуны.

Но герой словно и не замечает этих приветственных возгласов: он величественно на своем скакуне гарцует по еще пустой площади, но на которой уже совсем скоро должен быть уничтожен последний еврей и сожжена последняя память о нем.

Герой скачет по красной ковровой дорожке туда – к своему постаменту, который высоко возвышается над камнями площади. А на постаменте его королевский трон, Трон всемирной исламской империи и он же – трон правителя Иерусалима – единой столицы этого мирового неоисламского халифата.

Слева от трона на небольшом отдалении расположились трибуны почетных гостей, справа – жертвенник, на котором и будет принесена в жертву последняя еврейская душа.

На постаменте, в метрах двух от трона, возвышается столб, к которому будет прикован отец жертвы, отец девочки. И он будет прикован так, что будет видеть, как принесут в жертву его дочь, и как там, внизу, надругаются над его женой!

...Но вот герой подскакал к лестнице, которая должна привести его и весь мир к желанной славе. Вампир помог спешиться своему хозяину. Появившиеся слуги взяли поводья, отвели коня в сторону, Идрис шагнул на лестницу и следом вступил на нее Халиф....

И все пространство у «Стены Плача» возопило и залилось в новом и еще никогда не виданном прежде восторге!.. Дети веселились и кричали!

Жизнь догорит, как поминальная свеча,
Что человек, что зверь – невелика потеря.
Мир смотрит на меня глазами палача,
И ждет в ответ мое – Великодушье Зверя!

....Утренние небеса, словно в молитве, накиннув на себя светлые талиты, склонились над восходящим солнцем, как над своим Вечным Золотым Свитком.

Долина Призванного погрузилась в эту чистую рассветную медитацию...

...Ури стал перед домом, окликнул ягуара. Властная кошка, приминая мягкими лапами траву, вынырнула из-за дома и легко затрусил к хозяину.

– Готов, солдат?! – дружески и в то же время требовательно спросил старец. Ягуар преданно потерся мордой о ногу Ури.

Старец повернулся лицом к Стороне Храма. В руках его медная ступа, наполненная водой. Старец веером выплеснул по воздуху воду, начертил в воздухе невидимый знак, пропел несколько слов, и перед ним, как в центре мира, подобно величественной миноре, заискрилось Великое Дерево Струящейся Воды.

К его царственной кроне потек молитвенно-властный голос старца:

– О, Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая! Непостижима Сила Твоя! Ты явила Невыразимое и одарила нас Великим Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарен и да будет благословенна и неизбывна Сила Твоя!

О, Великая Пустота!

Пусть будет омыта Душа Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть вернется Честь и Сила к унижающему СЕБЯ в веках народу Израиля!

Пусть свершится Великая Тайна Воды – Великая Тайна Жажды – Великая Тайна Израиля!

О, Великая Пустота!

Обращаюсь к Слову Твоему и пусть настанет Его Праведный час!

В яростной злобе враги Завета сеют на Святой земле ненависть и смерть!

И никогда еще не была так осквернена и поругана кровь человеческая!

О, Великая Пустота!

Спаси мир от ужаса!

Вижу Праведный гнев Посланницы Твоей и вижу Праведный Меч в руке Ее!

Пусть окрепнет дух Призванной Тобой Девы и отмстится невинно пролитая кровь еврейского Народа!

Будь благословенна, о, Великая Пустота!

...Несколько мгновений Ури смотрел на струящийся к небесам прозрачный ствол Дерева. Коснувшись чуткого загривка ягуара, старец словно благословил:

– Пора Гром!

Ягуар обвел мордой вокруг опущенной руки хозяина, легко затрусил, в несколько мощных прыжков вознесся к стволу и, став такой же прозрачной волной, слился с ним.

Ури долго смотрел вслед растаявшему в воздухе Великому Дереву...

Над Долиной Призванного восходило Спелое Солнце...

...Но вот, под рев трибун, Идрис поднялся на свою площадку с тронem. Повернувшись лицом к ликующему и славящему его человеческому роду, приподнятыми ладонями, по-королевски снисходительно отвечал на это всемирное приветствие.

Несколько минут он позволял себе насладиться этим триумфом, признанием его титанической работы, и затем поднял руку.

Толпа тотчас повиновалась и затихла.

Идрис окатил ее паузой презрения, и потом, над всем этим огромным пространством, заклокотал его властительный голос:

– Исполнилось! Наконец исполнилось то, о чем тысячелетиями мечтали наши отцы и праотцы, наши далекие и недалекие предки: сегодня, наконец, мы сотворим Величайшее Жертвоприношение!

Идрис дал волю излиться восторгам истрадавших по этому празднику душ и резко бросив кверху руку, бросил:

– Начинаем!

Все на мгновение затихло, и на площадь втокнули обритого наголо пятидесятилетнего мужчину. Это был профессор Майкл. Ноги и руки его были закованы в длинные цепи, которые, пока по камням площади, отчетливо звенели в затаившейся тишине.

Толпа затаила дыхание.

Двое безбровых время от времени толкали Майкла в спину, тот, едва удерживаясь на ногах, пробегал вперед.

Вдруг вязкую тишину разорвал чей-то острый крик:

– Смерть евреям!

– Смерть евреям! – взорвались трибуны.

Толпа стала походить на единую, со сверкающими глазами, злобную массу.

Охранники снова толкнули пленника в спину, на этот раз, бросившись плечом вперед, он не устоял и упал, завалившись на бок.

Безбровые подняли его, дали дойти до ступенек – к трону великого вождя.

Толпа ревела, а пленник, волоча цепи, поднялся на постамент. Майкла подвели к Идрису. Долгую минуту стояли – глаза в глаза и орала зверевшая с каждой минутой толпа.

– Сегодня Ваш день, профессор! – Идрис расхохотался ему в лицо и сделал знак охранникам: действуйте.

Профессор обернулся на него, Идрис увидел, как в глазах Майкла мелькнула, изничтожила все его нутро быстрая, как клинок, усмешка.

– К столбу! – заорал Идрис, его пронзительный крик, казалось, прорвался сквозь вопли орущей толпы.

Пленника заковали к столбу.

Трибуны ликовали.

Идрис, приложив руку к сердцу, легко поклонился им, поднял руку. Рев смолк.

– Братья и сестры! – гордо бросил он. – Мы продолжим наше священнодействие! Смотрите же! – и он вдруг жестом колдуна бросил рукой в противоположную сторону – к воротам, в которых возникли фигуры в странных одеяниях: человек тридцать мужчин и женщин.

На них были напялены высокие шутовские колпаки, на шее каждого подвешены железные гири, перепоясаны они были желтыми ремнями, женщины были обуты в разноцветные башмаки: на од-

ной ноге черный, на другой – красный. Многие из них волокли по земле тяжелые мешки.

В этом понуром шутовском шествии выделялась девушка лет девятнадцати. Она шла впереди этой колонны, закованная в длинные цепи, с заведенными за спину руками. Хаймалка.

Среди них можно было узнать обитателей пещеры: Соломон и Руфь, двое безбровых, группа сектантов Натурей карто.

Почетные гости на трибунах с любопытством подались телами вперед.

– Смотрите! – бросил Идрис. – Вот так столетиями мы, правоверные, заставляли одеваться этих иудейских собак! Веселитесь же!

Трибуны с представителями мирового сообщества загоготали.

Тыча руками в понурое шествие, почетные гости хохотали: был Звездный час мировой ответственности...

Майкл, привязанный плотно к столбу, вдруг узнал в закованной девушке Хаймалку, а в толпе пленников – свою жену.

Идрис подбежал к нему и шутовски приблизился к лицу:

– Узнал свою доченьку, профессор?! А ты беспокоился: «где моя дочь?! Где моя дочь?».. Так вот она!.. Узнал?.. А там дальше... узнаешь?... – и зарничал. – Чья это супруга, а, товарищ еврейский либерал?!

Толпа визжала и гоготала. А из ворот, растекаясь в две стороны, стали выбегать десятки безбровых, одетых в черные камуфляжные одежды. Кто-то из них держал наготове саблю, кто-то цепь, у других в руках были плети...

– Но не торопитесь! – продолжал ерничать в лицо

Майклу Идрис. – Ритуал еще только начинается... А вон туда посмотрите... – и он кивнул на жертвенник. – Знаете, кого ждет это Великое ложе?

– Нет... – вдруг потерянно зашептал профессор.
– Нет.. Нет.. –

и, желая вырваться из железного кольца, напряг шею и закричал:

– Не-ет!..

– Да! – в ответ вкрадчиво протянул Идрис.

Лия, словно услышав сквозь гогот и лай толпы, голос мужа, вдруг взглянула наверх. В первые мгновения, не веря себе, она замерла, вгляделась... Колпак слетел с ее головы.

В ту же секунду безбровый нанес ей в спину удар плетью, и послышался окрик.

Лия выгнулась, но выстояла.

Группа евреев подошла к центру площади, десятки безбровых взяли ее в тройной круг. Они закружили вокруг пленников в ритуальном накручивающем ярость ритме. Рассекали воздух сабли, звенели цепи, свистели плетки.

Вдруг из растерянной группы евреев, вокруг которых все больше и больше смыкалось кольцо звещающего воинства, вырвался высоколобый мужчина. Мурло.

Он прорвался сквозь кружившие ряды, бросился к подножью трона Идриса, упал на колени:

– Светлейший, не убивай! Умоляю тебя! Это я, Мурло!.. «...и перекуют мечи свои на орала, и копья свои на серпы...». Ты же помнишь? Библия! – валялся в ногах трона высоколобый. – Я еврейский левый! Либерал! – и вдруг завопил:

– Не убивай!.. Все для тебя сделаю! Все, что скажешь! Только прикажи!

– Значит... все... говоришь, Елбай?! – свысока с

усмешкой смотрел на него Идрис.

А трибуны раскалялись все больше и больше.

– Все-все! – обрадовано закивал Мурло.

– Да, – хмыкнул Идрис и повернулся на вампира, стоявшего у трона. – Интересное дополнение в сценарий... Неожиданное... Не правда ли, Халиф?

– Правда, ваша Светлость! Неожиданное дополнение в сценарий... – заученно ответил тот, сверкая круглыми черными глазами.

– Ну что ж.. – усмехнулся Идрис. – ...Дадим ему шанс... Так значит дать тебе шанс?

– Дай! Дай!

– Тогда убей ее! – Идрис показал на Лию.

Елбай, глянув на нее, вдруг суетливо поискал глазами вокруг себя:

– А чем, Светлейший? Я пустой... – и он покрутил ладонями.

– Сатана! Эй, Сатана! – вдруг крикнул Идрис и в то же мгновение рядом с Мурло возник Дьявол.

– Эй, коммуняга! Дай этому герою его оружие! – приказал Идрис Дьяволу.

Сатана оглядел того с головы до ног:

– Значит, говоришь: «... мечи на орала...копья на серпы...»?...

– Серпы-серпы, коллега....

– Ну тогда, держи! – Сатана выхватил из-за пояса серп и бросил ему.

Тот, все еще оставаясь на коленях, подхватил его, сжав рукоять, снизу – вверх посмотрел на Идриса:

– Спасибо, Светлейший... Век благодарить буду!... Мы левые...

– Пш-шел! – брезгливо бросил Идрис.

Елбай тут же вскочил с колен, вскинув руку с серпом, шагнул было исполнять приказ, но Сатана

остановил его:

– Эй, конь с серпом! – Дьявол, неспешно поцокивая копытами, подъюлил к нему. – А ну-ка, подставь свой лобешник!

Тот услужливо подставил свой высокий лоб, Сатана тут же залепил в него зашипевшей печатью:

– Вот так! – отняв руку, с наслаждением художника осмотрел свою работу.

Елбай стоял все также пригнувшись, но уже с красным зайцем посредине лба.

– Вот теперь ты, точно, Елбай! – Сатана копытцем пнул его под зад. – Пошел!

Тот услужливо выпрямился:

– Есть! – и снова над его головой засверкал серп.

Тройной круг безбровых, пританцовывая, смыкался больше и больше. Елбай, держа на глазу лицо Лии, точно на прицеле, шел на нее. Идрис метнулся к Майклу:

– А теперь смотри! Вон на того смотри! – он зло схватил Майкла за подбородок, повернув его лицо в сторону Лии.

Елбай, пробравшийся сквозь круги безбровых, захваченный их ритмом, подергивая серпом, стал приближаться к Лие и Хаймалке.

Группа сбившихся в кучу Нетурей карто, на мгновение забыв об угрожающе смыкавшемся круге, об озверевшей на трибунах толпе, видела только находившего на них с серпом Елбаю.

Кто-то должен был стать его жертвой. В какое-то мгновение, почувствовав, кто именно, группа рассеклась, и Лия осталась с Хаймалкой. Та сильнее прижалась к матери, но вдруг Лия, оторвав ее от себя, оттолкнула в сторону, шагнула к надвигавшемуся на нее Мурло.

– Мама! – рванулась было Хаймалка, но двое

бритоголовых схватили ее под руки и оттащили от матери.

...Елбай, вышагивая в ритм безбрового воинства, чуть приподнял серп.

Двое пленников-мутантов вдруг, словно сговорившись, прижимая к груди гири, бросились к смыкавшемуся кругу:

– Мы не евреи! – они умоляюще заглядывали в закрытые масками лица.

Я – Исмаил!

Я – Махмуд! – они вцеплялись в рукава вышагивающих в ритм безбровых.

Но те только безглаголиво отталкивали их.

Вдруг Исмаил упал на колени и пронзительно завопил:

– Я не еврей! – он бросил руки к возвышавшемуся на тронной площадке Идрису. – Не убивай!

Тут же на колени упал и Махмуд:

– Не убивай!

Идрис с высоты своего трона заметил эти оружие на коленях две фигуры и только безглаголиво сплюнул.

...Елбай уже высоко занес над головой остро сверкающий

серп и был от Лии в нескольких шагах.

Лия оглянулась: Хаймалка, пытаюсь вырваться, беспомощно билась в руках двоих убийц. Глаз Лии, сорвавшись с кричащей дочери, наткнулся на Соломона, стоявшего рядом с Руфью. Секундный, но бесконечный взгляд: глаза в глаза.

Соломон посмотрел на Руфь, сбросив с шеи гири и, сорвав с головы шутовской колпак, шагнул к Лии. Он уже был в шаге от занесшего серп убийцы, как на него со спины, прижимая гири к груди, с пляшущими на головах колпаками, набросились

Махмуд и Исмаил, и завалили его на землю.

Идрис, скрестив на груди руки, с наслаждением смотрел со своего тронного места.

Кольцо безбровых угрожающе смыкалось.

Майкл потерянно пытался вырваться из цепей. И память, словно решив отомстить ему, подставила картины... колледжа: бешеная толпа... десятки ног, бьющих в опрокинутую на пол дочь.. А потом увиделся гнев жены: «Это все ты сделал! Ты и такие же трусливые евреи, как ты!.. Вместо того чтобы уничтожать эту мразь, вы обучаете их, оплачиваете их университеты!.. А в благодарность – кровь моей дочери?!»...

– Нет – профессор не смог смотреть на дочь. – Нет... – потерянно стонал он и снова закричал. – Не-ет!

Тройное кольцо все больше зверевших безбровых было уже совсем близко.

Соломон пытался вырваться из-под налегавших на него Исмаила и Хадиса, Руфь бросилась было к ним, но чьи-то руки удержали ее!

Она пронзительно закричала, но ее крик потонул в визге ликующих трибун. Озверевшие зрители стали рвать на себе одежды, чьи-то голые тела забились в сатанинском совокуплении, и все это стало походить на какой-то дьявольский ритуальный танец.

... Убийца уже был в двух шагах от Лии. Она стала отступать.

Убийца, занеся серп, шагнул вперед.

Вдруг кто-то от ворот, сбросив, раскатал свиток Торы. Лента пергамента пролегла между Лией и находившим на нее Мурло.

Хаймалка, видя, как убийца приблизился к ее матери, забилась в руках охранников.

– Мама! Мама! Нет!...

– Смотри! Смотри! – кричал Майклу Идрис, держа его за подбородок. – Открой глаза! Открой глаза, космополит поганый!.. – он пальцами силой пытался открыть веки Майкла...

Елбай ступил на ленту свитка, занес над головой Лии серп. Лия попыталась заслониться от сверкнувшего лезвия ладонями, но острие серпа, резко сорвавшись, вонзилось ей в грудь.

Лия схватилась за лезвие, ударив по убийце остановившимися глазами, осела на пергаментную, исписанную черным шрифтом, ленту Горы.

Убийца вырвал острие серпа из разорванной груди Лии, она упала на ленту свитка, обагрив ее кровью.

Увидев первую кровь, три кольца накрученных до зверства безбровых, как по сигналу, набросились на горстку визжавших от страха Нетурей карто:

– Мы Нетурей карто! Смерть Израилю!

– «Купайтесь в крови» врага!» – в ответ закричал Идрис, словно подстегивая и без того озверевшее воинство.

– «Купайтесь в крови» врага!» – ответил ему ликующий гул обезумевших трибун.

Елбай, вскинув окровавленный серп, смотрел вверх – туда, где Идрис царственно приветствовал оружие трибуны.

Безбровое воинство, не трогая Елбая, обтекали его фигуру, тот шел к трону Идриса, высоко держа над собой окровавленный серп, и кричал:

– Смотри! Разве я не доказал?!... Смотри, Светлейший! Я доказал!..

А за его спиной, под крики осатаневших трибун, шла резня.

Мутанты топтали расстеленный свиток Торы, насильовали на нем женщин, резали мужчин.

Исмаил, Идрис удерживали бьющееся в смертной судороге окровавленное тело Соломона. Соломон приподнял голову и увидел, как по лицу Руфи хлестала цепь, в это же мгновение удар сабли рассек его надвое.

Идрис подал знак безбровым, державшим в руках обмякшее тело Хаймалки и вцепился в лицо Майкла:

– А теперь смотри, кто взойдет на Великое Жертвенное ложе! – кричал он. – Смотри, кому предоставлена такая Великая честь лечь на него! Смотри! Ты не можешь не смотреть! Это твоя дочь!

Майкл приоткрыл заплывшие глаза: двое безбровых выпустили Хаймалку из рук, и она упала на колени.

Безбровые окружили ее новым ритмично зашедшимся кругом.

Кто-то ударил цепью рядом с ее сникшим телом. Хаймалка испуганно отползла. Новый удар железного прута, отбросив ее, поднял на ноги.

Убийцы шли по кругу, и одновременно круг приближался к лестнице, ведущей к жертвенному камню.

Снова и снова то с одной, то с другой стороны хлестали цепи и рассекали воздух железные прутья. Уворачиваясь от них, Хаймалка металась меж опьяненного ритмом убийц, как захваченный в круг, затравленный зверь.

Но вдруг круг разомкнулся, и она оказалась у самых ступенек, ведущих к жертвеннику.

Она оглянулась и увидела бьющегося в цепях отца.

И продолжали безумствовать трибуны.

Хаймалка вдруг почувствовала всю беспомощность перед накатывающей на нее этой злобной силой, этой звероподобной неутолимой жаждой раздавить ее, и какое-то знакомое чувство возникло в ней, будто это чувство жило в ней тысячи лет и теперь снова открылось. Всем своим существом, остро, как никогда прежде, Хаймалка вдруг поняла, что она бессильна перед этой огромной сатанинской энергией злобы и жажды ее смерти, которая все равно неизбежно обрушится на нее и раздавит.

И ОНА УСЛЫШАЛА В СЕБЕ, ЧТО ПОКОРИЛАСЬ ЭТОЙ САТАНИНСКОЙ ЭНЕРГИИ И СОГЛАСНА БЫТЬ ЖЕРТВОЙ.

Хаймалка не знала, куда ведет открывшаяся перед ней лестница, но в ней уже не было желаний и вопросов, она теперь просто покорно шла.

Бросив к ступенькам опустошенные глаза, она стала медленно подниматься: будто ее охватил какой-то сон безразличия.

Двое безбровых столкнули ее на жертвенный камень.

Идрис, повернувшись к трибунам, властно бросил ладонями кверху. Через минуту-другую толпа затихла.

– Братья и сестры! – крикнул он. – А сейчас наступает тот великий миг, ради которого мы все собрались! Это именно тот час, над которым мы все-все мировое сообщество трудились столько тысячелетий, час, в который мы вложили столько сил и надежд! Но вот он настал! Сейчас мы пустим в прах последнюю еврейскую кровь! Вот оно – величайшее в мире жертвоприношение!

Толпа ликующе загудела.

Идрис снова вскинул руку и в наступившей тишине повернулся к безбровым, стоявшим в лужах че-

ловеческой крови, среди изувеченной человеческой плоти, разрубленных рук, тел, отсеченных голов:

– О, мои храбрые воины! Вы сегодня сделали большую работу! Великую работу! И потому каждый из вас достоин сотворить это праведное жертвоприношение! – Идрис бросил рукой в сторону жертвенника, на котором, закованная в цепи, лежала Хаймалка. – Но я не могу и не хочу выбирать среди вас! А потому – пусть выбор падет на того, на кого падет выбор моего преданного Халифа!

Идрис обернулся на вампира, тот уже стоял наготове: обеими лапами держа перед собой кривой нож.

– Иди, мой верный слуга! – торжественно произнес Идрис.

Халиф медленным ритуальным шагом сошел с площадки на площадь, повернувшись в сторону затаившихся в ожидании бритоголовых, двинул к ним. Четко размеренный шаг вампира еще больше подчеркивал его мерзкий вид: огромные гнойно-желтые уши, острый, как у носорога, нарост, круглые, злобно сверкающие глаза. В его приоткрытом рту сверкали точеные, как бритва, передние резцы, ноздри хищно раздувались, и, казалось, он вот-вот набросится на какую-то свою жертву.

Не изменяя хода, Халиф приблизился к уже толкавшейся пред ним группе безбровых: каждый хотел заполучить этот драгоценный нож, и каждый отталкивал другого в сторону.

Наконец, вытянутые руки Халифа указали счастливец, и тот, приняв нож, поцеловал лезвие.

Трибуны снова загудели. Владелец ножа вскинул его над головой и, пританцовывая, двинул к жертвеннику.

Плясали на «Стене Плача» счастливые «палестинки» и раздавали сладости.

Пританцовывающий палач в маске приблизился к лестнице, ведущей к жертвенному камню, ступил на первую ступеньку, с ножом приблизился к жертвенному камню, вскинув его над собой, повернулся к орущим трибунам, стал в изголовье Хаймалки, схватив за волосы, обнажил ее шею. Обмякшее тело девушки было послушно.

– Нет! – закричал Майкл, видя, как рука убийцы замахнулась для удара.

А со своих трибун мировое сообщество неистовей выкрикивало ритм:

- Смерть!
- Смерть!
- Смерть!

Но вдруг, от самой «Стены Плача» разлилось непостижимое сияние и звериное пространство в испуге затаилось: к жертвеннику подплыло величественное Струящееся Дерево.

В какое-то мгновение от него отделился силуэт стремительной сильной кошки. Ягуар прыгнул на безбрового и смял его. В сторону, дико крича, отлетели охранники.

Идрис упрятался за черной косматой спиной вампира.

Ягуар подхватил клыками лежавшую на жертвеннике Хаймалку и новым мощным прыжком унес ее в величественный ствол струящегося Дерева.

Майкл устало прикрыл глаза.

Все пространство вокруг, оторопев, замерло. Безбровые оцепенело жались к стенам.

По всей площади были разбросаны изрубленные, превращенные в кровавое месиво челове-

ские тела. Свиток Торы был залит загустевшей человеческой кровью.

Елбай, держа в руках сверкающий серп, стоял у подножья лестницы, ведущей на трон, искал глаза Идриса.

Трибуны замерли.

И вдруг Идрис, оттолкнув вампира, метнулся к Майклу и стал рвать его за грудь:

– Что это было? А? Что это было, мразь?! – и вдруг остановившись, пристально взглянул на профессора:

– Я зна-ал! – как бы для себя, ошарашено выговорил он. – Я знал, что еврейский мозг держит тайну!... Я найду эту девчонку! – и вдруг завопил:

– Я приведу правоверных к победе! Тайна есть!.. Я найду эту девчонку! Тайна есть!

И, снова глянув на профессора, как бы что-то подозревая, стал медленно ходить перед ним из стороны в сторону.

И вдруг вытащил из-за пояса саблю:

– Как это говорится, профессор? «Отработанный материал?» А? Так это у вас говорится?

Майкл не открывал глаз.

– Что? Не хочешь признавать? Да?! – заорал Идрис, занес саблю над головой Майкла и ударил по ней.

Брызги крови ударили ему в лицо. Утираясь ладонью, он впился глазами в стекавший по шее окровавленный мозг. Вложив пальцы во вскрытый череп, пошарил в этом месиве, глаза его вдруг полыхнули злорадным блеском, и он ликующе поднял руку с окровавленным фоновипом.

Трибуны снова одобрительно заликовали.

– Коня! – крикнул Идрис вампиру и, когда у подножья лестницы стал его белый скакун, легко

сбежал вниз и оседлал его.

Конь заржал, приподнялся на дыбы и на глазах окрасился в багрово-кровавый цвет.

Седок, в красном плаще за спиной, словно слившись с конем, превратился в какое-то единое кровавое чудовище.

Идрис осадил коня, к нему метнулся Мурло:

– Светлейший, – вскинул он голову. – Вроде бы... все... Я вроде бы... доказал... Кому эту вещь-цу вернуть? – он показывал серп.

– Не «вроде бы»!.. Ты по-настоящему доказал! Молодец елбай!.. – насмешливо крикнул Идрис. – А эта «вещица» теперь твоя! На веки вечные – твоя елбайская сабля! – расхохотавшись ему в лицо, он пустил коня вскачь.

Красный седок на кровавом коне загарцевал по площади к воротам – к выходу с площади «Стены Плача».

Коня под уздцы вел вампир....

ДОЛИНА ПРИЗВАННОГО.

Мы в странную игру вовлечены,
Где даже в счастье кроется тревога.
Цветущий сад – печаль и боль весны,
И Бог в себе зачеркивает Бога...

..Сентябрьский вечер мягко затенял Долину Призванного. Солнце, огромной цыганской серьгой закатилось за дальние леса, и лишь край его ободка посвечивал успокоенным золотом.

..По домику Ури растекалась тишина, заботливая и оберегающая: в углу, на кровати старца, прикрытая легким одеялом, спала Хаймалка.

Старик, боясь лишнего нечаянного скрипа, словно ягуар, мягко ступал по чутким половицам.

В руках – медная ступка с пестиком.

Гром лежит на своем любимом месте – в двух шагах от двери.

Ури вышел из дома. Под окошком стоял невысокий срубленный пень. Старец сел на него, бережливо пристроил на коленке ступку, на дне которой, под пестиком, поблескивали красно-белые кристаллы.

Прежде чем начать толочь, Ури посмотрел на едва приоткрытую дверь дома, прислушался.

Покой.

В красивой пышной бороде старца молитвенно шевельнулась ниточка губ.

Ури, осторожно, боясь потерять самую кроху, стал толочь порошок...

...За домом бил холодный родник.

Старец наполнил ступку, начищенным до блеска медным пестиком, медленными кругами, размешал раствор, начертил над ним невидимый знак и негромко проговорил:

– Великая Тайна Воды – Великая Тайна Жажды – Великая Тайна Израиля!..

...Ури вернулся в дом, поставил стакан с раствором на стул у изголовья Хаймалки, слегка наклонившись, поднес к ее лицу расправленные ладони и, они теплой полусферой зависли над бледным лбом девушки.

Хаймалка глубоко вздохнула, приоткрыла большие, как бабочки, веки.

Ури тепло объял и мягко утопил в своем взгляде испуганные глаза девушки: будто цыпленка подобрали большие добрые руки.

– Где я? – девушка надвинула одеяло к подбородку.

– Там, где тебя любят, Хаймалка... – Старец бережливо провел по влажному лбу девушки и обернулся к двери:

– Гром, а ну, не ленись...

Ягуар, лежавший в дверях, легко поднялся, и, казалось, с какой-то охотой, будто только этого и ждал, затрусил к ним.

Хаймалка, приподнявшись, испуганно отодвинулась к стенке и натянула на грудь одеяло: словно заслонила от нападения.

– Не бойся, доченька! мягко улыбнулся старик, это – Гром. Он твой друг, моя девочка! Твой верный друг! Он добрый парень... знаешь!...

Кошка опустила голову.

– Эй, солдат, ты что, засмутился?.. Ну и дела! А ну-ка, познакомься с гостьей! – дружески пригрозил старец.

Ягуар ткнулся носом в колени Хаймалки, затих.

– Не бойся, девочка моя... – Ури кивком пригласил погладить кошку.

Хаймалка несмело выудила из-под пледа руку, сначала боязливо, а потом все ласковей, пригладила плюшевую морду кошки, почесала за ухом. Ягуар замер под нежной девичьей рукой. Ури с улыбкой наблюдал за ними.

– Ну, вот и хорошо... А сейчас выпей этой настойки, – старик протянул стакан. – Отдохни. А когда высоко взойдет луна, я покажу тебе нашу Долину. Твою долину...

Хаймалка коснулась было стакана, но в ту же секунду ей вспомнилась резня на свитке Торы, перекошенные в ужасе лица, ей увиделось, как дергались искромсанные тела. Она увидела, как в грудь матери вонзилось острие серпа...

Хаймалка, пытаясь удержать рвущийся плач, прижала к губам ладони, но дрогнувшие плечи, словно выбросили из ее сердца крик:

– Мама!

Старик поставил стакан на стул, присев на край кровати, обнял Хаймалку, но она вырвалась из его рук, крича, била кулачками по своим коленкам.

Заметался возле кровати ягуар.

– Посмотри – там свет... – Ури кивнул на висевшую на стене картину.

Хаймалка невольно метнула в нее взглядом, но тут же, словно отказавшись и от нее, и от всего того, что могло бы принести ей облегчение, оборвала взгляд.

Но вот плач стал затихать, старец привлек ее к себе, ласково пригладил голову:

– Ш-ш-ш!.. Ш-ш-ш!

И когда она полностью доверилась его теплу, Ури дал ей настойку. Хаймалка выпила, последним взглядом задержалась на светившемся в центре картины Дереве, и это нежное сияние, мягко окутав ее, увлекло в светлый покой.

...Ушел в свою ночлежку День. Скинув столетние истоптанные башмаки, вытянулся на одинокой койке и, накрывшись разодранным одеялом бездомного, заглянул в свою опустошенную душу.

Зачем все?!..

День зевнул, повернулся на бок. Зачесалась борода – сто лет, как не брился. Да и зачем бриться – все равно завтра будет то же самое: с утра пораньше придется заглядывать в глаза богачей и мусорные баки, видеть злобные души усталых женщин и мужчин. Проклинать и молиться, стучаться и просить, спрашивать и не понимать, требовать и заклинать. Знать ожидание и затаенную

в нем неудачу. И снова идти...

А в итоге пустота и голод...

...День ненасытен и глуп...

Но великолепна ночь!

Ночь, как сочная женщина, обнажит твою душу и вырвет из нее долгий стон блаженства!

Только ночь затаила в себе семя, которое взойдет жадной жизнью!

Ночь хохочет и танцует, разметав над затаившимся миром свой душистый и бархатный волос евреянки!

Ночь манит и колдует!

Ночь – это тайна. А тайна – это все! Ибо если нет тайны – нет и Бога!

...Долина Призванного. Ночь. Все затаенно и все явленно. Будто сам Господь, погрузившись в медитацию, увидел Свою беспокойную Душу.

...Ури вывел на крыльцо Хаймалку. Стройная, в светлом платье, она чуть прильнула к его боку и замерла перед распахнувшимся перед ней лунным миром.

– Посмотри... – негромко проговорил старик, кивнув в сторону реки. Над поблескивающими водами Змейки зависла легкая дымка. Но вот она заметно пришла в движение, и в лунном свете вылепилась фигура белой, как снег, девы. Она, казалось, лежала на пуховых постелях и, вдруг увидев Хаймалку, приподняла голову.

– Узнаешь?.. Воздушная дева... – тихо проговорил старик. – Она очень красива, но так же и коварна. Будь осторожна с ней.

Они сошли с крыльца.

Из приоткрытой двери выскользнул Гром. Его ярко-желтая, с черными пятнами, шерсть горела в ночи золотистыми блестками.

Хаймалка прошла вперед, и вдруг неожиданно со стороны, мелькнув в воздухе, что-то быстрое пронеслось мимо нее.

Она отпрянула. Старик обнял ее:

– Не бойся... Теперь уже не бойся. – Ури как будто бы и сам вздохнул. – Это белокаменная куница. С ней лучше не встречаться. Хотя она приносит и добро. Если проскользнет меж ног – жди беды. А если пронеслась рядом – значит, к удаче.

Видишь, значит, у тебя все будет хорошо. – Ури мягко, за плечи, повернул ее к себе и заглянул в глаза:

– Ты станешь великой женщиной! Ты – Царица Израильская!

– Я?! – она малышкой глянула на старца.

– Да, моя девочка, ты! Но не будем спешить, – он улыбнулся ей. – А сейчас хочешь прокатиться?.. – и он повернулся к кошке. – Гром!

Ягуар находился недалеко перед ними. Он как будто не слышал зова старика: припав к земле, затаился и, вдруг прыгнув, видно поймал и лапой прижал к земле добычу.

– Эй, парень, брось это! Покажи Хаймалке Долину!

Ягуар, будто важничая, что его отрывают от самого, что ни на есть, важного дела, напоследок приоткрыв лапу, снова прижал ее к земле, и, оставив свою добычу, легко затрусил к Ури и Хаймалке.

– Прокати девчонку! Прокатишь?

Кошка от удовольствия завиляла хвостом.

– Ну и отлично! – старик усадил девушку на ее

упругую спину. – Не бойся! Держись за загривок...
– и приказал. – Гром, смотри, помогай Хаймалке!

Ури мягко взял ее плечо.

– Порядок?

Она ребячески кивнула.

– Прекрасно! – старик легко хлопнул по боку кошки. – Гром, вперед!

Ягуар сделал несколько медленных кругов: словно на лунных каруселях, каталась девушка в белом.

Чистый свет луны зажег сияющие с восторженным страхом глаза Хаймалки.

Гром побежал по кругу быстрее. Хаймалка вскрикнула, и в крике смешались и радость, и тот же восторженный страх.

Ягуар на секунду встал, повернувшись к реке, замер и, сначала медленно, а потом быстрее помчал к Змейке, легко оттолкнувшись, взлетел над ней, над вскинувшей голову Воздушной девой.

Старик затаил дыхание и потом, легко выдохнув, улыбнулся вслед парившей над рекой лунной всадницей.

– Я верю в тебя, девочка... – невольно выдохнул он...

Луна позолотила светлую улыбку старца.

**ЦЕНА и ЦЕННОСТЬ – суд твоего пути.
Мир не дарован человеку безвозмездно:
Чем выше цель, которой жаждешь ты,
Тем больше связаны твоя СУДЬБА и БЕЗДНА!**

... Хаймалка проспала почти до полудня.

Первые мгновения после сна вопросительно смотрела на старика. Тот сидел за столом, улыбался ей сквозь седую бороду.

– Проснулась, доченька... – полувопросом спросил старик. – Вот и хорошо... Хочешь – сбегай к реке, умойся. Вода сейчас приятная... А потом и поешь... – он кивнул перед собой, на завтрак, накрытый белой скатеркой, и обернулся на лежавшую в дверях кошку:

– Гром, поздоровайся с Хаймалкой!

Ягуар легко затрусил к ее постели. Девушка теперь уже смело протянула руку, и тот лизнул ее быстрым теплым языком.

Хаймалка, сев, молчаливо пригладила голову кошки, но

с каждой секундой, заметил старик, девушка уходила от своих ласкающих движений: руки машинально скользили по мягкой шерсти ягуара, а душа перенеслась в другой – страшный мир.

И, вдруг, взявшись за голову, она вжалась в стенку. Мелко, словно в холодном ознобе, задрожала: – Мама.... нет... не хочу... мама...

Старик достал из шкафа заготовленный заранее раствор, подсел к Хаймалке на край постели, прижал к себе:

– Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!

Секунду-другую, почувствовав заботливое тепло стариковской груди, прижалась к старцу и заплакала.

Плач сильней и сильней захватывал ее. Хаймалка разрыдалась, захлебываясь слезами, рвано заговорила:

– Мне страшно! Ури! Мне страшно! Они убьют всех! Весь мир хочет убить евреев!.. Они все равно

нас уничтожат! Разве ты не видишь, как весь мир хочет уничтожить нас?! Где Бог?! Где еврейский Бог, Ури?! – и вдруг подняла голову кверху:

– Нет больше Бога!

Старик сильнее прижал ее к себе, словно пытаюсь погасить этот гнев, но Хаймалка вырвалась из его рук, метнувшись с кровати, бросилась из дома и, сходя с крыльца, снова бросила к небесам проклинающие кулачки:

– Где ты, Господи?! Нет тебя!.. Тебя же нет!.. Пусть будет проклят этот кровавый мир! Пусть будет проклят! – согнувшись, она снова сжала руками голову, словно пытаюсь уйти от криков и виденной крови. Но чем больше она жаждала задушить этот ужас, тем больше топили сознание кровавые картины, устроенной мусульманами, резни.

Хаймалка раненым олененком завертелась по осенней траве, сильнее сжимала голову, но снова и снова перед глазами опадала на колени истекающая кровью мать, распирала мозг истошные крики, и нелюдь рубила ползающие в крови тела, превращая их в кровавое месиво.

В какой-то момент сознание, казалось, готово было взорваться, Хаймалка сжала руками голову, и по Долине пронесся ее отчаянный крик:

– Не-ет!

Она упала на колени, молитвенно покачнувшись из стороны в сторону, и в какое-то мгновение опустошенно сникла.

Она долго сидела с закрытыми глазами, потом медленно подняла лицо к небесам. Безбрежная прозрачная синева выжидающе молчала.

Хаймалка поднялась и обернулась на стоявшего у крыльца Ури.

Старец пораженно замер: перед ним была не та,

еще несколько мгновений назад проклиная небеса девчонка, не та задиристая лунная всадница, а повзрослевшая еврейская женщина, с глубокими, захватывающими глазами.

– Хаймалка! – невольно выдохнул старец.

Она подошла к нему, стала напротив:

– Я хочу мести! – она пристально посмотрела на Ури. – И ты мне поможешь, старик!

Долгую минуту они стояли глаза в глаза.

– Ты хочешь вступить на Путь Воина, – глухо заговорил старик. – А это Великая Игра! А Игру понимает только тот, кто отдает свою судьбу во власть Бога! И это опасная игра.

– Я хочу вступить на путь, Ури!

Старец пристально глянул и едва заметно кивнул:

– Хорошо, моя Царица...

...На «Пульте» – Идрис и журналист-бородач Хадис Харан. Возле дверей, неподвижно глядя в одну точку, стоит вампир Халиф.

Бородач, что-то печатая на компьютере, время от времени поглядывал на Идриса.

На приборах связи, замигала красная лампочка, раздался отрывистый зуммер. Идрис на мгновение замер, потом, склонившись к столу, быстрым движением включил пульт управления:

– Я слушаю! – в голос Идриса прокралось нетерпение.

– Это Жюльен... Светлейший, мы расшифровали фоновый чип. Есть картинка. Довольно любопытная.

Идрис медленно выпрямился, пересиливая

себя, помедлил с ответом и в своей любимой позе скрестил на груди руки:

– Что ж, поздравляю, профессор... – просмаковал свою выдержку он. – Я жду вас.

Бородач продолжил было печатать, но Идрис нарочито-любезно остановил его:

– Светлейший, давайте отложим «писания» – нас ждет чудо...

– Я должен остаться? – спросил Хадис.

– На ваше усмотрение, господин журналист...

На «Пульт», в черной робе обитателя подземелья, в сопровождении двух конвоиров вошел профессор Жюльен.

– Показывайте! – коротко скомандовал Идрис и пренебрежительно столкнул журналиста с кресла монитора.

Профессор вставил в компьютер маленький диск, через несколько мгновений экран монитора потемнел, и на нем пошли вспышки света, словно молнией прорывало черную бумажную ленту.

И вдруг на экране возникла картинка: в ночи горел костер, свет его выхватывал из темноты две фигуры: одна старика, вторая девушки. Старик показывал какие-то движения ритуального танца, и девушка повторяла за ним.

– Это она! – воскликнул Идрис. – Это дочь Майкла!

Девушка на экране перешла на быстрый ритм и, казалось, стала невидимой в отблеске пламени ночного костра.

Картинка резко оборвалась, и снова пошли резкие всполохи на темном фоне.

– Это все?! – Идрис обернулся на Жюльена.

– Все...

Идрис на секунду задумался и, как бы для себя, выговорил:

– Найти! Я должен найти эту девчонку!.. И я найду ее! – он взглянул на Жюльена невидящими глазами, и потом, словно разом прозрев, распахнул перед профессором руки:

– Прекрасная работа, Жюльен! Поздравляю! – он легко обнял его и тотчас включил селектор.

– Слушаю вас, Светлейший! – ответил женский голос.

– Джульетта, Жюльен попросил чернооких гуррий... – и он взглянул на профессора. – Или вы любите блондинок?

– Я люблю красивых женщин... – джентельменски ответил тот.

– Джульетта, красивых женщин Жюльену и Франсуа! И все, что к ним положено! – улыбаясь, скомандовал Идрис.

– Принято, Светлейший!

– Все свободны! – скомандовал Идрис, когда остался один, в раздумье заходил по комнате.

– Дьявол! Мне нужен Сатана! – и, приложив ладонь к левой руке, где была печать Дьявола, громко крикнул:

– Эй, коммуняга! Где ты?!

В то же мгновение напротив него выросла рогатая, козлиномордая фигура Дьявола.

– Хорошо выглядишь, рогатый! – усмехнулся Идрис.

– Так у кого на службе!... – в тон ему парировал Сатана, скрестив копыта:

– Чем могу быть полезен?

– Мне нужна эта девчонка! Я должен знать о ней все! Понял, нотариус?!

– Вы мне льстите, Светлейший!..

– Ладно, без болтовни!

– Слушаю, Светлейший! – Сатана прикрылся,

было, своим красным плащом, но Идрис остановил его. – А, может, нужно просто проследить за ней? – и как будто что-то открыл для себя. – Может, послать своих людей?.. Я своих сыновей не пожалею... ради этого!..

– Я все узнаю, мой повелитель! – Сатана льстиво поклонился и, укутавшись плащом, растворился в воздухе.

...Эта небольшая книжная полка с пятью-шестью книгами стала манить Хаймалку с самых первых дней. Книги, одетые в строгий черный переплет, таили в себе притягивающую тайну.

... Хаймалка легко заскользила пальцем по черным корешкам, остановилась на золотом тиснении – «Тора».

Она устроилась на кровати, скрестив ноги, стала листать ее.

В какую-то секунду Хаймалка опустила книгу на колени. Что за тайна скрывалась за строгим ивритским шрифтом? Буквы что-то подсказывали и таинственно звучали. Она вслушалась в это звучание, и вслед за ним в сознание втекла мольба:

«Господи, если ты есть, дай знак! Дай какой-нибудь знак!» – она устало повела головой в правую сторону, и вдруг в мозгу вспыхнул яркий свет, и по внутреннему экрану слева направо пошла полоса непостижимого сияния.

И в этой сияющей полосе возникли бегущие знаки: они походили на треугольники, а соединенные вместе могли образовать царственную корону.

Это длилось секунд пять, и сияние погасло.

Хаймалка потрясенно открыла глаза: что это было?! Бог?..

Она спрыгнула с постели: надо сказать Ури.

Тот сидел на дворе, под окном, что-то мастерил.

– Старик! – еще с крыльца крикнула она. – Я видела свет!

Он пристально глянул: ее глаза возбужденно горели.

– Ури... Такая яркая вспышка! Сияющая полоса! А на ней разные знаки!

Старик поднялся:

– Нарисовать сможешь?

– Наверное... – она пожала плечами.

Они зашли в дом, Ури дал ей лист бумаги, карандаш.

Хаймалка стала чертить. Старик взял лист, рассматривая его, задумался.

– Я сидела на кровати и смотрела Тору, – она нашла нужную страницу.

Ури поставил ей стул в торце стола, как главе дома. Девушка вопросительно глянула.

– Садись, девочка моя!.. Это место – твое.

Помедлив, Хаймалка села.

Старик сел сбоку:

– Хаймалка, тебе открывается Бог!.. Тебе было послано видение венца – ты видела Царственный Венец Великой Пустоты! Древнееврейский шрифт дарит тебе свои тайны! – старец посмотрел на картину Струящегося Дерева и

в раздумье продолжил:

– Истинно! Бог готовит великие перемены!

– Ури, а что было в Начале? – неожиданно спросила Хаймалка.

Старик сложил на столе спокойные ладони, долго смотрел в них.

– Когда-то я получил видение, – неспешно начал он. – Я не знаю, что это было, но это походило на то, о чем ты спрашиваешь. НАЧАЛО. – Ури прикрыл глаза, неторопливо и негромко начал:

– Начало не было словом. Оно не было ни мягким, ни твердым, но превосходило мягкое. Не имеющее глаз, оно прозрело Мир. Не имеющее слуха, оно предвосхитило Дыхание. Не имеющее формы, оно явило Присутствие. Превосходящее улыбку, оно излучало ее. Превосходящее слово, поведало о Желании. Превосходящее Движение – сотворило Тайну. Но возникшая Тайна породила Страх и Мир наполнился Страданием. То, что исполнено страдания, ищет Смысла. Но Великое Начало не знало Смысла, ибо Смысл – жалок.

Имя Великому Началу – Великое Предвосхищение. Кому откроется оно, тот познает самую Высшую Тайну-Тайну Превращений! Тайна Превращений и есть Преодоление Вечности, Смысла и Страдания! – старик посмотрел на Хаймалку, мягко улыбнулся ее замороженному взгляду:

– Девочка моя, невозможно высказать Невыразимое, но это единственный путь дарить людям Тайну Сокрытого.

– Как бы я хотела это все понять! – выдохнула Хаймалка.

– Все к тебе придет! Я верю в тебя! – он смолк, по комнате растеклась вязкая тишина. Старик положил руку на ее ладонь:

– Праведный Свиток! Праведный Меч! И это твой Праведный Путь! Бэт-Эль восстанет из руин!...

А под одним из окон уже давно стояла рогатая фигура Дьявола в красном плаще. Он воровато оглянулся по сторонам, укутавшись плащом, превратился в воробья и сел в открытую форточку.

Птица повернулась в сторону сидевших за столом Хаймалки и Ури.

Ягуар насторожился, поднявшись, угрожающе зарычал и в несколько прыжков достал окна. Воробей, испуганно зачирикав, сорвался с форточки.

Старик вопросительно посмотрел на кошку, которая, поднявшись на задние лапы, угрожающе рычала в окно.

– Гром? – вопросительно позвал старик.

Кошка оглянулась на него и, хищно раздув ноздри, легко ударила по окну изогнутыми острыми когтями.

Ури настороженно подошел к нему, посмотрел в окно и снова на растревоженную кошку.

– Кто-то был чужой? – спросил старик.

Ягуар, словно в подтверждение, зарычал и поскреб по окну лапой.

Старик в раздумье пригладил бороду. Долгую минуту он стоял, бросив глаза к полу, потом снял с полки книгу, вернулся за стол, положил перед собой черный томик: «УЧИТЕЛЯ»:

– Девочка моя, – неторопливо начал Ури, – Я хочу, чтоб ты знала культуру и других народов. Одна из самых величайших культур, одна из древнейших – это культура Индии. Она дала миру великих учителей и пророков. Среди них – Шри Ауробиндо. – он открыл книгу, ладони его тепло накрыли открытые страницы, и он по памяти прочитал:

«Я становлюсь тем, что я прозреваю в себе. Я смогу сделать все, что внушает мне мысль; могу стать всем, что мысль открывает во мне. Это должно стать непоколебимой верой человека в себя, ибо Бог пребывает в нем» – Ури посмотрел на Хаймалку. – Это пророчество высветило твоё сознание.

Ты должна помнить и думать об этом всегда! Это должно заполнить все твое существо! И тогда настанет день, когда ты воскликнешь: я покимаю, я чувствую это! А это и есть приближение к тайне. Ты будешь истинной царицей и воином!

Хаймалка мягко положила руку на ладонь Ури:
– Спасибо, старик...

– Хорошо, моя девочка... Но ведь воину нужна своя одежда... – он озорно подмигнул. – Пойдем-ка!

Хаймалка была босиком, ее шаги были неслышны и легки.

Старик снял с сундука светлую накидку, передал ей и поднял коричневую, из орешника, крышку.

Не заглядывая в него, достал небольшую стопку, протянул девушке.

– Ури! – Хаймалка на мгновение превратилась в озорную восхищенную девчонку. – Спасибо тебе! – и легко поцеловала старика в висок.

– Ты мне очень дорога, девочка моя... – старик бережно заглянул ей в глаза. – Ну, ты переоденься, а мы с Громом подождем тебя у крыльца.

...Оставшись одна, Хаймалка положила одежду на сундук, как живое существо, пригладила ее.

В ожидании девушки Ури присел на пенек под окном, на минуту другую погрузился в медитацию.

Но вот открылась дверь дома, вышла Хаймалка. Старик, залюбовавшись ею, невольно поднялся: на ступеньках крыльца, будто на боевой колеснице, стояла прекрасная воин-израильтянка. Темный бархатный волос ниспадал к высокой груди, обтянутой синей блузкой, коричневая, чуть выше колен, кожаная юбка подчеркивала красивые

тугие бедра, на стройных ногах ладно сидели кожаные коричневые сапожки.

И подпоясана была она кожаным шнуром.

Подходя к Хаймалке, Ури легко бросил к ней открытыми ладонями:

– Вот Царица! Только правой руке – Праведный меч, и левой – Праведный свиток! Сила! Мудрость! Красота! Вот что должно быть символом Израиля! Вот о чем говорил Господь через пророка Иеремию! Вот что должно вернуться на Святую Землю: Царица Израильская с Праведным мечом и Праведным свитком в руках! Сила! Мудрость! Красота!

Хаймалка не смогла скрыть улыбку, и, почудилось, вся Долина осветилась ею.

И вдруг, неожиданно и для себя, она бросила к небесам раскрытые ладони, и по Долине прокатило эхо ее красивого голоса:

– Сила! Мудрость! Красота! Я буду царицей! Старик с улыбкой любовался ею. Ягуар смотрел на нее большими преданными глазами.

Хаймалка глянула на старца и рассмеялась.

Сбежав с крыльца, она отвела волосы за спину.

Ури еще раз осмотрел ее: – Кажется все хорошо... Но может что-то в одежде стесняет?

Она скользнула взглядом от груди к ногам:

– Спасибо, Ури! Я себя действительно чувствую воином! – она легко оттянула кожаный, на бедрах, шнур: – Это я правильно... надела?

– Правильно, девочка моя... Но это не просто поясок... – старик сделал паузу и посмотрел ей прямо в глаза. – Слушай меня внимательно! Никогда не надевай поясок без моего разрешения! Ты запомнила?

– Запомнила, старик – никогда не надевать поясок без твоего разрешения!

Ури еще раз пристально посмотрел на нее, протянул руку:

– А теперь развяжи его...

Ури взял из ее рук шнур, зазмеил им по воздуху, и вдруг, выпрямившись, поясок замер в его руке подобно тонкой трости. Секунда-другая, старик поддел нижний конец, и поясок застыл в воздухе вопросительным знаком, еще движение, и он кольцами упал на его раскрытую ладонь. Ури снова свесил его к земле и посмотрел на Хаймалку и показал в сторону реки. – Подойдем к воде...

Долгую минуту шли молча. Но вот старик приостановился:

– Хаймалка, я верю, ты по-настоящему постигнешь магию... Древние евреи были величайшими магами... Что касается этого. – Ури показал на шнур, свисавший с его руки. – Древние евреи в совершенстве владели магией лечебного танца. Его называли по-разному. Одно из названий: «Танец сорока девяти петель»... Многие из магического еврейского ритуала исчезло из-за ненависти к евреям тех народов, среди которых евреи жили. Утеряна Великая тайна. Лечебный танец еще долгое время сохраняли племена горских евреев. Но и они со временем утратили его.

Многое из еврейской магии: прорицания, знаки, символы взяли себе маги Запада. Но я знаю – истинная еврейская магия возродится! Это язык Бога!.. А евреи знали его, и он еще откроется им! И это будет через тебя, моя девочка! Я верю в это!

Они стали у самой воды.

– Я очень благодарна тебе, Ури! – Хаймалка посмотрела ему в глаза.

– Я только исполняю волю Господа Бога... А сейчас небольшой урок. Будь внимательна. – Старец

расправил плечи, на секунду замер, руки расслабленно повисли вдоль тела. Кожаный шнур, свисавший с его правой руки, касался пожелтевшей травы. Ури закрыл глаза, глубоко выдохнул и, ударив по воздуху пояском, осторожными фиксирующими движениями начал танец. В несколько мгновений ушел в быстрые околдовывающие движения.

Ягуар замер возле Хаймалки, и она стала походить на стройную женщину-воина, у ноги которой стоял преданный ей зверь.

Последним движением Ури запустил шнуром в лежавший у воды, величиной с кулак, камень. Шнур растянулся в несколько раз, окольцевав камень, сорвал его с места и через мгновение оказался в руке старца.

Хаймалка, не скрывая восхищения, смотрела на старца. Потом вдруг сняла с его руки камень, попробовала на вес.

Пристально глянув на старца, бросила камень к его прежнему месту, взяла шнур, повторяя движения старца, расправила плечи, глубоко выдохнула, рассекла шнуром воздух и сначала медленными, но потом все ускоряющимися движениями попыталась повторить танец Ури.

В какое-то мгновение ее ноги сплелись, и она упала на траву.

Припав на руки, посмотрела на старика, и они оба, словно сговорившись, рассмеялись.

В памяти Хаймалки возник маленький спортивный зал: человек семь еврейских парней, и среди них одна девушка – она.

Учитель Шломо, мужчина пятидесяти лет, объясняет принципы кун-фу.

А потом мелькнули картинки ее поединка с двумя парнями...

- Ури негромко позвал ее:
- Хаймалка, что-нибудь не так?
- Да нет... – она поднялась. – Просто своего учителя вспомнила... по кун-фу.
- Наверное, это был хороший учитель... – старик стал напротив.
- Да. Но нам от него доставалось...
- Старик улыбнулся:
- Ну что ж... Учиться – так учиться. От меня тебе, пожалуй, тоже достанется... Сегодня ты узнаешь одну тайну... Сегодня у нас будет костер... Ты любишь костры?
- Старик, правда?! – воскликнула она. – Я так люблю смотреть на огонь.
- Да... огонь-тайна... – о чем-то поразмыслив, он посмотрел в небо, как будто исследовал его:
- Погода, как будто, измениться не должна... Ну что ж, пойдём собирать хворост?
- Конечно, Ури! – живо блеснули черные большие глаза Хаймалки.
- Он ушел за топором, и потом они дружной компанией направились к лесу: старик, Хаймалка и справа от нее – величественная кошка...

Они выбрали удобную полянку, нанесли хвороста. Свою лепту внес и ягуар: в каждую ходку он тащил в зубах какую-нибудь сухую ветку. Горка из веток собралась внушительная: костер обещал быть настоящим шаманским.

Присели на двух камнях в шагах десяти от «костра».

Спелые луга Долины замерли под осенними прозрачными небесами.

Свою неизменную вечернюю песню начинали сверчки. Но их стрекотание, казалось, только подчеркивало затаенную тишину мира.

Хаймалка посмотрела на Ури: седой профиль с убежавшими вдаль глазами.

Старик, почувствовав взгляд, повернулся к ней. Встретились лаза в глаза.

– Ури, человек может быть счастлив? – она бросила взгляд в землю.

Прозрачные небеса прикрыли веки, словно вслушались в свое усталое неутоленное ожидание.

Старик положил на колени большие спокойные руки:

– Может.

– А если ты убьешь? – взгляд Хаймалки стек со сверкнувшего лезвия топора. Он лежал недалеко от ноги Ури.

Она порывисто поднялась, стала спиной.

– А если ты убьешь? – она обернулась на старца.

Тот опустил голову:

– Я знаю твой вопрос... – он помолчал.

– Ответ ты знаешь?! – как бы, полувопросом потребовала она.

– «...ответ...» – как бы, для себя повторил Ури и пристально глянул на Хаймалку:

– Я знаю только один ответ: Если война – то праведная! Если мир-то светлый! И тогда судьба – достойная!

Хаймалка на секунду замерла и потом под села к ягуару, лениво лежавшему возле «ее» камня, ласково потрепала его пушистый загривок.

Кошка, заигрывая, тотчас попыталась поймать на клыки руку девушки.

Хаймалка, приняв эту игру, то на секунду позволяла схватить ладонь, то тут же выхватывала

ее из пасти кошки.

Но вот в какое-то мгновение она поднялась и, по-девичьи закуражившись, пошла на Ури.

– Так, значит... «праведная»... говоришь?! – она стала в бойцовскую стойку, словно приглашая к рукопашному бою.

– Праведная!.. – улыбнулся Ури. – Очень праведная! – он стал заводиться и сам и, подбрасывая полуопущенными ладонями начал кружить вокруг Хаймалки.

– Ну иди! – он поманил ее обеими ладонями. – Иди!

– Иду! – она, приблизившись, ткнула рукой, но старик увернулся.

– Давай, давай... – он отступил по траве.

Хаймалка быстро приблизилась, и они, всматриваясь друг в друга, пошли по кругу.

– Иди! – теперь она поманила Ури.

Он осторожно шагнул и вдруг, в секунду приблизившись, ткнул рукой к ее плечу, она ушла от удара и тут же ответила резким выпадом.

С полминуты мелькали быстрые движения рук, Хаймалка отбросила свое тело назад и, оттолкнувшись, в ломано-вихревом движении метнулась на Ури.

Тот на секунду замешкался и в следующее мгновение опрокинулся на траву.

Хаймалка растерянно бросилась к нему:

– Ты в порядке, старик?!

Ури припал на отведенные за спину ладони, с любопытной улыбкой смотрел на нее: девушка соединила что-то из шаманского танца с приемами рукопашного боя.

– Ты где-то учила «это»? – спросил он. Хаймалка пожала плечами:

– Не знаю... как-то само получилось... ты же показывал...

Старик невольно глянул на ягуара: тот, перехватив взгляд хозяина, притворно зевнул и отвел взгляд в сторону.

Старик с улыбкой кивнул на него:

– Видишь, издевается надо мной... Бандит ведь...

Поднявшись, Ури потрусил ладони, отечески обнял Хаймалку за плечи:

– Девочка моя, я горжусь тобой! В тебе живет древняя еврейская шаманка...

...Ночь подоспела ясная, с россыпью ярких звезд в глубоких темных небесах.

Ури зажег лучину и подал ее Хаймалке. Отсвет легкого пламени оттенил большие, затаившие восторг, глаза девушки.

Она отбросила волосы за спину, с глазами заговорщицы взяла у старика огонь.

Ури надел на нее налобную повязку, в центре которой засветился ивритский знак «Алеф».

Хаймалка подправила волосы.

Огонь от лучины выхватил из темноты ее профиль:

стремительно-изогнутые брови, изящный, с легкой волной, нос, спелые, будто слегка припухлые губы; пышные волосы темной волной стекающие на высокую грудь.

С налобной повязкой, опоясывающей волосы, в кожаной, немного выше колен, юбке, высоких сапожках, ладно облегающих стройные ноги, она и вправду походила на древнего воина-евреянку.

Горящая лучина осветила невольно залюбовавшиеся глаза старика – Хаймалка на секунду смутилась, но тут же справилась с собой, лишь повыше подняла огонь.

– Хорошо! – произнес старик. – Ты готова?

– Да... – она ответила прямым взглядом.

– Запомни: на первом месте – ОСНОВА, за ней – ЗНАК, дальше – ЗВУК, и закрывает тоже ОСНОВА... – старик полусогнутыми пальцами ладони начертал перед лицом Хаймалки незримый знак:

– Пусть будет благословен этот путь! Аминь! – и кивнул: – Приступай!

Хаймалка отвела огонь в сторону, начертала в воздухе невидимый знак, негромко пропела несколько слов.

Неожиданный ветер, мягкой лапой, ударил по огню лучины, и язык пламени заколебался.

Хаймалка глянула на старика. Тот бросил глаза к небесам: черная тьма, поглощая звезды, прихватила край лунного диска.

Старик посмотрел на девушку и едва заметно кивнул:

– Зажигай!

Хаймалка поднесла было огонь, чтоб зажечь костер, но следующий и мощный порыв ветра вырвал лучину из ее рук и, зашвырнув, загасил где-то в засвистевшем пространстве.

Следом мелькнули рваные стрелы молний, и ударила ночная гроза.

Старик взял руку Хаймалки:

– Не бойся. Идем домой... Гром, вперед! – голос старика потонул в завихрившемся, подвывающем пространстве.

Большие редкие капли ударили по лицу Хаймалки, и уже через несколько мгновений на луга

обрушился, готовый поглотить все, жадный ливень.

Ветер в несколько мгновений разрушил сложенную для костра горку хвороста.

Залитое тьмой пространство рвали порывы буйного ветра и ливня.

– Держи мою руку крепче! – крикнул старик и сам плотнее захватил ладонь Хаймалки.

Оттирая затопленные водой веки, он пристально всматривался вперед, стараясь не потерять силуэта медленно ступавшего ягуара.

Скоро, как успокоившаяся черная пантера, стихия затихла,

небо просветлело, и впереди возникли темные очертания дома.

...Первым делом старик разжег камин, вскипятит чайник.

Они молчаливо пили заправленный мятой чай.

По стенам, освещенным огнем камина, скользили причудливые тени. И тишина, как назойливый призрак, воровато заглядывала в души Хаймалки и старца.

Ури посмотрел на девушку: она прятала взгляд в поблескивающие доски стола.

– Не грусти, Хаймалка... – тепло сказал старец и кивнул на сундук. – Мир так устроен, что каждый все равно обретет то, что ему дано обрести... И кто бы это ни был: человек ли, зверь, или какой-нибудь паук...

Хаймалка оглянулась на сундук, и в глазах ее засветилась улыбка:

– А для Грома там тоже что-то есть? – она перевела глаза на лежавшего возле камина ягуара. Тот вскинул морду.

– Ну раз для всех, значит и для Грома...

– Пошли?.. – закуражилась Хаймалка.

– Пошли! – в тон ей ответил Ури и позвал. – Гром, заглянешь, что там для тебя припасено?...

Тот посмотрел горящими в свете камина глазами, и вслед за Хаймалкой стал у сундука.

– Ну что, открываем? – она заговорщически глянула на кошку.

Та завилыла хвостом.

Хаймалка открыла сундук, ягуар стал на задние лапы, сунул в него морду, и в клыках его оказался ошейник.

Поняв, что за подарок ему достался, он выпустил его на пол и обиженно поплелся к своему месту у камина. Ткнулся мордой в лапы.

В комнату упала вопросительная тишина.

Хаймалка пошла к шкафу, достала ножницы и, подняв ошейник, позвала:

– Гром, а мы эту гадость вот так! – и она перерезала ошейник.

Старик рассмеялся.

Ягуар, словно повеселев, схватил одну разрезанную половинку и играючи закружил перед камином.

И показалось, в доме стало светлей и уютней...

...В спальне Идриса от красного торшера растекается мягкий полумрак, обволакивающе звучит восточная мелодия. На широкой постели две обнаженные гурии обвивают Идриса. Тот, запрокинув голову, утопает в их ласках.

В какое-то мгновение он вдруг испуганно распахнул глаза и оттолкнул от себя девиц: возле торшера стоял Сатана.

Черноокие гурии, завизжав, стали вжиматься в стенку.

Идрис ошарашено отполз к ним и вдруг суеверно отмахнулся:

– Исчезни, нечистый! – и снова повторил. – Уйди, нечисть!

– Светлейший... – успокаивающим голосом начал Дьявол. – Я, разумеется, приношу извинения за такой неожиданный визит... Хотя, вероятно, не такой он уж и неожиданный... Ибо вам грозит беда!

Девушки стали потихоньку стекать с кровати.

Идрис сел на постели, оттер рукой лицо и взглянул на Сатану:

– Ты для этого заявился? – он как бы стал приходить в себя.

– Но, Светлейший, Вы просили все разузнать, и я узнал...

– Чего ты узнал?! – вдруг закипел Идрис. – Какая беда?! А ты для чего?! Я для этого продался твоей поганой душонке, чтоб ты еще грозил мне?! Не будет с тобой договора! – Идрис сорвался с постели, накинул на себя темный халат.

Черноокие гурии, подхватив свои одежды, шмыгнули из спальни.

– Убирайся вон! – крикнул Идрис Сатане и зло нажал на клавишу проигрывателя.

Музыка оборвалась, и спальня нагрудилась тишиной.

Идрис нервно заходил из угла в угол.

– Что ж... – начал Сатана. – Я так и знал... Но кто посочувствует Сатане? – обреченно вздохнул он. – Сколько раз я уже попадался на людское коварство! Сначала: помоги, помоги! А чуть что – пошел вон, Сатана!

– Ишь ты, какая целочка! – заерничал Идрис. – А сам, небось, сколько душ-то загубил, а?! Сатанинская твоя порода! – и тут же, как бы, смягчился. – Ладно, выкладывай, что там у тебя, – но все же пригрозил. – Но если ты еще раз мой кайф обломаешь, я твою козлиную рожу суну туда...

– А мне... там нравится... – хихикнул Сатана.

– У-у, губошлеп! – Идрис скрутил нижнюю толстую губу Сатаны.

– Отпусти! – прошамкал тот. – Я ведь тоже живая тварь!

– Вот именно! Тварь! – вставил Идрис и сел на стул – давай, говори, что мне там «угрожает»...

Сатана, поводит лепешками губ, словно приводил их после трепки в порядок:

– Я видел «твою» эту девчонку! Она в Долине Призванного.

Она будет мстить тебе. И она должна отстроить Бэт-Эль.

– Девчонка... мстить мне?! – скривился Идрис.

– Да, девчонка! Ей обещана Великая сила! И она уже ее получает. Ты тут под ведьмами слюнями истекаешь, а она уже получает силу, Светлейший! А еще меня за губы таскаешь! Не справедливо это! Не правильно, вернее!..

Идрис в раздумье скрестил на груди руки:

– Значит... «силу»... говоришь?

– Силу, Светлейший!.. Господь через Пророка говорил с ней... Она опасна!

– Да заткнись ты!

– Послушайте... господин мой... – посуровел Дьявол. – Если Вы не перестанете говорить со мной таким тоном, я прерву с вами всякие отношения! – и теперь он сам повысил голос. – В конце-концов, Сатана я или не Сатана?!.. И мне плевать на этот

Ваш договор!.. Таких как Вы, Светлейший, сегодня почти весь мир: весь мир сегодня жаждет меня! Весь мир сегодня просит помощи у Дьявола! – и, гордо вскинув рогатую голову, ткнул когтистым пальцем себе в копытца. – Цивилизация в ногах у Сатаны! – секунду-другую, постояв с задранной мордой, как бы смягчился. – Прошу учесть это... – в полумраке, круглыми черными пуговицами блеснули его глаза.

– Ладно... Не кипи, миротворец!.. Пацифистик ты, легкоранимый! – Идрис отечески пошлепал по козлиной щеке Сатаны и снова прошелся по комнате:

– Ты хочешь сказать, что я проиграл?

– Я этого пока не говорил. Я просто пришел к Вам с важной информацией... Хотя, не скрою: вас ожидают не сладкие времена. Далеко не сладкие!

– Ты перестанешь мне угрожать, наконец! – Идрис схватил Сатану за грудки. Долгую секунду в полумраке нацелились друг на друга две пары одинаково сверкающих глаз.

Идрис разжал руки и нарочито хмыкнул:

– Информатор...

– Короче! У меня нет времени!.. – расставил Сатана в и величественно бросил рукой. – Меня ждут массы!..

– Чего ты хочешь, зверюга?! – пристально взглянул на него Идрис.

– Плечико... Всего лишь... второе плечико!..

Идрис посмотрел на левую руку, где красовалась красная метка Дьявола, и после минуты раздумья презрительно стал к нему правым боком.

В руках Сатаны появилась печать, он вцепился в правую руку Идриса и придавил к ней зашипевший металлический кружок.

Отняв его, горделиво полюбовался: на правом предплечье Идриса красовался красный заяц – второй на его теле.

Идрис дернул рукой, желая вырваться из лап Сатаны, но тот держал его мертвой хваткой. Идрис ударил по нему сверкающими злобными глазами.

– Я вас понимаю, Светлейший... – посочувствовал Сатана и, набросив на рогатую голову свой красный плащ, исчез...

...Теплое октябрьское утро босоногой женщиной, будто налитое яблоко, подняло с земли спелое осеннее солнце. Долина Ури замерла в теплых и ласковых лучах.

...Хаймалка сбежала к реке, умылась прохладной водой и вдруг почувствовала, как, выбив из сердца, растеклась по телу волна сладкой истомы.

Хаймалка осторожно осмотрелась: вокруг никого... С непонятным волнением расстегнула рубашку, отведя борта, чуткими волнующимися пальцами повела по упругим белым холмикам, стекающим к темным большим соскам.

Жадно, словно впервые, вгляделась в прозрачную белизну своих грудей и с задохнувшимся дыханием, чуть запрокинув голову, осторожными и жадными ладонями сжала этот упругий волнуемый зов.

Неожиданный и властный.

Смутный мужской образ мелькнул в закрытых глазах.

И тут же, испугавшись, что кто-то может сейчас «следить» за ней, быстро застегнулась.

Перебросив полотенце через плечо, пошла к дому...

Это утро для нее начиналось, как и обычно: растяжки, река, затем – Медитация, легкий завтрак...

На время медитации старик обычно оставлял ее одну: забрав с собой ягуара, уходил на луга за травами или на охоту в лес.

На этот раз старик решил пойти посмотреть, что стало с нанесенным для костра хворостом, и забрать, оставленный во вчерашнюю грозу, топор.

Хаймалка устроилась под картиной на своем зеленом коврикe, на котором она обычно проводила медитации. Стала ждать Ури. Тот что-то возился в сундуке. Закрыв его, сел напротив девушки:

– Я хочу, чтоб сегодня ты медитировала на Знак Выступа.. Всматривайся!.. И всегда помни: в этом мире все о другом! Дерево – не о дереве! Небо – не о небе! И человек – не о человеке! Знак Выступа!.. Всматривайся!.. Есть?

– Есть, старик! – легко улыбнулась она.

– Ну, тогда удачи! – он направился к двери, но выходя, оглянулся и упрятал в бороде довольную улыбку: Хаймалка сидела расслабленно, и он видел, что медитация ей стала открываться.

Осторожно притворив за собой дверь, позвал ягуара. Тот бегал у реки, но тут же отозвался на его зов.

Старик уходил от дома, и рядом с ним легко трусила величавая кошка с ярко-желтой шерстью.

Их силуэты уже стали сливаться с лугами, как из-за угла дома выглянула козлиная морда Дьявола.

Сатана долго смотрел им вслед.

...После пяти-семи минут медитации Хаймалка

открыла глаза, попробовала вернуться к ней, но снова прервалась: неожиданный зову реки властно сбивал внимание.

Некоторое время она сидела в раздумье.

Но вот поднялась, отодвинула к стене стол и, став в центре образовавшегося пространства, прикрыла на мгновение веки и начала танец с кожаным пояском.

Сначала медленно, а потом быстрее, она стала ускорять движения, и вот по сверкающим половикам замелькали ее быстрые босые ноги.

Силуэт Хаймалки, зашедшейся в вихревом ритме ритуального танца, казалось, растворился в воздухе.

...Сатана, пригнувшись, подкрался к окну, принял вид старца, заглянул в него.

...Погруженная в танец, Хаймалка не заметила его.

Обогнув угол дома, «старик» уверенно вошел, плотно закрыл за собою дверь.

Хаймалка оборвала танец:

– Ты уже вернулся? – она удивленно смотрела на «Ури». – Все в порядке?

– Да, все в порядке.. Просто... нужно поговорить... –

«старик» прошелся по дому, стал у картины Светящегося Дерева, но тут же отошел от нее.

Хаймалка молчаливо ждала.

Наконец, он посмотрел на нее:

– Возьми стул, присядь... Это серьезный разговор.

Хаймалка вернула стол на прежнее место, сев, по заведенному правилу, в торце, сложила на коленях красивые властные руки.

«Ури» отошел к окну, долгую минуту стоял спи-

ной к девушке. И медленно обернулся:

– Хаймалка, у тебя не возникало сомнений?

– Каких, Ури?

– В том, что тебе предстоит...

Она опустила голову и потом открытым взглядом посмотрела на «Ури»:

– Да... Я много об этом думала и думаю постоянно... – и вдруг перебила себя. – Ты ведь имеешь в виду... Иеремию?

– Да. «Праведный Свиток! Праведный Меч! Праведная Месть!»... Это сила, которая может изменить жизнь твоего народа.

– Да, я сомневалась, сомневаюсь, наверное, и сейчас... То, что я испытала ТАМ, это не уходит от меня... Я теперь знаю, что я – жертва, потому, что я еврейка, и мне порою кажется, что это изменить невозможно – я буду жертвой всегда...

– Да... – вздохнул «старик». – Эта животная ненависть к Израилю, ко всему еврейскому вызывает уже даже не ответную ненависть, а омерзение... Это разве что можно сравнить с гадюшником, по которому ползают тысячи эти скользких гадливых тварей. Весь мир в своей ненависти к евреям превратился в этот злобно – шипящий, омерзительный гадюшник.

«Старик» опустил голову, хотел было что-то продолжить, но Хаймалка перебила его:

– Скажи тогда, Ури, как одолеть это гадливое омерзение?! «Ури» подошел к сидевшей на табурете девушке, став сзади, за плечи привлек к себе, и она доверчиво припала к нему спиной.

Руки «старика» скользнули к ее плечам, задрожавшие пальцы, казалось, вот-вот жадно стекут к поднимавшимся под рубашкой упругим холмикам, но в последний момент Хаймалка вдруг резко вста-

ла и испуганно попятилась от «Ури» вдоль стола.

Тот бросился к ее ногам, умоляюще посмотрел на нее:

– Прости меня, Хаймалка! Я просто устал! Я очень устал от этого вечного одиночества! И все эти волшебства, которые я могу делать, все эти тайны, которые открыл мне Бог, они ничего не стоят, если ты одинок! Прости, Хаймалка! – «старец», сидя на коленках, безвольно свесил голову.

Хаймалка замерла. Страх и удивление в ее глазах сменились жалостью. Она невольно взяла плечи «старика»:

– Что ты, Ури... встань! Не надо извиняться! Я так благодарна за все, что ты для меня сделал! Ты ведь меня столькому научил! Вставай! – она мягко приподняла его за плечи.

«Старик», опустив голову, ушел к окну.

– Спасибо, девочка моя! Я всегда верил тебе! И потому не могу больше скрывать от тебя мою тайну... – он поднял на нее глаза:

– Когда-то и я, как сейчас ты, был взят сюда. И мне говорили: ты должен спасти свой народ! Но на самом деле из меня сделали одинокого охранника этой проклятой Долины. Но я не хочу, чтоб эта участь постигла и тебя! Не хочу! Потому что ты дорога мне!.. А потому слушай всю правду: и о нашем народе, и о нашем Боге! Но если что-то захочешь спросить, не бойся – перебивай меня! Договорились?

Хаймалка молчаливо кивнула.

«Ури», казалось, сделал над собой последнее усилие, глубоко выдохнул:

– Наш Бог болен манией величия! Он придумал для себя одну игру и наслаждается ею!... «НАЙДИ БОГА!» – вот его игра! Ибо самый любимый вопрос Бога:

«ГДЕ ТЫ, БОГ?!»

И он жаждет только одного: чтоб отовсюду, со всех сторон, из всех глаз, из всех орущих ртов слышалось только одно:

«Где ты, Бог?! Где ты Великий Боже?!»

И это самый страшный вопрос из тех, какие только могут быть!.. А знаешь, почему именно этот вопрос? – он уперся взглядом в Хаймалку. Девушка, припав бедром к краю стола, казалось, была полностью заморожена: большие загоревшиеся глаза вопрошающе смотрели на «старца».

Он сделал мастерскую паузу и повторил:

– Так знаешь, почему именно этот вопрос – самый любимый вопрос Бога?.. Потому что лишь только после него возможны и все остальные вопросы! И только в этом: «ГДЕ ТЫ, БОГ?» – возможен смысл творения! А там, где человеком обретается смысл, там рождается и благодарность. А потому Бог придумал игру, в которой он обретает благодарность себе! Это его царский трон! А люди – игрушки в этой его игре!

Отсюда, от этих игрушек все и начинается! Ибо он создал игрушки разными: они большие и маленькие, глупые и не очень... Эти игрушки белые и черные. Он сделал их добрыми и злыми, он поделил их на одни народы и другие.

И тогда ты неизбежно знаешь, что ты отличен от другого! Ты всегда – игрушка Бога! Но что такое еврей в игре Творца? То есть, чем эта игрушка – другая?.. Внешность? Да! Обычай? Да! Душа? Да!.. Но это все другое для одной цели: кто ты в этой игре?! Потому что игра Бога – это игра в войну! Бог хочет быть познанным через войну! Его любимый вопрос: «ГДЕ ТЫ, ВЕЛИКИЙ БОЖЕ?!» нигде так не раскрывается, как в войне! И только

в войне затаена высшая благодарность Творцу! «... время любить и время ненавидеть... Время войне и время миру...»... Ты знаешь эти слова пророка. Но это ложь! Потому что не было на земле и часа без ненависти! Не было минуты без кровопролития! И не было и нет мгновения без войны!

«Ури» подошел к Хаймалке, мягко пожав ей плечо, заглянул в глаза. Она молчаливо опустила голову.

«Старец» прошелся по дому. Скрипнули под его ногами половицы.

– Тяжело об этом говорить, но это и есть человеческая действительность. – «Ури» вернулся к окну, посмотрел по сторонам и повернулся к Хаймалке:

– Но война – это фигуры преследователя и жертвы. Война для Бога – это еще и его Божественная охота. А охота – не только преследование жертвы, а и согласие Жертвы быть жертвой! Вот что самое удивительное! И в этом одна из тайн Бога!

Бог любит символы! Есть символы преследователя и есть символы жертвы... Авраам! Вот на ком кровавый камень страданий его народа! Хотя и Авраам же сделал свой народ бессмертным! А знаешь, почему, Хаймалка? – Сатана с ликованием отметил, что душа девушки распахнута его словам, как распахнутое окно.

– Авраам принял от Бога роль жертвы. Ведь то, что произошло на горе Мориа было не жертвоприношением, а ЖЕРТВОСОТВОРЕНИЕМ! А жертва и есть самая любимая игрушка Бога! Ибо если кто и может быть истинно преданным, то только жертва! И если есть истинная благодарность, то это благодарность жертвы! Благодарность жертвы выше благодарности охотника и преследователя: ибо,

если охотник благодарит за добычу, жертва благодарна за жизнь! Никто так не знает цену жизни, как знает это жертва! А жертва знает – жизнь сотворена Богом. И потому никто так не знает цену Богу, как знает цену Богу – жертва! Благодарная слеза жертвы высшая благодарность для Творца! И потому Жертва всегда ближе к Богу! И потому евреи стали любимой игрушкой Бога! И потому им дарована жизнь в веках и в тысячелетиях! А теперь слушай внимательно! Но как только евреи перестанут быть жертвой, они исчезнут с лица Земли! Исчезнут и забудутся, как исчезали и забывались даже самые великие народы и великие завоеватели! Но Господь любит свою игрушку и делает ВСЕ, чтоб евреи оставались.

– Жертвой!... – невольно, со смешанными чувствами, выдохнула Хаймалка.

– Его любимой игрушкой... – едва заметно усмехнулся «Ури».

А что это – «...все...»? – холодно спросила она.

«Старец», как бы в раздумье скрестил руки, опустил голову и потом пристально взглянул на нее:

– «...все..» – это то, что народ-жертву и делает народом-жертвой!

– Говори, старик! – потребовала Хаймалка.

«Ури» нарочито, словно ему было очень тяжело сказать то, что требовали от него сказать, помедлил и, припав спиной к стене, впечатал в нее ладони:

– Народ-жертва не может быть большим, и потому из века в век льется еврейская кровь!

Народ-жертва не может быть сплоченным, и потому из века в век не иссякает в еврейских душах беспричинная ненависть друг к другу!

«Каждый усиливает каждого, и оба живут во всей полноте!» – вот закон сильного народа! Но ев-

реи живут по закону, где каждый ослабляет каждого, и потому – ослаблены все!

Свой истинный пророк будет сброшен в грязь, а лжепророк инородца будет посажен на трон – это закон народа-жертвы!

Уничтожить талант соплеменника и возвысить бездарность инородца – это закон народа-жертвы!

Убить своего воина и отдать меч врагу – это закон народа-жертвы!

Сильный народ на агрессию врага отвечает ответной агрессией! Но еврейская агрессия – это агрессия против себя!

Видеть в себе жертву, позволять другим видеть в себе жертву, и в итоге согласиться быть жертвой – это еврейское!

– Старик! – вдруг перебила Хаймалка, но тот не дал ей договорить:

– Ты хочешь сказать, что и в других народах есть и ненависть, и зависть, и подлость... Но другие народы в тяжелые дни сплачиваются под своими символами! Евреи же в дни беды разрознены еще больше! И это тоже признак народа-жертвы! Ты посмотри, как одинаково начинаются и одинаково завершаются эти, так называемые исходы! Посмотри, Хаймалка! Изгнанные из одной страны, евреи начинают осваивать новое пространство, обживают его, начинают обретать ценности. Освоив это новое пространство, становятся богатыми, но чем больше богатеют, тем больше боятся, что кто-то из них станет богаче, и начинают предавать и ослаблять друг друга! В итоге все накопленные ценности оказываются незащищенными! А что также хорошо видно, как незащищенная ценность?! И что еще так манит человека, как незащищенная ценность?! И разве это не тот момент, когда откры-

вается враг?! И разве это не момент извечной катастрофы?!

Все построено Богом так, чтоб еврейский народ оставался народом-жертвой, тем самым оставаясь Его любимой игрушкой. Но, являясь народом-жертвой, евреи объявляются народом-заговорщиком и народом преследователем – но это и есть верный признак жертвы. Ибо это ни что иное, как призыв к новым преследованиям, новым грабежам и новому пролитию еврейской крови!

Но, переживая каждую катастрофу, залитые кровью, чудом выжившие, евреи снова поднимают к небесам благодарные глаза, чтоб благословить Того, кто удерживает их в такой страшной судьбе! И снова они наивно ищут тысячи и тысячи оправданий Хозяину и Создателю своей жертвенной судьбы! Ты знаешь – теодицея, оправдание Бога!..

Но если Бог оправдан, то это уже не Бог! Он – Сатана! – «старец» выдержал паузу и вдруг, метнувшись к Хаймалке, взял ее за плечи и вкрадчиво заговорил:

– Обрушить на человека предельный Ад – вот замысел! Чтоб, обрушив на человека непостижимые страдания, потом увидеть, как из-под обломков и грязи, отчаяния и крови тянутся к Нему благословляющие Его истерзанные человеческие руки и души! И это руки и души евреев!

Цена и ценность! Вот самый еврейский вопрос!

Цена и ценность – это и есть еврейское непреодолимое! Евреи будут сохранены, евреи останутся любимой игрушкой Бога, но только лишь в том случае, если евреи останутся народом-жертвой! Вот условие Бога! И тогда Творец снова и снова будет хранить с евреями Свой Завет и, как это было раньше, отмечать евреев своими благостями: через ев-

реев открывается Бог, через евреев Бог посылает в мир тайну, через евреев Бог наполняет мир душой! Ибо евреи – преданная Ему жертва! А жертва ведь всегда ближе к Богу! И ведь истинной благодарностью может быть лишь благодарность жертвы!

И евреи приняли это. Оставаться жертвой, но всегда быть самым близким к Своему Создателю! – вот что затаено в еврейской душе!

Даже вечный зов Мессии – это вечное призывание беды! Ибо всякий раз дорога Мессии – это новое кровопролитие!

Оставаться жертвой – вот что на самом деле спрятано за жаждой привести Спасителя!

И потому все происходит, как происходит!

И тысячелетиями на еврейской крови восходит сила других народов!

Цена и ценность!

– Но Бог заключит Новый Союз со своим народом! – вбросила Хаймалка, вспомнив Иеремию.

- «Новый Союз»? – не поняв, задумался Сатана.
– Я знаю – Новый Завет...

– Нет... Новый Союз...

– «Новый Союз» – это значит перестать быть жертвой, – нашелся Сатана. – А перестать быть жертвой, значит, изменить судьбу, и значит остановить игру! А это не что иное, как исчезнуть народу навсегда! И евреи – народ-жертва, который боится перестать быть жертвой!

«Ури» смолк. В дом ворвалась вопросительная тишина.

– Что я должна делать? – холодно спросила Хаймалка.

– Девочка моя! – «Ури» бросился к ней, взял ее руки, и как бы переступив через себя, попросил:

– Оставь все! Оставь все, как есть!.. Если ты хо-

чешь сохранить свой народ, оставь все, как есть! Пусть Бэт-Эль останется в руинах. Пусть останется как память. А что лучше благодарной памяти! Не ищи силы! Та сила уничтожит твой народ! Не в мече бессмертие еврейского народа, а в Великой жертвенной покорности! И вот что я тебе еще скажу:

Перестав быть жертвой, вы и станете жертвой полной!

Хаймалка опустила голову и потом пристально посмотрела на него:

– А как же то, чему ты меня учил?.. Столько труда, души...

– Не Меч, а Жертвенная Покорность! – жестко повторил «старец».

Хаймалка пристально посмотрела, высвободив ладони из его рук, отошла в угол, к сундуку, за чем-то поправила накидку на нем и вдруг спросила:

– Старик, а еще что-нибудь здесь есть для меня? «Ури» посмотрел на сундук и пожал плечами:

– Ты можешь посмотреть...

Хаймалка, быстро глянув на него, открыла сундук и достала небольшой, размером с кулак, колокольчик. Улыбнувшись, зазвонила в него

Звон, казалось, что-то сотворил со «стариком»:

– Убери! – истошно завопил он. – Убери! – он стал отмахиваться от звона и вдруг, поросячьи завизжав, вернулся в свой сатанинский облик и вырвался из дома.

Хамалка испуганно отбросила колокол, оцепенело прижалась к стене.

Колокол качнулся из стороны в сторону, язычок его, скользнув по внутреннему ободку, замер и затих.

Дьявол сбежал с крыльца, оглянувшись по сторонам, бросился к окну и застучал в него когтистыми черными пальцами.

– Хаймалка! – крикнул он. – Не трогай колокол и выйди ко мне! Хаймалка! Я знаю, что ты слышишь меня! Да! Это я – Сатана!

Но – я, именно я, твой настоящий друг! Я сейчас уйду, если ты захочешь! Но лучше выслушай меня напоследок! Выходи! Не бойся!

– А я тебя и не боюсь... – как бы для себя, негромко расставила она, подняла колокол и пошла к двери.

– Хаймалка! Я знаю – ты меня слышишь!

– Я тебя слышу! – она стала на крыльце.

Сатана, увидев в ее руке колокол, испуганно попятился, на ходу отмахиваясь от него, словно от чумы:

– Не звони! Только не звони!

Но Хаймалка вскинула колокол над собой:

– Так значит – «Не Меч – а Жертвенная Покорность?! – закуражилась она.

Сатана вдруг упал на колени и умоляюще поднял к ней козлиную черную морду:

– Подожди! Всего лишь минуту! Ты же видишь, что я не опасен тебе!

– Хорошо! – она опустила колокол. – Говори, что надумал! Но – быстро!

Сатана поднялся.

Секунду молчаливо смотрел в землю и потом, оглядывая пространство вокруг себя, проговорил:

– Когда Бог создал все эти вещи: и эту речку, и эти леса, это синее небо, эту желтую траву... тебя, Хаймалка, он понял, что он должен создать существо, которая могла бы стать равной ему по силе! Хотя бы равной!.. Богу нужен был – Я – Сатана!

Если я нужен был Богу, то человеку я необходим вдвойне! Лишь тот обретает истинную силу, кто не боится впустить в свою душу Дьявола!

Слушай меня, Хаймалка, и если вдруг я понадоблюсь тебе, позови – и я тут же появлюсь перед тобой, как твой самый верный раб!

...Артистично резанув воздух рукой, Сатана поклонился, потом шагнул было к Хаймалке, но та подняла колокол. Дьявол тут же укрылся плащом и исчез.

И только над Долиной прокатило эхо его голоса:
– Евреи – жертва, которая боится перестать быть жертвой!..

Хаймалка опустилась на ступеньку крыльца, поставила меж босых ступней колокол и долго смотрела в землю, на желтую замершую траву.

...Идрис посмотрел на экран «Системы слежения»: в своей камере бородач-журналист что-то печатал на компьютере. В какой-то момент, словно почувствовав, что за ним ведут наблюдение, глянул в сторону вделанного в потолок глазка.

Показалось, что смотрит прямо в глаза Идрису.

– Работай, работай... – негромко, как бы для себя, бросил тот и переключил экран на пещеру, где по своим углам, точно дикие подземельные существа, затаились двое мутантов.

Идрис нажал на клавишу «Вход» – в пещере вспыхнул и затопил ее ослепительный свет. Оба обитателя, мгновенно заслонившись руками, ткнулись лицами в пол.

С особенным удовольствием Идрис нажал и задержал палец на клавише «гамма» – в ту же секун-

ду тонкий, похожий на свист, звук стал проникать в пещеру.

Двое безбровых с гримасами ужаса зазмеились по полу. Беспомощно пытаюсь спастись от нестерпимо проникающего в мозг света и пронзительно-тонкого звука, судорожно обхватывали головы, жались к стенам.

Идрис глянул на часы, отключил свет и звук. Обитатели, вытянувшись на полу, затихли.

Идрис нажал клавишу «Ввод». В пещере возник механически-ровный мужской голос: «Знак. Голос. Взрыв.» – и повторился еще несколько раз: «Знак. Голос. Взрыв»...

Идрис отключил «Систему», прошелся по комнате. В дверях, в своей неподвижной стойке, стоял вампир.

– Ну, что, мой верный Халиф, добудем мы эту «царицу»? – он стал напротив.

– Вы правы, Светлейший! «Царицу добудем»...

– Добу-удем! – как бы больше для себя, заверил Идрис и стал у широкого окна, за которым распахнулось пространство со «Стеной Плача».

– Я дойду до конца! – он вlepил ладонями в толстое стекло. – Я узнаю их тайну! И я сотру с лица Земли память о них! – он вдруг подошел к компьютеру, быстро и зло напечатал:

«Я сотру память о них!» – и, словно захваченный этой злобой, напечатал еще раз: «Я сотру память о них!!!» – он поставил третий восклицательный знак, отошел было полюбоваться со стороны, но вдруг его надпись исчезла, компьютер тут же перешел на автономный режим, чьи-то невидимые пальцы забегали по клавиатуре, и на экране вспыхнула яркая пульсирующая надпись:

«ПАМЯТЬ!»

Она исчезла и через секунду возникла вновь, как некая экстренная команда:

«ПАМЯТЬ!»

Идрис с суеверным страхом отошел назад, но чьи-то невидимые пальцы вновь с огромной скоростью прошлись по клавишам, которые, словно заведенные, сами опускались и поднимались.

На экране возникло изображение недавней кровавой бойни у «Стены Плача».

Идрис метнулся к компьютеру, попытался стереть картинку, но компьютер не подчинился.

Идрис растерянно взглянул на Халифа, тот по-прежнему безучастно смотрел перед собой.

Идрис оцепенело впился глазами в отключенный компьютер, с которого не исчезали кадры резни.

Идрис суетливо затарабанил по клавишам, но оставалось, как и прежде:

«Ритуал!» – все те же страшные сцены у «Стены Плача», словно кто-то заснял их на камеру.

Идрис суетливо включил пульт связи, но тут же выключил.

Он, почувствовав дрожь в руках и коленях, потерянно опустился на стул. Лоб покрылся холодным потом.

– Водки!... – подрагивающими губами попросил он.

Халиф достал из бара нераспечатанную матовую бутылку, свернул крышку.

– В стакан... – бросил Идрис.

Протянутая мохнатая рука вампира вызвала ярость, едва справившись с собой, трясущимися пальцами Идрис взял стакан и с трудом выпил.

Автономно работавшая клавиатура вызывала безотчетный страх.

Вдруг, вскипев, Идрис схватил ее, занес над со-

бой, чтоб раскрошить о край стола, но в последнюю секунду, вывернувшись, он ударил углом доски по светящемуся экрану, экран осыпался мелкими кусками, но нутро монитора по-прежнему было ярко освещено, а изображение из плоского превратилось в объемное – словно живая копия пространства, где безбровые показывали миру свои красные кровавые руки.

Клавиатура выпала из рук Идриса и свисла со стола на толстом белом проводе.

Но клавиатура вдруг снова заработала. Под чьи-то невидимыми пальцами клавиши быстро поднимались и опускались, и нутро монитора наполнилось ожившими картинами резни.

Идрис оцепенело попятился к двери и вырвался в коридор. Он бежал по тусклым переходам бункера, и ему казалось, что удары сердца гулко отдаются по всему подземелью...

...Идрис вырвался из подвала, закрылся в доме.

Перед глазами стояло разбитое нутро монитора, в котором убивали и насиловали женщин фигурки в камуфляжной форме...

Идрис загнанным зверем закружил по комнате. Навалилась гнетущая тишина. Идрис включил телевизор, бросил свое тело в кресло.

Но снова резко поднялся, метнулся к холодильнику. Как многие ассимилированные мусульмане, он держал в доме спиртное.

Идрис плеснул полстакана и, давя дергавшееся горло, выцедил всю водку.

Вторая за день порция алкоголя быстро завладела сознанием, Идрис вернулся к своему креслу, хотел было сесть, но взгляд напоролся на висевшую на ковре саблю. Он вытянул ее из ножен, облокотив о кресло и сел.

...Очнулся он в полутемной комнате, освещенной лишь экраном работающего телевизора.

От непривычно большой дозы алкоголя раскалывалась голова. Застонав, он обхватил ее руками.

Мгновение-другое, скрючившись, он покачивался из стороны в сторону, точно пытался успокоить боль, но та цепкими тисками давила подбородок. И сквозь эту боль, еще больше травя сознание, была с экрана человеческая речь.

В какое-то мгновение Идрис на секунду замер, словно, забыв обо всем, вопросительными глазами уткнулся в телевизор. Шла новостная программа, в которой звучали слова «сенсация», «Израиль», «миражи»...

Было прямое включение из Иерусалима. Стена Плача...

Идрис потрясенно подался плечами вперед: то, что было на экране, повторяло кадры с его компьютера!

Идрис поднялся и, словно что-то переборов в себе, бросился из квартиры в подвал.

Он ворвался на «Пульт»: нутро монитора по-прежнему светилось, и в нем «действовали» маленькие живые фигуры. Идрис включил селекторную связь:

– Мне нужен большой экран.

– Включаю, Светлейший... – ответил женский голос.

Через пару мгновений занавеска на стене напротив отъехала и на открывшемся широком экране пошла сводка новостей. И это тоже было прямое включение Иерусалима – Стена Плача.

Идрис ошалело приподнялся, перевел взгляд на мониторкомпьютера, сновавзглянулнаэкраниеще раз бросил глазами на монитор: ошибки не было!

События, происходившие у настоящей Стены Плача, каким-то непостижимым образом были связаны с изображением на его компьютере: словно экран монитора служил матрицей, и все происходившее в Иерусалиме было копией того, что показывал сейчас монитор с разбитым и ожившим нутром.

Идрис стал смотреть новости на других каналах. Но все они вели прямые репортажи об этом! Весь мир казался всполошившимся, как перед какой-то глобальной катастрофой. Десятки делегаций ученых из многих стран мира летели в Израиль. Казалось, весь мир был прикован к Иерусалиму. Главным событием оставалась бойня у площади у Стены Плача. Реальной Стены Плача.

В считанные часы планета наполнилась всевозможными слухами:

«Наступает конец света!»

«Мессия посылает свой знак!»

«Бог начал мстить за невинно пролитую кровь своего народа!»

Телекомпании всего мира показывали одни и те же кадры: Гигантский фантом, возникший у Стены Плача. Площадь, прежде заполненная туристами, сейчас была пуста. Люди в страхе бежали с нее, а на самой площади развернулся гигантский фантом, который непостижимым образом копировал «ритуал» Идриса: на площади колыхалось фантастическое видение: безбровые мутанты в камуфляжной форме творили ужасную резню.

На призрачных почетных трибунах сидели призраки – почетные гости, и над всем пространством разносились их

озверелые призывы:

«Смерть Израилю!»

«Смерть евреям!»

Идрис ошалелыми глазами увидел свой призрак: вот он занес над головой прикованного к столбу профессора саблю и рассек его череп надвое.

Идрис лихорадочно перевел глаза на монитор: освещенное нутро показывало то же самое.

Суеверный страх и одновременно кураж смешались в его сознании: сработала какая-то незримая Сила!

«...Сатана?!» – мелькнула мысль. Он взволнованно поднялся, подошел к широкому окну и потрясенно замер: там, внизу у «Стены Плача», прикрывшись красным плащом, стоял Сатана....

Качнулся маятник, мигнув лукаво веком –
Не знать начал, предугадать конца.
И таинство ошибок человека –
Как утвержденье замысла Творца...

...Хаймалка подняла колокол, вошла в дом. Первое, на что она посмотрела, был сундук в дальнем углу.

Она открыла его, чтоб вернуть колокол на место, но тот зазвенел в ее поднявшейся руке и словно остановил ее. Подумав, она закрыла сундук, поправив на крышке светлую накидку, поставила на нее колокол. Медные литые бока его загорелись золотым светом. Хаймалка присела на корточки и всмотрелась в него. Колокол подставил ее искаженное отображение. Хаймалка поднялась, наткнулась глазами на подаренную стариком одежду.

Она сбросила с себя платье. Свет с окна, задохнувшись, пьяно обволок большие темные соски, ладно сбитые бедра девушки...

Хаймалка надела кожаную юбку, блузку, коричневые высокие сапожки, секунду подумав, повязала над бедрами кожаный пояс. Надела налобную повязку. Она помнила о запрете старца, но в эту секунду слова Ури казались какими-то забытыми, приглушенными, и ведь, наверное, уже завтра, с легкостью думалось ей, она покинет эту Долину.

Походив по дому, Хаймалка вернулась к брошенному на кровать своему платью, решила было переодеться снова, но, будто захваченная каким-то властным зовом, вышла на крыльцо.

Долина нежилась под невысоким осенним солнцем, лес вдалеке стоял багрово-желтой стеной.

Хаймалка долго смотрела вдаль, ожидая, что вот-вот, за лугами, появятся фигуры старика и ягуара. Но их не было.

Она легко сбежала с крыльца, приминая сапожками порыжелую траву, пошла к лесу.

И время от времени смотрела в ту сторону, где так и не был разожжен костер.

В прозрачных синих небесах, расправив крылья, парил орел. Круг за кругом он опускался ниже, и вдруг в какой-то момент, сложив крылья, резко сорвался вниз самой кромки леса.

Вынырнувший сбоку ветерок прижал подол юбки к стройной девичьей ноге.

В шаге от себя Хаймалка увидела пушистую головку одуванчика, нагнулась чтобы сорвать ее, но, увидев, как по тонкому молочно-зеленому стеблю поползла вверх крошечная, с игольное ушко, мошка, присела на корточки.

Хаймалка легко коснулась пальцем стебля, но мошка, нырнув под него, одолела эту неожиданную преграду и вновь появилась, но уже повыше пальца.

И вдруг что-то вспыхнуло в мозгу, и она, как никогда раньше, ощутила: мир есть!

Хаймалка невольно поднялась. В раздумье отвела волосы за спину: это крохотное существо, словно что-то запустило в ее сознании и она как будто впервые услышала это распирающее мозг слово-реальность!

Бог открывается в малом! И, может быть, для Него эта мошка ценнее, чем громадный по сравнению с ней человек.

А, может быть, Бог и Сам затаен в непостижимо мизерной точке?

И снова – словно толкнуло в сердце: Бог сотворяет мир от необъятного к непостижимо малому и тут же из этой невидимой точки ускользает к непостижимо безграничному!

Она закрыла глаза и увидела фиолетовый знак. Это была ивритская буква Алеф. Такая, как на повязке на лбу.

Волнение захватило Хаймалку.

Неожиданно для себя она развязала пояс, закрыла глаза, расслабленно бросила плечами вниз, и от затылка по всему телу заструились токи расслабляющей энергии. Она увидела границы пространства, которые быстро расширились, в одно мгновение распахнулись в БЕЗГРАНИЧНОЕ, и в нем маленьким светящимся мотыльком возник фиолетовый силуэт танцующей девушки.

Хамалка открыла глаза, взмахнула пояском и начала танец. Движения ее, то ломано медленные, переходя в быстрые и вихревые, снова нисходили к

ломано-фиксирующим, словно ее гибкое тело и руки рисовали невидимые магические знаки и заклинания. Поясок в руке то змеился, то резко рассекал воздух и брошенным окольцованным концом что-то выхватывал из невидимого пространства.

Казалось, из глубины тысячелетий была выкрадена молодая шаманка-евреянка, и сейчас она колдовала на осенней, захваченной ее танцем, поляне.

В какое-то мгновение в шагах десяти от себя Хаймалка подметила одинокий стебелек желтой ромашки, бросила в него концом пояска, тот, стремительно растянувшись, окольцевал стебелек, и в ту же секунду сорванный цветок оказался в ее руке.

Девушка на мгновенье замерла, словно только осознав, что сейчас, в этой неожиданной импровизации, она поняла танец Ури и смогла завершить его броском растянувшегося кожаного пояска.

Долгую минуту она ошеломленно смотрела на руки, в одной из которых был тонкий шнур, свернувшийся в длину пояска, и в другой – срезанная им ромашка.

Хаймалка невольно искала дорогу старца, но до самого горизонта растеклись безлюдные луга, и впереди, уже совсем рядом, густой темной стеной манил осенний таинственный лес. Она снова глянула на поясок, но, решив не опоясываться им, легко набросила на шею, и его оба конца тонкими змейкам и поверх блузки стеклись в ложбинку между грудей. Подумав, она завязала ремешок бантом.

Она прошла небольшую полянку, и взгляд уже мог проникать в густо заросшую лесную глубину.

Хаймалка легко вошла в лес, и лишь приглушенно, в какой-то глубине сознания, мелькнули отдаленные образы оставшегося позади домика старика, самого Ури, ягуара и разбросанного хво-

роста, так и не состоявшегося костра...

Земля, покрытая настилом истлевших листьев и мха, мягко пружинила под ладными сапожками.

Лес был нетронутым, густо заросший, Хаймалке то и дело приходилось отводить от лица гибкие упругие ветви. Одна из них, сорвавшись из-под ладони, тонким острым лезвием хлестнула по щеке.

Девушка приложила ладонь, и на ней остался след крови.

Легкий испуг клюнул в сердце. Хаймалка обернулась – лес за спиной сомкнулся и теперь уже со всех сторон окружал ее плотной, пристально следящей стеной.

Она шагнула было назад, но где-то рядом раздался пронзительный, как у щенка, визг. Хаймалка прислушалась.

В визг вмешивалось шуршанье листьев. Она осторожно раздвинула ветки и невольно замерла: в шагах пяти на нее уставилась огромная, похожая на собаку, росомаха. Но у нее были кошачьи пристальные глаза, длинноволосое бурое тело, пышный, как у лисы, но более короткий хвост.

Под когтистой сильной лапой зверя визжал и беспомощно дергался волчонок.

Росомаха угрожающе ощерилась. Хаймалка подобрала сухую ветку и запустила в нее. Та, кувыркнувшись, отпустила щенка, но снова попыталась добраться до волчонка.

Хаймалка сорвала свисающую тонкую ветку, стеганула по воздуху и шагнула на зверя. Тот отступил.

Где-то недалеко раздался волчий вой.

Росомаха насторожилась, вновь засвистевший длинный прут в руках девушки отпугнул ее, и она скрылась в чаще.

Хаймалка подхватила на руки потрепанного волчонка, приласкала и пошла к тому месту, откуда и увидела чудовищную «собаку».

Вновь, но уже где-то совсем близко, протянулся волчий вой.

Волчонок неожиданно вывернулся из рук Хаймалки, она успела среагировать, присела, и щенок выпал из ее ладоней у самой земли.

Оказавшись на свободе, он быстро затрусил на волчий вой. Хаймалка проследила, пока он не скрылся из вида, осмотрелась.

В сердце ударил страх: она потеряла направление. Хаймалка растерянно стала искать следы и вдруг недалеко от себя увидела зазмеившуюся по земле тропинку. Было похоже, что протоптала ее нога человека.

Хаймалка выбрала тропу.

Тропинка долго петляла меж деревьев и оборвалась так же неожиданно, как и появилась.

Девушка в раздумье остановилась и не заметила затаившееся за деревом чудовище: огромная двухголовая свинья, в метрах двадцати впереди, замерла за стволом лиственницы.

Хаймалка обернулась на убегавшую в глубь леса тропинку: нужно было или возвращаться, или искать другой путь.

Подраненную веткой щеку прожгла тонкая острая боль. Хаймалка приложилась к ней осторожными пальцами, и на них остались крапинки высохшей крови.

Захотелось пить. Она невольно поискала вокруг себя, словно могла найти родник или что-то еще, что могло бы утолить жажду, но кругом стоял один неприятный лес.

...Она не заметила, как впереди за деревьями

спряталась двухголовая свинья. Четырьмя огромными бивнями она уперлась в ствол лиственницы.

... Хаймалка подправила висевший на шее мешок, повернулась и пошла обратно по тропинке, как вдруг за спиной раздался сильный треск падающего дерева.

Она оглянулась. Огромное дерево обрушивалось на нее. Хаймалка едва успела вырваться из-под этого гулко падающего на нее облака. Широкая крона, цепляясь и обламывая ветви соседних деревьев, рухнула оземь у самого лица девушки.

По лесу покотился пугающий гул. Оказавшись в безопасности, Хаймалка, припала плечом к первому попавшемуся дереву, стараясь изо всех сил сдержать выпрыгивающее из груди сердце.

... Ури взглянул на небо: по-осеннему ленивое солнце уже не пыталось подняться до зенита, а обходило землю стороной.

Старик на несколько мгновений застыл, словно вслушивался во что-то, тревожно скользнувшее в душу.

... Хаймалка...

Ягуар, пригнув морду к земле, затаился у небольшой норы.

– Гром! – позвал старик. – Уходим!

Забросив за спину небольшой мешок, пошел по заливному девственному лугу. Рядом, сбивая мощными лапами желтеющие травы, затрусила властная кошка.

...Хаймалка все еще не верящими глазами смотре-

ла на огромную лиственницу, из-под которой ей чудом удалось вырваться.

Отчего-то захотелось потрогать ветви, коснуться руками рухнувшего дерева, пошла было к нему, но лишь вышла из своего убежища, оцепенела: двухголовая огромная свинья, с большими загнутыми бивнями и острыми клыками на нижней челюсти, в метрах десяти, уставилась на нее. Каждая голова имела по одному круглому глазу, и это придавало чудовищу еще более уродливый вид. Вместо передних копыт у чудовища были когтистые, как у Дьявола, жилистые руки.

Чудовище встало на задние копыта, оказавшись в полтора человеческих роста.

Свинья шагнула на Хаймалку, хрюкающим голосом заговорила:

– Ну что... – Ну что... – одна голова вторила другой, и это походило на какое-то мерзкое эхо. – Глупая самоуверенная девчонка... – Глупая самоуверенная девчонка... – Попалась?! – Попалась?! – две головы блаженно зашлись кверху, обе пасти распахнулись, обнажив красный толстый язык и желтые острые клыки.

Крючковатые когти взметнулись кверху. Хаймалка попятилась.

Чудовище стало находить на нее, вминая в землю трескающиеся под копытами сухие сучья.

– Ты уже никуда не уйдешь от меня! – Ты уже никуда не уйдешь от меня! – злорадно прохрюкали головы свиньи. – Я тебя сожру! – Я тебя сожру!

Хаймалка забежала за ветки упавшего дерева.

Свинья остановилась:

– Ты не знаешь силу Великой Хуры! – Ты не знаешь силу Великой Хуры! Я достану тебя из-под земли! – Я достану тебя из-под земли!.. Но лучше

договоримся! – Но лучше давай договоримся! – Ты отдашь мне свой ремешок, а я не трону тебя! А я не трону тебя!

В просвет между веток Хаймалка увидела зло пылающие, два циклопических глаза Хуры.

Хаймалка невольно взялась за висевший на шее поясок.

– Это не мой ремешок, и ты его не получишь! – крикнула она.

В то же мгновенье чудовище злобно забормотало и шагнуло в поваленную крону. Затрещали ломающиеся ветки и сучья.

Хаймалка бросилась бежать наугад.

Хура вырвалась из-за кроны и уже через минуту стала настигать девушку.

Хаймалка запетляла меж деревьев, но за спиной все слышнее слышалось сопение и злобное бормотание свиньи.

Когти Хуры нависли над ее головой, она попыталась сделать рывок, но, споткнувшись об опавшую сухую ветку, сорвалась лицом к земле. Перевернулась на спину.

Хура занесла над ее головой копыто, с размаху обрушила, Хаймалка успела перекатиться, но уперлась боком в дерево.

Свинья подхватила ее за поясок, и Хаймалка оказалась как пойманная в петлю.

Хура, блаженствуя, потащила ее к себе. Хаймалка пыталась перехватить ее жилистую руку, но с каждой секундой задыхалась больше, в лицо стал бить гнилой запах распахнувшихся двух пастей, но в последний момент, гаснувшим сознанием, Хаймалка вспомнила, что поясок завязан, дернула за один конец и выскользнула из петли на землю.

Чудовище оторопело.

Хаймалка успела броситься в сторону и, уже выпрямившись, снова побежала.

Она продралась сквозь ветви и вдруг увидела вставшую в стороне волчицу.

В какую-то секунду волчица превратилась в зрелую, похожую на испанку, женщину.

А с поляны донесся громкий голос. Хаймалка оглянулась. Чудовище с наслаждением вертело над двумя головами поясок:

– Наконец-то! Вещица проклятого старика! Наконец-то! Вещица проклятого старика! – гнусавым похрюкивающим голосом злорадно бормотала свинья, и одна голова вторила другой: – Эй, глупая девчонка! Я знаю, кто ты! – Я знаю кто, ты! – два циклопических глаза глянули в сторону Хаймалки. – Но теперь ты уже не станешь, кем могла бы стать! – Но теперь ты уже не станешь, кем могла бы стать! – Ибо ты глупа и отдала мне! – Ибо ты глупа и отдала мне! – вторила вторая голова. – То, что есть – ты! То, что есть – ты! – Ты моя рабыня! – Ты моя рабыня! – чудовище, поиграв над глазами пояском, скрылось в глубине зарослей, и только вновь прокатило по лесу торжествующее эхо: – Ра-бы-ня!

Хаймалка потерянно опустила голову и только теперь вдруг ясно услышала запрет Ури: не надевать пояска.

«Испанка» подошла к ней, сорвала с земли широкий, похожий на подорожник лист, поднесла к губам, зашептала какое-то заклинание и поманила открытой ладонью:

– Не бойся, я твой друг!

Хаймалка послушно подставила лицо. Женщина приложила лист к порезу на щеке, мягко прижала обеими ладонями, приблизилась тепло дохнувшими губами и быстро убрала руки.

Лист слетел к земле, незнакомка с едва заметной улыбкой посмотрела в замершие глаза девушки.

Хаймалка невольно прижала руку к лицу: щека была гладкой, без порезов и царапин. Ладонь так и замерла.

– Я женщина-волчица Джоли, – «испанка» словно что-то открыла ей. – Ты спасла моего детеныша.... – и она показала на волчонка, который шаловливо прыгал из стороны в сторону, словно ловил какого-то мотылька.

Девушка пожала плечами: мол, может, и так...

– Росомаха очень жестока и кровожадна... Я благодарна тебе.

Хаймалка, присев, поманила к себе щенка. Волчонок охотно бросился к ней. Девушка взяла его на руки, поднесла к лицу. Маленький красный язычок тут же стал лизать ей губы, щеки.

Джоли с улыбкой наблюдала за ними.

Ласково пожутив волчонка, Хаймалка опустила его на землю.

Женщина-волчица подала ей руку, и они снова стали друг против друга.

– Я знаю, ты потеряла поясок – подарок Хозяина Долины. Двухголовая свинья Хура стала на твоём пути. – Джоли мягко взяла ее плечо. – Хура свирепа и безжалостна! Она властительница Черного Ожидания...

– Я не знаю, что делать... – Хаймалка вдруг почувствовала, что полностью доверяет Джоли. – Как я буду смотреть в глаза старику!... Он столько сделал для меня! И он предупредил меня...

Женщина-волчица взяла ее руки в свои теплые ладони, заглянула в глаза:

– Великий учитель не знает злобы... Все образу-

ется... Дорога же твоя трудна! Твой путь лежит к Лестнице Ледяных Костей.

Джоли смолкла.

Хаймалка глянула на нее:

– Сестра моя, как я могу найти дорогу к ней?

– Я отведу тебя к старой лиственнице. От нее расходятся две дороги: одна – от которой начинается дорога к Горе, другая – по ней ты можешь вернуться в свой город. Там у тебя еще есть друзья, родные, остался твой дом...

– А Ури? – перебила ее Хаймалка.

Джоли пожала плечами:

– Как распорядится его Судьба... А сейчас пойдём... я проведу тебя к старой лиственнице...

... Ури с тревогой вошел в дом: никого.

Первым делом старец взглянул на картину Древа Струящейся Воды. Сияние его меркло и через минуту прежде светлая большая комната стала мрачной и неуютной.

Картина погасла.

Старик обессилено опустился на табурет. В ногах его тревожно заскулил ягуар.

А на сундуке лежал колокол...

...В местах, где деревья стояли плотно друг к другу, Джоли, раздвигая упругие ветви, выходила вперед Хаймалки.

Шаловливо бегал вокруг волчонок. Джоли взглянула на спутницу:

– Тебе предстоит непростая судьба, но тем ты

и будешь возвышена!.. Ты моя великая сестра! Я женщина-волчица, ты женщина-ягуар! И в нас обеих живет Первозданная Дикая Женщина. Слушай, что я тебе скажу... – она остановилась, на мгновение прикрыла большие веки: – В первозданных диких лесах живет великая наша сестра, мудрая женщина-волчица Эстес. Поистине велики слова ее:

«...Днем и ночью за нашей спиной таится тень Первозданной Дикой Женщины. Где бы мы ни ступали, эта тень крадется следом и – определенно – опирается на четыре лапы...

И именно первозданная Дикая Женщина в нужный момент приходит на помощь...

Если мир вокруг враждебен, жертва должна и обязана держаться, стоять до конца, цвести и творить вопреки тем, кто ее преследовал.

ЭТО И ЕСТЬ НАСТОЙЧИВОСТЬ, КОТОРАЯ ВОПРОТКИ ВСЕМУ ПРИНИМАЕТСЯ!

...Когда на Волков устраивают облаву, они не говорят, сколько можно?

Они прыгают, увертываются, притворяются мертвыми, вцепляются в глотку врагу, делают все, что бы уцелеть!...» – женщина-волчица глянула на Хаймалку. – Мне сейчас показалось, что эти слова были рождены именно для тебя, для преследуемой этим злобным миром еврейки. Ты должна выстоять! Но запомни еще! Самые злобные враги твоего народа – в твоём народе! – и она снова прикрыла глаза. – Я вижу символ паука! Пауки оплетают сердце твоего народа! Я вижу – они подписывают тайные бумаги с врагами твоего народа!

Пауки вооружают врагов, и убивают лучших воинов твоего народа! Святая Земля в опасности!.. – женщина-волчица пристально глянула на Хай-

малку. – Твой народ должен вытравить из своего сердца это паучье племя!..

– Что это за знак паука? – спросила Хаймалка. – И что это за племя?

Женщина – волчица бросила взгляд к ногам и как бы переступила через что-то хрупкое:

– это принесет тебе боль... Но ты должна знать этот символ – зловещий символ паучьего племени. Это два сведенных вместе серпа.

Память сбросила Хаймалку в ужас кровавой резни: будто снова она оказалась у жертвенного камня и снова Исайя занес над матерью серп и вонзил острие в ее грудь...

...Хаймалка сцепила зубы, и только с глаз сбежали две мокрые дорожки.

Вдруг она расчистила сапогом землю, подняла ветку и подала ее женщине-волчице.

Та двумя движениями начертила сведенные «спинами» два серпа.

– Я буду помнить! – Хаймалка порывисто шагнула...

...Широкий экран на стене «Пульта» весь день показывал новостные передачи. Идрис не выходил из комнаты, жадно следил за новостями.

Миражи, возникшие у Стены Плача, приковали к себе весь мир: подобно фантастическому вирусу, они стали возникать в разных точках планеты.

Действие миражей было устрашающим: те, кто попадал в его зону, превращались в звероподобных безумцев.

Возникло мнение, что, действительно, это мог быть вирус. Но если это было так, то это был или

«управляемый вирус», или имеющий собственное сознание. Казалось, прежде чем нанести удар, он тщательно выбирал своих жертв: объектом атаки становились юдофобские звероподобные демонстрации, группы погромщиков и террористов.

Но юдофобы, казалось, получили свой долгожданный час, на планете не затихала волна еврейских погромов.

«Евреи создали новое психотропное оружие!» – орала кровожадные толпы.

«Евреи хотят уничтожить мир!» – обезумевшие мутанты поджигали синагоги, оскверняли еврейские кладбища.

Обезумевшие толпы шествовали по разгромленным улицам и требовали только одного: еврейской крови!

Идрис посмотрел на стоявшего в дверях вампира:
– Журналиста сюда!..

...Через несколько минут бородач Хадис открыл двери «Пульта».

– Проходи, дорогой соплеменник! Садись!

Халиф прикрыл дверь и остался на своем неизменном месте охранника.

Журналист сел в углу на стуле.

– Смотри, писатель! – ухмыльнулся Идрис, глядя на экран, на котором шествовали озверелые юдофобские толпы.

Хадис молчаливо пригладил черную, с проседью, бороду.

– Что замолчал? – Идрис повернулся к нему на кресле.

– Я не знаю, что это!.. – глухо ответил Хадис и пристально глянул на Идриса:

– Но в любом случае этот мир уже не может существовать, как существовал еще недавно... Он бу-

дет или уничтожен, или повернется к Богу...

– А разве это не само Провидение посылает знаки: скоро весь мир и Святой Город склонят колени перед знаменами ислама! А, иудейская шестерка?!

– Я никогда не был и не буду ничьей шестеркой! А что касается Святой Земли, то она принадлежит только тем, кто и сделал ее Святой Землей!

– И кому же? – нарочито усмехнулся Идрис.

– Святая Земля принадлежит евреям. Они сделали ее святой... Только в их руках она расцветает! Евреев изгнали с их земли, и цветущая Палестина превратилась

в заброшенную выгоревшую пустыню! Теперь, когда евреи снова вернулись и Святая Земля из сожженной пустыни стала снова превращаться в цветущий сад, но вы, озлобленные и завистливые существа, вновь хотите изгнать евреев с их земли и вновь превратить эту землю в бесплодную пустыню!

– Вот смотрю на тебя и думаю... – Идрис нарочито-благодушно откинулся на кресле. – Откуда такая паскуда, как ты взялась среди арабов?!.. Ну, у евреев, это понятно... У них испокон веков рождались эти Исайи, Марксы, в общем, те, которые будто и рождались, чтобы предавать свой народ... – и тут он, словно войдя во вкус, бросил глаза в потолок, и с каким-то нутряным наслаждением, переиначивая пророка, заерничал: «...и козленок будет мычать как волчонок, и лев будет жрать солому, как овечка... и крокодил пососет...» – и нарочито вздохнул. – Но это евреи. Они всю жизнь были битые. А битые всегда в страхе... – и, уже с смакуя, ткнул:

– Когда шакал знает, что он шакал, ему хочется, чтоб и лев жрал солому!.. Но это – шакалы!..

Идрис сотворил насмехающуюся паузу и снова благодушно откинулся на спинку кресла:

– У тебя ведь не это должно быть в крови – «... и козленок... у слоненка...» !У тебя должно быть другое: то, что араб выпитывает в себя еще в материнской утробе! – он вдруг выпрямился, впился в журналиста пристальным взглядом и заговорил, будто расставлял каждое слово, как увесистый камень:

«...Сражайтесь с врагами вашими на войне за веру»... Коран! – и вдруг усмехнулся. – Да, я и забыл ты же не мусульманин!..

– Да, я не мусульманин. Но и ты хочешь все разрушить, прикрываясь исламом. Тебе нужен только трон! И ты готов ради этого разрушить и свой мусульманский мир! Но запомни: того, кто поднимал руку на евреев, неизбежно карала рука Творца! Но дело даже не в этом... И христиане, и мусульмане перед евреями в долгу.

– Мусульмане... в долгу?.. – вскипел Идрис. – Перед кем?!

– Перед теми, кто были первыми учителями Мухаммеда – перед евреями.

Идрис угрожающе поднялся, но в следующую секунду экран на стене невольно захватил обоих: «Новости» передавали репортаж с многотысячного шествия:

«Смерть Израилю!» – орали обезумевшие от злобы фанатики.

«Смерть евреям!» – исступленно распахнутые рты, безумно-пылающие глаза превращали эти животное дергающиеся массы в толпы каких-то новых человекоподобных мутантов.

В какое-то мгновение фантом кровавой бойни у «Стены Плача» завис над орущими толпами, мгно-

вение-другое, поколыхавшись над ними, в секунду стал громадным и бросился вниз, на вдруг оцепеневшие от страха тысячи голов.

Тысячи рук бросились в воздух, прикрываясь от налетевшего на них фантома. Толпы смешались.

Фантом кровавой резни прошелся по смешавшейся обезумевшей массе, в несколько мгновений превратив ее в скопище безумцев, которые стали пожирать друг друга.

Идрис с запылавшим сознанием глянул на журналиста. Тот сидел, бросив глаза к полу:

– Я тебе уже говорил, Бог будет мстить за евреев! – глухо проговорил бородач. – Если мусульманский мир не перестанет преследовать евреев, мусульманский мир падет!

– Мусульманский мир падет? – нарочито презрительно протянул Идрис. – Да ты совсем уже мозги растерял! Нас миллионы! Мусульман сотни и сотни миллионов!

– А что для Бога цифра?!.. Какая бы она великая ни была, для Творца она всего лишь цифра! – и тут же добавил. – И дело не в том, что юдофобский мир убивает евреев, уничтожает их храмы, оскверняет их могилы, а в том, что этот самый юдофобский мир мешает идти народу к Богу! А это и есть сатанизм – стать на пути идущего к Богу!

– Что ты сказал?! – взорвался Идрис. Вцепившись в борта его рубашки, рванул на себя и с яростью оттолкнул его на стоявшего в дверях вампира:

– В камеру его! В камеру эту мразь!

– Запомни! – крикнул Хадис. – **ЕВРОПА УНИЧТОЖИЛА ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ ЕВРЕЕВ И ВМЕСТО НИХ ПОЛУЧИЛА ШЕСТЬДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ МУСУЛЬМАН!** Запомни урод!..

Вампир, уже схватив бородача за волосы, выволок из комнаты.

Идрис бросился к столу, выключил экран, но вдруг, осознав, что тут же рядом, на столе, светится монитор с «живым изображением», схватил его со стола и с размаху бросил в широкое окно.

Монитор протаранил вдребезги осыпавшееся стекло и, оказавшись в пространстве «Ритуала», упал и скатился по бетонным ступенькам вниз.

Идрис, сломанный непреодолимым зовом, метнулся к окну:

монитор лежал на краю «площади», глядя вверх подсвеченным, шевелящимся нутром.

И вдруг ему показалось, что мозг стал затапливать чей-то гулкий голос:

– Если человек вдруг осознает, что он включен в Космическую игру, он перестает бояться смерти. Такой человек может быть или Великим или Опасным. Если в нем светлое начало – он может стать Богом, если темное, он превращается в Сатану!...

Идрис судорожно схватился за голову, и над всем пространством подземелья разнесся его истошный вопль...

... Этот вопль прорвался в сумрачные тоннели переходов, проник в многочисленные темницы и лаборатории.

Безбровые, которые еще недавно творили резню на площади у «Стены Плача», услышав в своей казарме пронзительный вопль, вскинули головы: точно пытались уловить какой-то зов...

...Лес впереди стал заметно редеть, и скоро Хай-малка с Джоли оказались на небольшой полянке,

в центре которой стояла старая величественная лиственница.

Волчонок, словно зная дорогу, бойко засеменял к ней. Женщины, глядя на него, рассмеялись.

Осеннее солнце зависло над самым лесом.

Уже издали Хаймалка невольно стала искать обещанные Джоли две дороги.

– Они так не видны... – женщина-волчица словно угадала мысли своей спутницы.

– Их может открыть только Солнце. И только в определенное время. Когда Солнце входит в Точку Тропы, тень от лиственницы покажет путь: если пойдешь по ее направлению, это твоя дорога домой. Если выберешь дорогу в противоположном направлении, это путь к Лестнице Ледяных Костей... Начало его тебе укажет Великий Павлин... Только это страшный путь, но лишь он может вернуть тебе силу старика. И должна быть отгадана загадка двухголовой Хуры.

Хаймалка, отбросив волосы за плечи, взглянула на нее.

– Пойдем... – пригласила Джоли. – Там под лиственницей бьет маленький ключ.

Родничок бил из-под треугольного плоского камня.

– Если ты выберешь путь домой, ты не должна пить из родника: тень лиственницы сама перенесет тебя в твой город. Но если ты выбрала дорогу к Лестнице, ты должна испить из этого ключа.

Хаймалка в раздумье коснулась шероховатой коры лиственницы.

– У тебя есть еще несколько секунд... – предупредила Джоли.

Хаймалка подошла к роднику, словно в последний раз, посмотрела на нее, опустилась на колени,

удобней устроилась...

– Решай! – воскликнула Джоли. – Солнце входит в Точку Тропы.

Хаймалка, оставаясь на коленях, увидела, как едва заметно дрогнул и, сдвинувшись, замер серебряный дымящий диск Солнца; тень от лиственницы отплыла в сторону и удлинилась.

Не раздумывая, она наклонилась к роднику, сделала глоток, и еще, и вдруг в ту же секунду поднялся сильный ветер, и над лесом взметнулось облако из потревоженного каркавшего воронья. Оно заметалось над поляной, темной тучей нырнуло вниз, растрепав верхушку лиственницы, снова возбужденно-кричащим вихрем закружило в небе.

Хаймалка вдруг почувствовала, как мощная энергия схватила ее тело, заставила развести руки, и стало мощным дыхание.

Осознавая это, она увидела, как из леса, в противоположной от нее и Джоли стороне, вырвалась звероподобная свора полулюдей-полузверей: – Убейте евреянку!

Мощное дыхание переполняло Хаймалку, она почувствовала, как стал дрожать отвисший подбородок, и негаснущим сознанием поняла: это когти страха.

Она отпустила подбородок и с каждой секундой чувствовала, как разжимает свои когти страх. Мощная энергия стала вырывать ее из тела, и, казалось через секунду вырвавшись из ребер, она взметнется к небесам. Вдруг чьи-то мощные лапы, вцепившись в ребра, стали удерживать ее. Но каждый миг она высвобождалась из этих цепких лап, и в какое-то мгновение ее выбросило из тела, и она увидела грозного Иеремию, и сознание затопил его густой мощный голос:

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет,

не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли египетской;

Тот завет мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь.

Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь; вложу закон мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его и буду им Богом, а они будут моим народом...

Поставь себе путевые знаки, поставь себе столбы, обрати твое сердце на дорогу, на путь, по которому ты шла; возвращайся, дева Израилева, возвращайся в сии города твои.

Долго ли тебе скитаться, отпадшая дочь? Ибо Господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа»

В это мгновение на нее сорвался с неба двухголовый орел, одна из голов которого была сатанински рогатой.

– Убейте еврейку! – орел раскрыл огромный клюв, но Хаймалка, вырвавшись из тела, превратилась в молодую самку ягуара и, угрожающе зарычав, встала на задние лапы. Двухголовое чудовище, ускользнув от ее ударивших сильных лап, взмыло вверх и запарило над подступавшей к Хаймалке своре полулудей-полузверей.

– Убейте еврейку! – кричали мутанты, полулюди-полузвери.

Мощная энергия вырвала Хаймалку из тела разъяренной кошки, и она начала свой священный танец – в своем воинском одеянии, и с налоб-

ной повязкой, на которой сиял ивритский знак «Алеф»!

На мгновение звероподобная свора оцепенела, но с новой злобой двинулась на нее:

– Убейте евреянку!

Но Хаймалка с новой силой зашла в колдовском танце, кружила и, видя надвигающуюся свору шакалоподобных, теперь знала, что в этом тысячелетнем крике озверевшего мира таился неодолимый страх этой нелюди перед ней – еврейкой! Страх перед Великой еврейской женщиной, познавшей и рождающей истинных пророков! Страх и жажда излиться в нее и воплотиться в мире своими сатанинскими историями.

Ей увиделись тысячелетние унижения еврейской женщины, погромы и изгнания, ее кричащее тело под шакалоподобной нелюдью, их жадные сатанински – орущие глаза:

«Я – расскажу! Я – расскажу!».

Но насилие не открыло ее души, лишь сделало ее выжженной пустыней: древнюю цветущую Палестину жаждущая крови шакаля свора превратила в бесплодное лоно.

«...Ибо Господь сотворит на Земле нечто новое: жена спасет мужа...»

И она увидела образ того единственного, кто сможет рассказать ей настоящую красивую историю, чье семя оживит ее иссушенное лоно.

И это был тот, кто знал истинную историю о Творце, мог говорить с ним, боготворил кровь человеческую, а не исходил в сатанинской жажде – купаться в крови человека!

Хаймалка оглянулась на Джоли. Женщина волчица начертала в ее сторону знак благословения.

Свора шакалов, уже приблизившись, окру-

жила танцующую девушку. Двухголовый орел снова ринулся на нее, но в это мгновение, словно рожденный Солнцем, Великий Павлин возник из прозрачных небес. Грозный крик Царственной Птицы угрожающе разнесся над испуганно – оцепеневшим зверьем. Великий Павлин подхватил Хаймалку и вместе с нею взмыл в небеса, оставив на земле злобно заоравшую свору, с бессильно заклокотавшим двухголово – сатанинским орлом.

Джоли, глянув вслед взлетевшей над миром Хаймалкой, превратилась в волчицу и вместе со своим детенышем скрылась в лесу...

...Великий Павлин, распластав огненные крылья, в своих сильных лапах нес Хаймалку над золоченым осенним лесом.

Восторг и мощная энергия переполняли все ее существо, и прозрачные небеса, наполняясь фиолетовым сиянием, сменялись на цвета розового сада.

Розовый сад перетек в сияющую алую комнату, и в ней возник неглубокий прямоугольный колодец.

Колодец был окружен золотыми перилами. Хаймалка заглянула в него и увидела сияющее дно, которое походило на сияющий огромный лист.

Вдруг, по обе стороны от Хаймалки, возникло два, похожих на дьявола, существа. Плотоядно улыбаясь, они твердили свои имена и заглядывали в дно колодца. И тогда она поняла, что эти дьяволоподобные хотят заронить в ее душу эти свои мерзкие имена, чтоб потом, через ее сердце, они воплотились в сияющем свете колодца.

Но Хаймалка знала, что в душе ее взойдет имя лишь того, кто знает голос Бога и кто строит Богу храмы на освященных камнях, а не на оскверненных чужих могилах...

...Великий Павлин мягко опустился на землю, и это был маленький оазис с тремя пальмами, маленькой речкой, за которой до самого горизонта раскинулась безжизненная пустыня.

В тени одного из деревьев Великий Павлин сложил крылья и превратился в человека.

Хаймалка стояла, разбросав руки по сторонам, глубоко дышала. Когда дыхание успокоилось, она увидела оазис и

сидевшего под пальмой незнакомца: мужчина лет сорока, привалившись к стволу спиной, забросив нога на ногу, беззаботно играл на дудочке.

– Привет тебе, Царица! – он на секунду оторвался от своего занятия.

– Я – не Царица!.. – она стала в шагах пяти от него. – Кто ты? – она с почтением посмотрела на незнакомца.

– Я? – незнакомец, весело перебрав пальцами, как заправский музыкант, вскинул дудочку кверху, что-то проиграл и глянул на Хаймалку:

– Я – Познавший Жажду... – и снова что-то наиграл.

Хаймалка сдержала смех: незнакомец или не умел играть или притворялся.

– А еще говоришь, что я не умею играть... Раз рассмеялась, значит умею...

– Я, вообще-то, ничего такого не говорила... – посопротивлялась она. – Да и не смеялась...

– Говорила... Все говорят... И все смеются... Хотя я и вправду не умею играть на этой славной «вещице»...

Это слово будто унесло Хаймалку в лес, и она

услышала злорадное похрюкивание двухголовой свиньи Хуры:

«Вещица проклятого старика! Наконец-то!»

-Ты потеряла поясок старца?.. – незнакомец словно читал ее мысли. – Вообще для древних евреев пояс означал очень многое, – он поднялся и приблизился к ней.

Хаймалке показалось, что глаза его проникли в самую глубину сердца.

– Древние евреи носили широкие одежды. И быть подпоясанным значило быть готовым к Пути. Если пояс был завязан слабо, значит, человек был бессилён. Если пояс завязан был туго, значит, ты тверд и дерзок, значит, ты одолеешь Путь. Но в поясе еще хранили деньги, разные послания и к поясу привешивали оружие. Потерять пояс означало потерять все. Но я верю – ты вернешь поясок Ури. И я верю – ты победишь двухголовую Хуру!

– Я хочу сделать это! – Хаймалка вспомнила о старце.

– Думай об Ури только хорошее! – он снова прочитал ее мысли.

– Мне кажется, что я уже вообще боюсь думать...

– Не бойся. Я уже вышел... – прежним тоном ответил он и показал на место в тени:

– Ну да ладно... Присаживайся, – и он сунул дудочку в руки Хаймалки. – Играй, если хочешь, а я тебе что-нибудь поесть соображу, – он исчез в спрятавшемся в кустах маленьком шалаше.

Хаймалка повертела дудкой, поднесла ее было к губам, но в последнюю секунду передумала: чего дурочкой выгладеть?!.. И пожала плечами: мол, что за причуда...

А незнакомец, уже вернувшись, расстелил перед ней полотенцеседой: хлеб, кусочек рыбы, помидор...

– это пока оставь... Ешь... – он взял из рук ее дудочку, его пальцы легко коснулись ее руки, и она невольно мельком глянула на него.

В долю секунды память оживила утро у реки, властный зов, заставивший ее сдавить груди, и смутно мелькнувший тогда образ мужчины. Память, все так же хозяйски, попыталась сравнить его с внешним обликом сидевшего рядом с ней хозяина этого оазиса.

Она стащила с головы налобную повязку, броском головы разметала волосы по спине.

Он налил из бурдюка полстакана воды.

Хаймалка с любопытством следила за ним.

– Скажи, а что значит Познавший Жажду? – спросила она.

Он подал ей стакан:

– Познавший Жажду – это Познавший Утоление...

Она хотела бы что-то спросить, но он перебил ее:

– Поешь, отдохни с часок... – он кивнул на шалаш. – Вечером поговорим... И ничего не бойся: я всегда рядом... – он пошел к речке.

Хаймалка долгое мгновение смотрела ему вслед и вдруг громко позвала:

– Познавший Жажду! Так все-таки как зовут тебя?

Он на секунду замер и, обернувшись, пристально посмотрел на нее:

– А как бы ты меня назвала?

Хаймалка поднялась, подошла к нему и заглянула в его глаза:

– Ты Джо! Джо, играющий на дудочке!

– «Джо, играющий на дудочке» – повторил он, словно попробовал на вкус свое новое имя.

И как бы согласился:

– Ничего... пойдет... Может быть, и похоже... А теперь иди поешь и отдохни.

Хаймалка повиновалась и направилась к пальме. Мягко захрустел под ее сапожками песок и мелкие камни.

Джо долго смотрел ей вслед.

...Осеннее солнце стороной обходило Долину Призванного, будто спешило миновать потускневший дом Ури.

Старик неподвижно сидел за столом, едва заметно поворачивая в руках стакан красного вина.

Ягуар лежал у двери, прикрыв лапой морду, казалось, дремал.

Ури глянул на картину Струящегося Дерева. Она была погасшей, словно пасмурное небо.

Старик перевел взгляд в окно: натекали сумерки.

Он сделал несколько медленных глотков и настороженно отодвинул стакан: ягуар, тревожно вскинув голову, во что-то старательно прислушивался.

И вправду, снаружи стали доноситься какие-то крики, а вот прозвучало несколько далеких выстрелов.

Старец снял со стены карабин. Ягуар уже стоял на крыльце.

Ури сбежал со ступенек, быстро перезарядил ружье: в метрах пятидесяти, за рекой, в его сторону приближался отряд всадников.

«Человек двадцать – двадцать пять...» – всмотревшись, прикинул старик.

Он поднял карабин наперевес и дал команду ягуару:

– Спокойно, Гром!

Кошка, пару раз ударив лапой о землю, выгнула гибкую спину.

Накручивая себя криками, всадники постреливали в воздух, и вот уже взорвав тихую гладь воды, переправились на берег Ури.

Фыркающие лошади выстроились в беспорядочную линию.

Безбровые.

Среди них выделялись несколько человек – бывшие обитатели подземелья: Исмаил и Махмуд, и высоколобый Мурло. На поясе у него висел серп. От старика до них было метров тридцать.

Всадник посредине, легко пришпорив коня, выступил вперед.

Его поджарый, коричневой масти, жеребец, учуяв дух готового к прыжку ягуара, заржав, поднялся на дыбы и едва не скинул хозяина.

Всадник, осадив коня, оглянулся назад и дал несколько команд.

Отряд, разделившись надвое, стал обходить старика с кошкой.

– Эй! Старик! Убери зверя! – крикнул вожак отряда. – Если что – распотрошим и тебя, и твою кошатину! – он угрожающе наставил ружье.

Один из всадников раскинул огромную сеть, которая свисла с крупа коня до земли.

Ягуар угрожающе залег.

Старик повел ружьем по окружавшим его всадникам.

Вдруг один из мутантов, вскинув ружье, выстрелил по кошке.

Ягуар, взбешенно заревев, в несколько прыжков достал до стрелявшего в него, мощным прыжком сорвал с коня.

Посыпались беспорядочные выстрелы.

– Стойте! – закричал старик, быстрым выстрелом сбросил одного из стрелявших в кошку, который тут же отшатнулся и, выронив карабин, схватился за раненое предплечье.

А над ягуаром зависла сеть, и он забился в ней, подминая под себя сбитого им, с разорванным горлом, всадника.

Несколько безбровых, оттащили в сторону уже туго стянувшуюся сеть – Гром, обтянутый ею, беспомощно бился о землю.

– Хорошенькая гурия досталась нашему хозяину! – один из мутантов насмешливо ткнул ботинком в хребет ягуара. Те, кто были поблизости, льстиво загоготали.

Ури стоял в окружении шести-семи безбровых. Главарь банды подал знак и несколько человек скрутили старца, завязав ему руки, столкнули его на колени перед главарем.

Тот ткнул плетью старцу в горло и вскинул его подбородок.

Ури отвел голову, но тут же стоявший над ним мутант схватил его за волосы и силой задрал ее.

Ури отстраненно посмотрел на главаря. Тот, не выдержав проникающего глаза старца, бешено зарорал:

– Я Абас!..

– Я вижу... – задранное кверху лицо старца усмехнулось.

Абас наотмашь стеганул плетью по лицу Ури:

– Ты у меня еще не то увидишь! Еврейский пес!
– и снова ткнул плетью в горло:

– Где девчонка?!

– Я не знаю...

– Все ты знаешь, собака! И все расскажешь! – он

бросил рукой к дверям дома, и двое безбровых тут же бросились к ним, осторожно вошли.

– Чисто! – через минуту высунулся один из них.

Главарь кивком приказал поднять с колен Ури и вошел за ним в дом.

Две небольшие группы остались снаружи: одна стояла над ягуаром, вторая гадала, что делать с трупом своего «собрата».

...Небо над оазисом походило на глубокий фиолетовый купол, стекаясь шатром к горизонту.

Может быть, поэтому, думалось Хаймалке, люди бескрайних степей и пустынь делают купола своих храмов похожими на эти небеса.

С реки потянуло вечерней прохладой.

Хаймалка не заметила, как над ней стал Джо.

– Ты можешь искупаться в речке, ополоснуть вещи... – он протянул ей легкое платье и полотенце.

Поднявшись, она взяла их и, молчаливо глянув на него, пошла к воде.

У самой речки обернулась: Джо сидел за пальмой спиной к ней.

Хаймалка сняла блузку. В ложбинке меж тугих грудей блеснула влажная дорожка. Прикрывшись, она оглянулась снова.

Джо по-прежнему сидел в тени дерева, едва заметно покачиваясь из стороны в сторону: будто в такт какой-то молитвенной мелодии.

Хаймалка разделась, отбросила волосы за спину. Оазис словно стал светлее от обнаженного молодого женского тела.

Она шагнула в воду. Дно было неглубоким, выложенным мелкой чистой галькой.

Она легла, и ее тело растаяло в приятной прохладной воде.

Фиолетовые небеса заструились нежной далекой мелодией флейты.

Влажной рукой Хаймалка провела по лицу, скользнула по налитым холмикам груди к темным большим соскам, вокруг которых легко волновалась вода.

...Раздался хруст подминаемого мужским шагом песка. В воду вошел Джо. Он на секунду стал над ней. Она выжидающе смотрела. Но вот он припал на колени, и она почувствовала, как гулко ударило сердце. Он захватил пригоршню воды и легкими каплями прошелся по всему ее телу.

Приподняв ее плечи, он потянулся к ней губами... Но в эту секунду его оттолкнул другой смутный мужской образ...

Хаймалка испуганно открыла глаза. Видение исчезло. Прикрыв грудь рукой, она приподнялась: Джо, все так же едва заметно покачиваясь, сидел под пальмой спиной к ней.

Хаймалка улыбнулась себе; улыбнулась, как будто простила себе какую-то маленькую, грешную и сладкую тайну, и, ребячливо перевернувшись, окунулась лицом в приятную ласкающую прохладу воды.

Выйдя из речки, она быстро вытерлась жестковатым полотенцем, надела светлое легкое платье, под которым вылепились шишечки сосков...

...Фиолетовое небо над оазисом темнело, едва заметные звезды заплясали далекими яркими огоньками.

Хаймалка и Джо сидели возле костра. Ночь таинственно окружала оазис, отблеск костра скользил по стволам затаившихся пальм, выхватывал из темноты причудливые голые ветви кустов.

Хаймалка сидела, прильнув подбородком к коленям.

Джо, в шагах двух, изредка подбрасывал в огонь сухие трескучие ветки.

– Познавший Жажду, ты обещал рассказать...
– свет костра вылепил из бархатной ночи красивое лицо евреянки.

Джо сидел, скрестив ноги, не отрываясь, следил за плясками огня.

– Космос пронизан Великой Жаждой, – он взглянул на Хаймалку. – Как путник, бредущий по бескрайним пескам, жаждет глотка живительной влаги, так Творящийся Мир и Человеческая Душа жаждут утоления.

– Джо, что такое душа?

– Как мужчина и женщина рожают ребенка, так же Тело и Дух рожают душу. Потому она – светла, когда тело и дух красивы, потому она – печальна, когда болезненно тело или немощен дух. Но она должна превосходить себя... Душа – это Путь Утоления...

– Ты нашел Утоление?

– **Завершенность и умиротворение!** – вот истинная цель всего.

– Но разве это не конец Пути – «завершенность»?

– Нет. Завершенность – это обретение Бога и Пребывание в Нем. Это – Умиротворение. Евреям это было обещано...

– Тора?..

– Да. Тора... Это Великая Сила... и Великая Тайна. Кто обручен с Торой, тот обручен с тайной!..

Хаймалка выпрямила спину, и это не ускользнуло от Джо.

– Я почувствовала этот зов! – она, казалось, за-таила дыхание. – Я поняла ЗОВ ТОРЫ!

Он с одобряющей улыбкой посмотрел на нее:

– Тыходишь в красивую Тайну...

– Послушай, Джо! Тысячелетиями у евреев хотели отобрать Тору. Те, кто обязан ей своим рождением – и христиане и мусульмане сжигали ее на тысячах костров, но всякий раз каким-то чудесным образом она снова оказывалась в руках евреев. Те же, взошедшие в ее лоне, оскверняли ее насилием, но всякий раз, сияющая и святая она снова оказывалась в руках евреев! Это непостижимо! – выдохнула Хаймалка. – Это нечеловеческое усилие, чтоб униженные, гонимые, растерзанные люди могли хранить такую преданность, казалось бы, простому – Свитку! Человек не в силах вынести это, если над ним нет Высшей Силы!

Джо, те, кто удерживал и проносил в своих разрубленных руках свою Тору, они знали, что удерживают не просто нечто, а великую тайну Божественного родства! Мир – это непостижимая тайна, а Тора – символ того, что Бог открывает эту тайну перед евреями!..понимаю евреев, танцующих с Торой, обрученных с Торой, обрученных с Божественной тайной! Бог открывается евреям! Я чувствую, что во мне сокрыта Его Речь! Я хочу говорить с Ним! Я хочу говорить с Богом! – она встала, словно ее подхватила какая-то мощная невидимая энергия. – Джо, я хочу танцевать с Торой! Сейчас! – с отблеском огня в глазах Хаймалки, казалось, сияла Его сила.

Джо с легкой улыбкой одобрения смотрел на нее, но как бы нарочито поддел:

– А разве Царица не имеет Торы?

Она быстро глянула на него:

– Имеет! Все мое существо – это Тора! Вся моя энергия – это Тора! Мой код ДНК – это Тора! Ибо Бог обещан мне через Великую Тору! – Хаймалка с куражом посмотрела на него:

– Мои руки не выпускали Священную Тору! – она на секунду замерла и начала танец.

Ее движения были то порывисты и быстры, пряди волос, выбивавшиеся из-под налобной повязки, рассыпались бархатными волнами, она походила на язычок пламени, вырвавшийся из костра, и в какие-то мгновения ее руки превращались в мольбу и отчаяние, и потом она снова становилась тонкой и властной волной энергии, освещенной непостижимым таинством огня.

Царица говорила о Торе, о еврейской душе, боготворившей ее и превосходившей во имя этой тайны ужас насилия и унижений, и огонь костра отсвечивал на повязке Хаймалки – в центре лба – Божественный знак «Алеф»...

... Безбровые с бывшими обитателями пещеры «осваивались» в доме Ури.

Первым делом все бросились к сундуку, но без разрешения главаря соваться в него никто не решился.

Ури, брошенный в дальний угол с завязанными за спиной руками, полулежал, припав плечом к стене. Его правое предплечье было перевязано, и на повязке выступило загустевшее пятно крови.

Абас вперевалку подошел к сундуку, оглянувшись на старца, небрежно подал знак одному из своих. Тот бросился к Ури, рывком поднял его и

толкнул в сторону главаря.

– Перед походом мой босс говорил мне о сундуке... Этот? – он как бы свысока смотрел на ставшего в стороне Ури.

– Твой босс видно все знает... – отстраненно ответил старец.

– этот или не этот?! – взорвался тот.

– этот... – В глазах его мелькнула усмешка.

Абас оглядел скучковавшееся за его спиной притихшее воинство, и его взгляд задержался на Мурло, на зайце на его лбу:

– Эй, еврейская собака! – и он брезгливо кивнул на сундук: давай, мол, пес, открывай.

Мурло услужливо приблизился, сунул руку под приоткрытую крышку и вытащил красный тряпичный сверток.

Бритоголовые одобрительно загудели.

Мурло, виновато улыбаясь, развернул свою «добычу», и ею оказалась красная майка, в которую был обернут серп – копия того, что сейчас висел у него на поясе.

Первые секунды, глядя, как Мурло растерянно вертит в руках свой, уже второй, серп, мутанты застыли в глуповато-улыбающихся масках, а потом вдруг раздался хохот.

– Доспехи шакала! – загоготал Абас и презрительно приказал: – Надевай, Сатана!

Мурло, угодливо посмеиваясь, суетливо влез в красную майку. Безбровые на мгновение суеверно притихли: на груди и спине, на красном цвете, выступили два зловещих символа – два черных паука из сросшихся «спинами» серпов.

В какое-то мгновение все посмотрели на старца.

– Говори! – крикнул на него Абас.

– Знак лжепророка... – прежним тоном ответил

Ури, безлично глянув на шутовски улыбавшегося Мурло.

Тот, вдруг заерничав, острием серпа снизу поддел пах старика:

– Обрезание не хочется? а, пес?! – и вдруг, сорвав с пояса второй серп, опасно зацепил им шею Ури:

– А вот так? а, собака?!

Загоготовавшие было наемники оцепенели.

Тупо застывшие улыбки.

Исайя медленно потянул серп к себе и оказался близко -лицом к лицу с Ури. Долгая секунда глаза в глаза.

Мурло вдруг плюнул в лицо старца, отвел от него свое «оружие».

– Моли Бога, что не я здесь хозяин! – злобно процедил он.

– Молить Бога придется тебе! – пообещал Ури.

– Иди! – Абас ткнул в грудь Исайте плеткой. – Получил свой халат, теперь иди!

Тут же один из наемников отбросил Исайю в сторону, тот опрокинулся на пол, едва не напоровшись на отлетевшие в стороны серпы. Мурло, заползав на четвереньках, как красный шакал, подобрал свое оружие.

Абас вновь прошелся взглядом по лицам окружившего его воинства и остановил глаза на Исмаиле.

Тот выжидающе замер. Главарь молчаливо кивнул ему, и он бросился к сундуку.

Исмаил выудил изумрудный кристалл. Все затаились.

Кристалл был похож на маленький, с острыми концами, пропеллер, легко умещался на открытой ладони. Круг в центре его сиял, точно круглый изумрудный экран.

Исмаил повернул его на ладони и ошарашено замер: экран кристалла показал танцевавшую у костра, девушку. Острие показывало – «Восток».

– Компас! – Выдохнул Исмаил. – Он показывает дорогу к той девчонке! – и тут же виновато, словно что-то украл, посмотрел на главаря. Тот небрежно сорвал с его руки изумруд, уложил на своей ладони, но изображения не было. Он стал осторожно поворачивать его, но компас «молчал».

Абас злобным глазом пальнул по Исмаилу и угрожающе ткнул компас Ури:

– Можешь?

– Я здесь бессилен... – ответил старик.

– Врешь, еврейская собака! – глаз его попал на камин. – Я сожгу тебя, как последнего пса!.. Здесь – в этой твоей печке! – он кивком подал знак зажечь огонь и толкнул старца к камину:

– А пока погрейся! – он деланно загоготал, и вслед за ним в лстивом хохоте зашлось его воинство...

Огонь легко схватил сухие ветви и уже через минуту затрещал у самого лица старца, полулежавшего близко от камина.

Абас подбросил на ладони компас, с усмешкой оглядел своих наемников, остановившись на Федоте, кивнул на сундук.

Тот открыл его и вытянул большой охотничий нож.

Сдержано, как бы побаиваясь главаря, бросил рукой кверху.

Абас пристально глянул на старца.

– Каждый берет всего лишь то, что он берет... – ответил тот.

...Абас обвел взглядом затаившееся воинство.

Все молчаливо ждали.

Он ткнул компас Исмаилу в руки:

– Будешь у меня проводником! – нарочито-великодушно расплескал и кивнул второму обитателю пещеры – Махмуду. Тот вальяжно подошел к сундуку, неторопливо открыл его, и в ту же секунду все увидели, как в ужасе исказилось его лицо и из распахнутого рта вырвался истошный крик: крышка сундука распахнулась, и из нее высунулась огромная с кроваво-красным языком пасть. Переполненная слизью, заглотнув руку Махмуда, она затянула его голову и стала перемалывать ее.

В какое-то мгновение сундук стал трескаться, обнажая зеленое туловище чудовища.

Мутанты оцепенели.

Боковые стенки сундука разлетелись по сторонам, освободив двухметровую жабу.

В ее пенящейся красной пасти исчезало раскромсанное человеческое туловище.

Обезумевшие от страха безбровые с истошными криками, стараясь опередить один другого, бросились к двери, отталкивая друг друга, запрудили выход орущей безумной свалкой.

Урисосвязанными за спиной руками, став на колени, поднялся. Жующая пасть повернулась на него.

Старик бросился к двери, у которой еще толпилось несколько человек.

Из пасти жабы свалилась перекушенная человеческая нога, и чудовище двинуло к двери.

В разбившееся окно влетел горящей факел, ударил о голову жабы. Ее шакаля пасть злобно оскалилась, и в два прыжка жаба достала было старца, но тот успел вырваться наружу и побежал вдоль стены дома.

Шакалоголовая жаба стала в проеме двери, увидев впереди рассыпающиеся по сторонам фигуры,

в несколько стремительных прыжков достала до одной и схватила ее клыками.

С разных сторон посыпались автоматные очереди.

Чудовище пополам перекусило пойманную жертву и взмыло в воздух...

Ури посмотрел в сторону реки, где должен был находиться пойманный в сети ягуар и, кажется, увидел что-то, изредка бьющееся на земле. Нужно было спасти кошку, но руки старца были по-прежнему связаны за спиной.

Старец выглянул из-за угла дома: мутанты, что-то лопоча и бранясь, собирались перед домом.

Ури перебежал к задней стене и снова осторожно выглянул: здесь никого. Старик переметнулся к небольшому сараю, в котором хранились все его инструменты.

Дверь можно было открыть, лишь дотянувшись до ручки связанными за спиной руками.

Одна попытка, другая, третья...

Наконец, дверь отошла, старец нащупал на верстаке нож, перерезал веревки.

Прижимаясь к стене дома, Ури вернулся на прежнее место, выглянул из-за угла: пять-шесть безбровых шли в сторону, где лежал ягуар.

Старик осел по стене на пятки, вонзив в землю нож, опустошенно свесил голову. Сбоку слышались осторожные шаги.

Старец повернул голову.

Из-за угла дома вытекло напряженное лицо Абаса и на секунду замерло.

Ури вдруг расхохотался.

И время, показалось, перешло в другое измерение.

Старцу подумалось, что он так и запомнит в этих набегающих сумерках выглянувшее из-за угла это

напряженное лицо Абаса, который, увидев его смех, окаменел еще больше.

В это развернувшееся бессмертное мгновение старец видел, как в оцепеневших глазах безбрового происходила какая-то, до невероятного, непосильная работа.

Ури, хохоча, поднялся, а это лицо все так же оцепенело выглядывало из-за угла. Абас не понимал ни смеха, не знал ни вопроса, и ни ответа.

Но вот Абас, кажется, выкарабкался из этой «комы» и воинственно вышагнул из-за угла:

– Здесь эта еврейская собака! – уже надменно крикнул он и, подождав, пока за ним появилось еще двое арабов, нарочито вразвалочку приблизился к старцу и прикладом автомата неожиданно ударил его в бок. От боли Ури пригнулся. Абас замахнулся было для нового удара, но вдруг раздалась автоматная очередь, и он замертво рухнул на землю.

Стрелявшим был подошедший Исмаил.

Он опустил автомат и оглянулся на собравшихся полукольцом безбровых:

– Само Провидение указало на то, чтобы во главе нашего отряда был поставлен я – Исмаил! – и он вскинул руку, в которой был зажат изумрудный компас. – И мы найдем эту еврейскую змею и выполним приказ нашего Светлейшего хозяина, нашего Великого имама – Идриса!

Одетое в камуфляжную форму воинство на мгновение затихло, но вот кто-то вскинул автомат, ударил короткой очередью по воздуху, и вслед за ней посыпалась беспорядочная стрельба, перемешанная со льстивыми возгласами: – Исмаил!.. Исмаил!..

... Долина Призванного уходила в пророческую

ночь: под желтым полумесяцем полыхал дом старца...

...Оазис в этой безжизненной пустыне казался центром мира.

Утреннее Солнце раскаленной колючкой зацепилось за край фиолетового неба и казалось никогда не успокоит своих острых, всепрожигающих лучей.

Джо и Хаймалка шли к речке. Он незаметно осмотрел ее: стройная воин-евреянка, с налобной повязкой, которая придавала ей еще более решительный вид. И вместе с тем она околдовывает, чарует глубинной нежностью и ожиданием любви, точно весенний воздух, наполненный теми невыразимыми соками, без которых невозможно таинство зова и слияния – зарождения новой жизни.

Джо протянул ей приготовленную на дорогу фляжку с водой, но рука так и зависла в воздухе: черные глаза Хаймалки замерли в какой-то дали.

Джо с улыбкой опустил руку, и она, заметив это, легко смутилась.

– Джо, извини, но мне показалось, я услышала какой-то... – она поискала подходящее слово. – Какой-то... новый голос... А, возможно, ощущение. «Человек может быть красивым!»... Но это совсем не то, что обычно говорят... – она выжидающе посмотрела.

– Я тебя слушаю, Хаймалка... – легко улыбался он.

– Это как будто бы зов, какое-то разрешение. Будто кто-то в моей душе разрешил мне войти в какую-то тайну. Это так здорово, Джо! Я никогда

еще так не чувствовала это: «Человек может быть красивым!» Это как будто: «Человек может быть Богом!» – и зачарованно выдохнула:

– Такая силища!

Джо с любовью рассмеялся:

– Это, правда, «силища»!.. Человек может многое! Очень многое! Но это возможно только с истинной любовью!

Это возможно только с истинным зовом души. Если душа позвала, значит, она разрешила, а, значит, она знает... Без души и маленький камень не сдвинешь, а с душой – пустыни в сады превращаются... Душа не позовет, Бог не откроется! ИБО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЕРДЦЕ СОКРЫТ ЗАПРЕТ НА ЗНАНИЕ БОГА! – и он, как бы над собой, усмехнулся. – Над этим каждый может посмеяться, но не каждому дано понять это ПРЕОДОЛЕНИЕ.

Она ответила быстрым взглядом, словно не решалась о чем-то спросить.

– Говори... – пришел он на помощь.

– Ты сказал, если душа не позовет, то ничего не возможно... – она вопросительно посмотрела.

– Да невозможно...

– Тогда – мир просто не хочет избавиться от своей ненависти к евреям. Мир всегда будет жаждать уничтожить Израиль. И все прекрасно знают, что вопрос не в территориях! Мусульманский мир в тысячу раз больше по территории, чем маленький Израиль. Чего им не хватает? Израиль – это единственная страна в мире, которая превращает пустыни в цветущие сады. – Хаймалка кивнула на пески вокруг оазиса. – Весь мир уничтожает леса, убивает реки и только единственный маленький Израиль, не имея рек, не имея воды, дает мертвым землям жизнь. Мир должен стоя приветствовать

эту мужественную страну, которая, окруженная такой ненавистью, имеет силу не проклинать, а благословлять жизнь!

– Это так, Хаймалка. И потому я с тобой.

– Джо, но ведь дело еще не в ненависти, а в том, что-что бы ни делал Израиль и евреи, как бы мы ни стремились к миру, тот же мир желает нам только одного – смерти! У Израиля нет другого выхода, как получить новую силу, новое оружие! И это – язык Бога! Бог явит новую тайну Своему Народу! Я верю в это, Джо! И я чувствую в себе эту тайну! Я догадываюсь, как познать язык Бога!

Они долгую минуту молчали.

Джо оглянулся на угли догоревшего в ночи костра и осторожно заглянул в глаза Хаймалки:

– Скажи, душа моя, а если бы вокруг тебя не было столько ненависти, ты искала бы Бога?

Она невольно рассмеялась, и смех ее был чистый и искренний:

– Великий старец Ури научил меня одной молитве... Я скажу ее тебе?... И пусть это будет, как молитва перед дорогой...

– Я понимаю...

– Да... – она свела на груди ладони, посмотрела на речку перед собой, взгляд ее, скользнув по тихим водам, утек в безмолвную даль песков и поднялся к глубоким фиолетовым небесам.

Джо принял позу Хаймалки и как бы молчаливо стал вторить ее словам...

Хаймалка расставляла слова распевно, но вместе с тем твердо, как в обращении равной к равному:

– О, Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая!

Непостижима Сила твоя! Ты явила Невырази-

мое, одарила нас Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарна и да будет неизбывна Сила Твоя!

О Великая Пустота!

Пусть будут омыты души наши Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть откроется мне сила Твоя, Господи, и пусть я смогу преодолеть мой Путь!

Пусть не покинет меня Твоя Любовь и Твое Великое Снисхождение и Благословение!

...Хаймалка сделала паузу и посмотрела на Джо:

– Я иду к Богу не потому что вокруг меня ненависть, а потому, что внутри меня – Любовь, – и, улыбнувшись, добавила:

– Мне интересен Бог! Я понимаю это: «...Таинство Возможного...»! Мне интересен Бог! – и, помолчав, продолжила:

– А что касается тех, кто ненавидит меня, кто днем и ночью жаждет только одного – моей смерти – смерти евреянки – то это просто не люди, это новые мутанты!

Джо улыбнулся

– Пусть ненавидят! – закуражилась Хаймалка. – Потому и ненавидят, что красива я, евреянка, а не те – переполненные злобой и ненавистью! Что Бог открывается мне, евреянке, а не тем – переполненным злобой и ненавистью! Разве может понять мутант, что только любящий видит Бога, а не видящий – слеп!

Они помолчали, и тогда Джо неторопливо расставил:

– **ЧЕЛОВЕК – ЭТО ОСТАВЛЕННЫЙ ЖИТЬ... ЛЮДИ – ЭТО ОСТАВЛЕННЫЕ ЖИТЬ...** И здесь открывается то, что люди отчаиваются найти –

СВОБОДА ВОЛИ. Только в этом Свобода Воли. И это Великий Дар Бога, – он мягко взял ее локоть. – Я верю – это тебе еще откроется, но прежде ты должна понять – Преодоление... А потому возьми это, – легко улыбнувшись, он протянул ей свирель.

Хаймалка вопросительно глянула.

Джо с любовью рассмеялся и как бы поддразнил:

– «...свобода воли... Дар Бога...», а тут какая-то дудочка. Так, да?..

Она пожала плечами, взяла свирель:

– Но я не умею играть... – она как будто еще чувствовала какой-то подвох.

– А тебе и не надо... То есть ты должна уметь играть на ней... не умея играть... Если это поймешь, то начнешь понимать Преодоление, и тогда начнешь постигать Язык Бога.

Она повертела свирель в руках.

– Не торопись... – он посмотрел ей в глаза, словно в чем-то был убежден. – Все придет...

Они стали у самой кромки реки.

Хаймалка нагнулась и зачерпнула в ладонь мягкую успокаивающую воду.

Поднялась.

Знала, что сейчас не решается посмотреть Джо в глаза.

Это был не страх.

Грусть расставания.

Расставание – это грусть недосказанного.

Но вот Джо протянул ей фляжку с водой, она вспомнила, как не взяла ее в первый раз, и они оба, глядя друг другу в глаза, рассмеялись.

Там есть кармашек для свирели, – он показал на ремешок фляжки.

Хаймалка вложила свирель в продолговатый ту-

гой кармашек, перебросила фляжку через плечо.

Они посмотрели друг другу в глаза.

– А теперь послушай внимательно! Ты должна одолеть сыпучий холм, одолеешь сыпучий холм, фиолетовый луч покажет тебе дорогу.

Хаймалка вдруг вспомнила об Ури, его величественной кошке, ту первую лунную ночь, когда, взлетая над рекой, она впервые после смерти матери рассмеялась...

Она посмотрела на Джо:

– Я не встану на обратный путь...

Она обняла Джо, глянув ему в глаза, посмотрела на раскинувшуюся за рекой бескрайнюю пустыню и вошла в чистую воду.

ЛЕСТНИЦА ЛЕДЯНЫХ КОСТЕЙ.

...Быть может – яд, ну, а быть может, росы...
Быть может – счастье, а быть может – Рок.
Жизнь сброшена на лезвие вопроса
И молчаливо выжидает Бог!

...Ночь на юге филистимлянской земли прохладна
и успокаивающе тиха.

Шатер Авраама, как и положено властному вожаку, разбит посреди огромного стана. Люди его сидят у своих костров: кто после тяжелого жаркого дня просто находится в полудреме, а кто – наигрывает на маленькой лире, и звучат в чуткой ночи негромкие грустные песни.

Густое низкое небо заселено тысячами звезд –

таких же бездомных кочевников, как и он сам, Авраам.

Да и весь мир, похоже, одна неуспокоенная кочующая душа:

куда-то, в поисках своих непостижимых пастбищ, стремится Великий Бог, и в поисках Его скитается по степям-пустыням уставший и отчаявшийся человек.

«Отчаявшийся...». Авраам сразу же попытался спрятаться от этого слова, подобно тому, как и сейчас он сидел поодаль от своего костра, словно желая уйти от взглядов своих усталых от скитаний людей.

Это, кажется, удалось, и в памяти всплыло имя – Мелхиседек.

Авраам боготворил этого Верховного Жреца Бога, посланного на землю с вестью о Едином Творце.

Мельхиседек, чтоб сохранить на земле истину о едином Боге, избрал его, Авраама, его семью. Еще в Ур Халдейский Верховный Жрец направил финикийского учителя Овида, чтобы тот поведал семье Фары учение о едином Творце.

И тогда Фара оставил свой дом, свое положение патриция и пошел в Ханаан. Свою роль в этом сыграли и притеснения могущественного вавилонского царя Хаммурапи, который стал навязывать покоренным народам веру в своего племенного бога Мардука...

Авраам, почувствовав на себе взгляд, оглянулся. Свет костра вылепил из темноты силуэт Сарры. Она пристально смотрела на него. Долгую минуту они входили глаза в глаза.

Авраам опустил голову. Чувствовал ли он перед ней вину?

Наверное, да. «В обиде моей ты виновен...» – ее слова в последнее время всплывали в памяти все чаще.

...Авраам не заметил, как из-за его шатра выглянула рогатая голова Дьявола, и черные, горящие угольки глаз Сатаны стали пристально следить за ним.

...Шелест шагов вывел Авраама из раздумий: над ним стал Исаак – единственный сын, надежда и неповторимая отцовская любовь.

Исаак протянул ему бокал, наполненный каким-то напитком. Вино. Авраам снова оглянулся на Сарру, и от него не ускользнула едва заметная улыбка, скользнувшая в ее глазах.

Она отвела глаза, успев заметить, как благодарностью засветились глазах патриарха.

Авраам принял из рук сына бокал, со скупой мужской благодарностью пожал запястье Исаака.

Но в последнюю секунду, глянув на сына, быстро отвел глаза.

Патриарх сделал глоток, снова бегло посмотрел на Исаака снизу вверх, поставил бокал на землю, тот опрокинулся, и вино черным пятном расплзлось по земле. Авраам порывисто поднялся.

– Отец... – виновато проговорил Исаак, но тот, бросив его, зашагал прочь от своего шатра.

Недавно происшедшая в его стане беда все больше стала топить его душу неотвязной страшной мыслью. И чем больше он, Авраам, старался сопротивляться ей, прятаться от нее, тем отчетливее она звучала в его душе, и патриарх снова попытался уйти от «раздвоенного сознания»...

... Дьявол черным незримым силуэтом вышел вперед патриарха и, укрывшись плащом, принял вид Мелхиседека.

Авраам, погруженный в свою боль, не заметил, как перед ним выросла освещенная огнями дальних костров внушительная фигура «Верховного Жреца Бога».

– Ты? – Авраам, оцепенело, сделал шаг назад.

– Я! – «Мелхиседек» слегка откинул голову.

– Ты вернулся? – Авраам, казалось, не мог поверить в столь быстрое возвращение на землю Небесного Князя.

– Я пришел, чтоб помочь тебе...

– Не достаточно ли твоей помощи?! – в ночи гневно загорелись глаза Авраама.

– Я понимаю тебя!

– Ты всегда «понимал» меня, и потому я до сих пор странник и скиталец на обещанной тобой земле! Где она эта твоя Земля Завета?! Где потомство, которое численностью, как звезды?! Я мог бы сам покорить эти земли и стать великим царем, у меня могло быть и богатство, и множество потомства, но всякий раз Твоя рука останавливала меня, и сейчас я бездомен, и мою душу топит отчаяние, а в моем стане – усталость и недовольство!..

– Ты не уверовал! – «Князь света» скрестил на груди большие сильные руки.

– Я не уверовал?!

– Я хочу сказать – ты не уверовал до конца! А это и есть неверие!

– Я предан был тебе всю свою жизнь! Тебе и твоему учению о Едином! Это учение вошло в мою кровь и плоть! Но я, как и раньше, одинок и несчастлив! И где тот великий народ, который ты обещал мне?! И где та обещанная земля?! – Авраам опустил голову.

– Это не мое учение, Великий! – и «Мелхиседек» вкрадчиво повторил. – Это не мое учение, Избран-

ный! Это учение Единого Бога, Творца всего! И ты это знаешь! И ты знаешь, что та миссия, которая возложена на тебя – тяжелая ноша, потому Бог избрал тебя. Единый Господь, тот, кто смог сотворить все эти непостижимые чудеса, весь этот необъятный мир, уверовал в тебя, а ты уже стенаешь от того, что днем позже получишь обещанную землю... Разве это достойно Избранного Великим Единым?!

«Верховный жрец», несмотря на то, что Авраам был и сам внушительного вида, казался на голову выше.

– С чем пришел ты? – патриарх глянул в горящие глаза «Мелхиседека».

Тот выждал паузу, выпрямился и медленно расставил:

– Настало время последнего искушения!

– Богом?..

– Да. Богом.

– Но разве может Бог... искушать?..

«Мелхиседек» вновь скрестил руки:

– Можешь называть это «проверкой». Проверкой принести в жертву самое ценное в твоей жизни?!

– Нет! – невольно вскрикнул Авраам, выставив руку перед лицом.

– Но откуда ты знаешь, о чем тебя хочет просить Единый?

Авраам опустил голову и покорно выронил:

– Говори...

И тогда в темноте мелькнула холодная усмешка «Мелхиседека»:

– Ты действительно достоин своего избранничества, Авраам! – и, сделав паузу, начал:

– «Бог сказал: возьми сына твоего единственно-

го, которого ты любишь, Исаака; и пойдя в землю Мориа, и там принеси его во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе»

Аврааму вспомнилось, как еще несколько минут назад, Исаак подал ему бокал с вином... добрую улыбку Сарры...»

– Нет!– Авраам пристально глянул на «Мелхиседека».

– Прощай! Но у тебя есть еще время! Ночь иногда бывает равна жизни! – «Князь Света» резко развернулся и через несколько мгновений растаял в темной пасти ночи.

... «Иди по направлению восхода солнца... И запомни, что бы ни случилось, ты не должна впускать в свою душу отчаяние. Верь!»...

...Бескрайняя раскаленная пустыня превратилась в этот сплошной гулкий голос Джо:

«Иди! Запомни! Верь!»

Сколько Хаймалка уже шла по этим слепящим пескам, сквозь это густое марево, она не знала.

И с каждым шагом усиливалась жажда.

Хаймалка отвинтила, было, крышку фляжки, но, взболтнув ее, вернула к бедру: воды в ней, скорее всего, оставалось меньше половины.

Она стащила с головы налобную повязку. Чуть потускневший знак «Алеф» испытывающе, как показалось, смотрел с нее.

Хаймалка оттерла лоб и, снова надев повязку, подправила на затылке волосы.

..Впереди появился песчаный хребет. В каких-то местах он был повыше, где-то пониже. Выбрав самый подходящий доступ, Хаймалка пошла на него.

Идти с каждым шагом становилось тяжелей, ноги увязали в песке, перед самым подъемом она вскинула голову к вершине, которая возвышалась над ней метров на двадцать.

Первый шаг подъема.

Подошва под тяжестью тела съехала вниз.

Хаймалка вновь, но уже с помощью рук стала взбираться на холм. Ей удавалось вползти на несколько метров вверх, но осыпавшийся песок сносил вниз.

Она пыталась остановиться хотя бы на какой-то отвоеванной высоте, вжималась грудью в сыпучее тело враждебного холма, рот и глаза забивал песок, накатывало отчаяние. Вместе с тем сквозь каждый удар отчаяния проникал голос Джо: «Верь!», и ей хотелось верить, что там, за этой испепеляющей горой, стоит только ее осилить, откроется какая-то даль, может, берег моря, и тогда она уже скоро придет к долгожданной цели.

Она пробовала вползти на холм змеей, снова соскальзывала на какое-то расстояние вниз, и снова, пытаясь как можно меньше тревожить сыпучий бок холма, медленно, сантиметр за сантиметром, бросок за броском руки, одолевала враждебный песок.

В какую-то секунду Хаймалка увидела, что до вершины осталось немного, и та будет покорена – злобная, но все же сраженная, за которой должен был открыться спасительный путь.

Но слепящее, пожигающее мозг марево растворило ее сознание, и она услышала слово «ЖАЖДА»!

И тогда, в одно мгновение Хаймалка поняла, что Космос и есть ЖАЖДА, и все устроено так, чтобы понять ЖАЖДУ! И она оказалась в Алой

комнате с карточным Тузом, восседающим на золотом троне. В стороне от трона пировали короли, совокуплялись валеты, гадали дамы, вальсировали десятки и кривлялись обнаженные шестерки.

Космос был заполнен каким-то странным ритуалом, где каждый жаждал быть великой фигурой, жаждал совокупления, чтоб рассказать какую-то свою самую важную историю, жаждал Трона и короны Туза. Но никто на самом деле не был ни великой фигурой, не знал ни истинного слияния и не имел ни Трона, и ни Короны, а вместо этого души всех были переполнены страхом и ложью.

И тогда Хаймалка осознала: **ЧЕЛОВЕК – ЕДИНСТВЕННОЕ В**

КОСМОСЕ СУЩЕСТВО, БОЯЩЕЕСЯ ПОТЕРЯТЬ ТРОН, ТРОН, КОТОРОГО У НЕГО НИКОГДА НЕ БЫЛО И НЕТ.

И НИ У КОГО, И НИКОГДА!

Но каждый, боясь потерять то, чем никогда не обладал, Жаждал убийства, Жаждал падения другого, завидовал и отчаивался. И призывал во имя этого Бога.

И тогда Хаймалка вновь увидела оазис и человека со свирелью...

... Человек – это Оставленный жить. Люди – это Оставленные жить. А Бога на Земле нет! Бог оставил Землю – человеку.

Бог оставил человеку право распорядиться этим миром, как пожелает. И это не Бог убивает, а человек. И это не Бог жаждет падения другого, а человек! И это не Бог ненавидит – а только человек. Человек Страха.

Нет Бога на этой земле! Творец где-то непостижимо впереди, в каких-то иных новых сотворя-

емых им пространствах. И может быть там с ним уже иной, измененный человек, перенесенный Им на те новые планеты и миры.

Нет Бога на этой Земле, но зато есть человек, который может привести Бога на Землю. Это и есть Свобода Выбора...

Но человек должен познать истинную Жажду! Жажду Бога, а не Сатаны, Жажду любви, а не ненависти. А жажда познается в пустыне, и истинное утоление возможно постичь только в пустыне. И только в пустыне открывается Бог!...

... И тогда Хаймалка увидела жертвенный камень, на котором лежал Исаак, и увидела нож, занесенный Авраамом над сыном.

И она поняла, что никогда не прекратятся страдания еврейского народа, и не поднимется новый Храм, и не окончится бесплодная пустыня, ибо жаждой еврейской души во все времена была непомерная Жажда собственного «Я»! Жажда трона, которого ни у кого и никогда не было и нет.

И больше всех к трону стремился Человек Страха. Ибо только Человеку Страха нужна власть. И чем больше он стремился к Трону, тем больше терял и власть, и силу.

Но трона нет! Ибо трон напуганного «Я» – бесплодный песок пустыни.

И разве долговечен Храм из песка.

И снова чьи-то сильные руки вбросили ее в Алую комнату, и она оказалась лежащей в центре – перед тронном красного Туза. Сильная жажда иссушала горло, а вокруг короли и дамы, валеты, и джокеры, наслаждаясь, пили из золотых бокалов. И угодливо согнувшиеся шестерки подносили новые напитки.

Множество рук, поддразнивая, подносили к ее

лицу бокалы, и стелился насмешливый шепот искривленных губ:

– Пей Царица, пей!

Но всякий раз, как только она протягивала руку, бокалы под мерзкое гоготанье ускользали от ее пальцев.

Комнату освещало множество висевших на стенах факелов.

Причудливые пляски света лепили из гоготавших королей – шутов, из дам-ведьм, из тузов – цокающих копытцами дьяволов, из джокеров – кривлявшихся шутов.

Хохоча, они насмешливо тыкали в ее сторону руками:

– Она хочет познать язык Всемогущего!

– Она хочет познать язык Бога!

Хаймалка, все еще полулежа на полу, обхватила голову, пытаясь заслониться от этих сатанински искривленных лиц и мерзкого хохота:

– Она хочет познать язык Творца!

И тогда в ее памяти всплыл знакомый добрый голос:

«В каждом сердце есть запрет на знание Бога!».

В ту же секунду ей подумалось о свирели.

Достав ее из кармашка, точно маститый музыкант, она запрокинула голову и заиграла.

Не ожидавшие этого оцепенели короли и дамы и застыл на троне туз.

Хаймалка знала, что она не умеет играть, но тем артистичней бегала пальцами и прижимала семь отверстий дудочки.

Она увидела себя со стороны, улыбнулась этой девчонке, которая дудела с видом заправского артиста, старательно наклоняла голову из стороны в сторону, самозабвенно вскидывала голову вверх,

и чем больше слышала свою неумелую игру, тем больше улыбалось ее лицо и тем больше ей нравилась эта неожиданная роль неунывающего озорного клоуна.

Алая комната покачнулась, задрезжали под потолком стекляшки люстр, заколыхались огни висевших на стенках факелов.

Туз на троне, ухватившись за ручки, вдруг истошно закричал:

– Отберите у проклятой девчонки свирель! Отберите свирель!

Шестерки, обнажив кривые сабли, двинулись в центр комнаты, где, уже встав с колена и выпрямившись, вела свою беззаботную игру Хаймалка.

Один из валетов, выхватив саблю, замахнулся, но девушка увернулась, и на глаза ей попались растревоженные огни факелов. Она сорвала со стены один из них и снова, вывернувшись от удара сабли, полоснула огнем по лицу напавшей шестерки.

Тот, истошно закричав, выронил меч, схватился за глаза.

Дьяволоподобный, подхватив выпавший меч, стал в смыкавшееся вокруг Хаймалки полукольцо.

Несколько шестерок одновременно замахнулись мечами, Хаймалка отразила один удар, увернулась от другого, метнувшись сквозь прорванный круг, сорвала со стены еще факел и вошла в свой стремительный танец огня.

Два факела молниеносными огнями бились внутри все больше размыкавшегося круга, и по полу ползали вопящие ослепленные короли и валеты. Колдовские дамы бросились из комнаты, шестерки, побросав сабли, прятались за опустевшим тронном туза.

И тогда Хаймалка метнула в трон пылающий факел. Трон в мгновение вспыхнул, превратившись в раскаленный палящий диск.

... Хаймалка поняла, что она уже осилила песчаный холм, оставалось только взойти на вершину, а раскаленный диск – это дымящее белое солнце.

И нестерпимо мучила жажда. Она взялась было за фляжку, но, побоявшись от какого-нибудь неудачного движения скатиться снова вниз, решила подождать до вершины и только легко прошла по кармашку, из которого высунулся конец свирели.

Она вспомнила свою игру в алой комнате и в ту же минуту почувствовала, как дрогнуло песчаное туловище хребта.

Она бросила рукой вперед, чтоб выползти наверх, и этим последним броском ухватилась за какой-то спрятанный в песках «ствол».

Хаймалка рывком бросила свое тело на вершину и оказалась на небольшом, шириною в метров десять, плато.

Привстав на колени, оцепенела: вырастая из плато, «ствол» превращался в огромную руку, вместе с которой вырастала из песка исполинская, похожая на столетнее корневище, мохнатая голова: будто и вправду могучее вековое дерево оживало из песчаного холма.

Им оказался одноглазый великан. Бешено заревев, сотрясая над головой огромными руками, он стал на исполинские мохнатые колени и, вдруг увидев припавшую на спину девчонку, медленно повел на нее разлохмаченной великанской головой.

Единственный глаз исполина напряженно надвигался на отползавшую по песку девушку.

«...Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения, и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог...»

...Великан долгую секунду всматривался в затихшую, как мотылек, Хаймалку и вдруг серьезным тоном спросил:

– Боишься?

Хаймалка едва кивнула.

– «Алеф?» – о знаке на головной повязке спросил он.

Хаймалка снова кивнула.

– Тогда не бойся... – пообещал исполин и, сев на холме, тяжело вздохнул: – Жизнь...

– Кто ты? – спросила Хаймалка.

– Я Добрый Одноглазый... Или Одноглазый Добрый... Как тебе удобней... Мне лично Добрый Одноглазый нравится больше... – он покосился на девушку большим выжидающим глазом.

– Главное – Добрый... – осмелела Хаймалка.

– Это да-а... – согласился великан и доверительно признался:

– Хотя некоторые посмеиваются: «Добрый, но... Одноглазый... Или – «Одноглазый, но... Добрый»...

– Не обращай внимания... – Хамалка отвинтила крышку фляжки. – Хочешь? – она протянула ее вверх исполину.

– Что это?

– Вода...

– Да там тебе самой мало... Что я не понимаю, что ли... А потом, я много не пью...

– Ну, смотри... – помедлила Хаймалка и сделала глоток. – Извини, Добрый... Одноглазый, я, кажется, тебе помешала...

– Да ничего... – он почесал в огромной волосатой груди здоровенными пальцами. – Не это страшно...

– А что, если не секрет?..

– Мучаюсь я... Страдаю...

– Что-нибудь болит?

– Болит... Душа болит... Понимаешь... – он посмотрел на нее и попросил. – Можно я тебя на руку возьму... Так добрее...

– Ну, попробуй... – она поднялась.

Великан устроил ее на краю ладони, и она села, свесив ноги, как на большой кровати.

– Ну вот... – он поднес ее поближе к глазу. – Хочешь я продолжу... про свои мучения?

– Конечно...

– Вот я прожил уже пятнадцать лет, а ничего надежного так и не встретил... Так все безнадежно-ненадежно в этом мире... И это так печально... Сколько я путей-дорог исходил, в каких только пространствах не был, а надежного так нигде и не нашел... Вот и досюда добрался, и все ненадежно, как это... – он захватил огромную жменю песка и стал просыпать ее:

– Время – песок, жизнь – песок, любовь – песок... Все-песок... Ну вот думаю, и урою себя в этом самом ненадежном... А оказывается – и самое ненадежное ненадежно... – да грустно вздохнул:

– А как хочется верить, что Бог – есть... Тебе хочется верить, что Бог есть?..

– Конечно...

– Извини, а ты мудрец? – поинтересовался Добрый Одноглазый.

– Нет... Я изучала химию, биологию... еще психологию.

– А я мудрец... – понимающе-уважительно заметил великан: – Хотя, если подумать, быть мудрецом – это тяжелая судьба! Сидишь – ищешь надежное, спишь – ищешь надежное, а в итоге до таких мыслей добираешься... Даже врагу не пожелаю быть мудрецом... Видишь до чего дошел... – но тут же его большой глаз мечтательно замер. – Но опять-таки, с другой стороны, быть мудрецом даже занятно. Мне такие важные вещи в голову приходят!.. Вот посмотри. **ВО МНЕ ЖИВЕТ КТО-ТО, КОГО Я НЕ ЗНАЮ, НО КОТОРЫЙ ЗНАЕТ, ЧТО Я ЕГО НЕ ЗНАЮ И ЗНАЕТ ВСЕ ЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ, НО ХОЧУ УЗНАТЬ! А?!**

– Здорово! – Хаймалка поскребла в виске.

– Да... – понимающе согласился Добрый Одноглазый. – Но это только первая часть моего открытия. А вторая звучит так:

ВСЕ ЕСТЬ ВСЕГДА! – и он философски покивал.

– Ин-те-ресно... – искренне расставила Хаймалка.

– И, согласишься, просто?.. Впрочем, как и все гениальное...

– Ты и вправду чудо! – искренне восхитилась Хаймалка.

– Мне так многие говорят... – и как будто спохватился:

– А это не ты случайно играла на чем-то...

Она приложила руку к торчавшей из кармашка свирели:

– Кажется, я...

– Вот, значит, кто меня из этого песка выта-

щил... Тогда, если поразмышлять, ты моя спасительница... И тогда выходит... – и грустно посмотрел в сторону. – Но лучше бы не играла на своей свирели... Ведь так хочется верить, что Бог есть...

– В каждом сердце есть запрет на знание Бога. Это – есть Дьявол. Но и каждое сердце может преодолеть этот запрет.

– Легко сказать... – протянул Добрый Одноглазый.

– Я понимаю... Но вот попробуй – поиграй, и ты поймешь... – Хаймалка протянула ему дудочку.

– Никогда бы не мог подумать, что ты можешь издеваться... А я так тебе поверил... – он опустил ее на песок. – Что ж поделаешь – мудреца так легко обмануть... Особенно если он добрый и отчаянный...

– Ну что ты, Добрый Одноглазый, я и не собиралась тебя обманывать... Я сама сначала не верила... А потом сыграла и поняла: если ты не сыграешь на дудочке, на которой не умеешь играть, значит, не сможешь снять запрет на знание Бога. Поиграй и... ты поймешь. Я верю... Ну, ты же отчаянный! Но только играй, как будто ты умеешь играть...

Великан призадумался, уперся локтем о колено и махнул рукой: мол, где наша не пропадала...

Он осторожно поднес свирель к губам, которая оказалась, как маленькая соломинка, и скосился вниз, на Хаймалку.

– Смотри! – вдруг нашлась та. Изображая пальцами игру на свирели, «задудела» первые попавшиеся на ум звуки.

Играла, беззаботно кивая головой из стороны в сторону, как маленькая девчонка прыгала с ноги на ногу.

Добрый Одноглазый заулыбался:

– Ладно... Но только я лучше с холма слезу... – Он стал у подножия этой песчаной высоты и стал вторить движениям Хаймалки: дудел в свирель, покачивал огромной лохматой головой и смешно переступал с лапы на лапу.

Через минуту его лицо заулыбалось, он стал кружить и «играть» и вдруг ошеломленно остановился. Какую-то секунду он стоял, не шелохнувшись, но вот победно бросил руками кверху, и над все пустыней разнесся его громовой голос:

– Понял! Я понял, как снять запрет на знание Бога. Я – Добрый Одноглазый, я – отчаянный мудрец, я – понял!.. – и он снова запрыгал, как огромный клоун.

Повеселившись, он снова сел на холме, отдышался. И потом на долгую минуту его глаз замер на дальней точке горизонта.

– Знаешь... – он вдруг посмотрел на Хаймалку.

Она с улыбкой, подняв голову, смотрела на него.

Добрый Одноглазый философски поднял руку и расставил:

– В отчаянии рождается вера, как в отчаянии затаена любовь! А? – мол, каков я! – он посмотрел на Хаймалку.

– Потрясающе!

Но великан наставительно поднял палец:

– Хотя дудочка и не об этом! – и посмотрел на Хаймалку:

– Слышь, душа моя, проси, что хочешь: что достать, куда отнести – приказывай.

– Спасибо, Добрый Одноглазый. Мне бы только эту пустыню одолеть... – и она вздохнула.

– Чего загрустила? На! – и он протянул ей свирель.

Они посмотрели друга на друга и рассмеялись.
– Да нет... – посмеиваясь, ответила Хаймалка.
– Свирель я дарю тебе... Просто... – и тогда далеко
впереди появился фиолетовый луч.

«...Одолеешь сыпучий холм, фиолетовый луч
покажет тебе Дорогу...» – вспомнились ей слова
Джо, и она неожиданно крикнула:

– Вон! Отчаянный Мудрец! Вон за тем лучом!
Нужно идти за тем лучом!

– Проще простого! – он осторожно взял Хаймалку
на ладонь, прижал к груди и уже через секунду
великанскими прыжками стал пересекать пустыню.

И впереди светил яркий фиолетовый луч.

... В этих краях пустыня больше походила на
степь: непригодная для возделывания, она могла
сойти за скудные пастбища, которые уходили к го-
ризонту хребтами невысоких коричневых гор.

...Авраам, перебирая своим высоким посохом
Вождя, шел впереди двух слуг и Исаака.

Трое парней казались одного возраста, един-
ственное, что выделяло слуг от сына патриарха –
их пастушеская одежда.

Рядом с ними, понуро опустив морду, брел осел,
груженный дровами, бурдюком с водой.

Путники казались утомленными, но эта уста-
лость была больше от неизвестности и угрюмого
молчания седобородого старца: никто из юношей
не знал, где и когда будет устроен жертвенник, и
еще большей странностью казалось, что старый
вождь не взял с собой жертвы всеожжения.

Но кто мог осмелиться нарушить молчаливое

шествие патриарха, и кому дано право врыватья в душу властного пророка.

Слуги изредка с надеждой поглядывали на Исаака: может быть, он осмелится узнать хотя бы какую-то малость, но тот шел покорно и, кажется, думать не думал подступаться к отцу с какими-то нелепыми вопросами.

И только к утру третьего дня один из слуг вдруг встревожено бросил рукой вперед: издалека, со стороны невысокой горы, на путников быстро надвигалось нечто похожее на косматое облако пыли.

Авраам остановился, опустив голову, искоса глянул на сына и молитвенно поднял глаза к горизонту.

Исаак, вдруг увидев, как впереди надвигающегося облака возник фиолетовый луч, изумленно застыл. В следующую секунду луч ударил в посох старца, и показалось, что в руке патриарха засияла короткая стремительная молния, которая, вырвавшись из его руки, упала на землю и с металлическим звоном подпрыгнула на камнях.

Путники, которые, казалось, уже готовы были бежать, лишь оцепенело застыли: в несколько мгновений далекое облако остановилось недалеко впереди, оказавшись мохнатым одноглазым великаном.

Трое юношей, отпрянув, завалились на землю. Авраам, глянув на припавшего на руку сына, с каким-то злым весельем вскинул глаза на исполина.

Тот, по-прежнему бережливо прижимая руку к груди, поднял с земли посох Вождя, и тогда все увидели, что на ладони великана сидела девушка.

Добрый Одноглазый показал ей посох, и над пустыней растекся его гулкий голос:

— Царица моя, а фиолетовый луч исчез в этой штуковине.

Хаймалка покрутила ее в руке и подняла глаза к огромной мохнатой голове исполина:

– Добрый Одноглазый, мы кажется у цели... Могу я спуститься?..

– Запросто... – великан осторожно опустил ее на землю и сам припал на колени.

Хаймалка стала напротив патриарха, с любопытством посмотрела на него.

Трое парней, все еще полулежа, со страхом переводили глаза с мохнатого, на коленях, великана, на девушку и старца, которые долгую минуту смотрели глаза в глаза.

– Ты – Авраам... – полувопросом расставила Хаймалка и протянула ему посох Вождя.

Тот резко взял его, бросил быстрым взглядом на великана и, не оглянувшись на Исаака и двоих слуг, продолжил путь.

– Какой-то не такой... – вслед ему проворчал Добрый Одноглазый и тут же следом недовольно бросил:

– Эй, «какой то не такой», а где твое человеческое спасибо? Тебе твой посох подали, а ты что?

Но старец, видно, не думал не только благодарить, но даже и оборачиваться.

Великан поскреб в затылке.

Трое парней, словно сговорившись, разом поднялись.

Хаймалка, словно узнав, пристально глянула на Исаака. Тот бросил в нее коротким избегающим взглядом и шагнул вслед Аврааму.

Мимо Хаймалки проходил, свесив голову.

– Смотри, не споткнись! – насмешливо окатила она парня.

Он на мгновение остановился, и тогда снова встретились их взгляды.

Небеса легко улыбнулись.

Исаак быстро зашагал за патриархом, и два па-
штушка пристроились вслед.

Добрый Одноглазый свесил голову и грустно
вздыхнул:

– Где ж ты его найдешь – это... НАДЕЖНОЕ?
– но, словно что-то вспомнив, вытащил из-за уха
дудочку и, так же оставаясь на коленях, задудел,
как огромный мохнатый клоун.

И заулыбался.

Хаймалка рассмеялась.

– Ну вот... кажется... обошлось... – он сунул
свирель за ухо.

Они помолчали.

Хаймалка посмотрела вслед уже далеко ото-
шедшим путникам и невольно развела руками:

– Мне... пора... Спасибо тебе, Добрый мой друг!

– Ну что ты!.. Это тебе спасибо!

Снова помолчали.

– А они тебя не обидят? – он кивнул вслед Авра-
аму.

– Нет, конечно! У меня ведь теперь такая сили-
ща! – она легко кивнула на него.

Тот счастливо улыбнулся и следом как бы преду-
предил:

– Но ты смотри: если что, то я всегда с тобой!
Только кликни:

«О, Великая Мудрая Доброта, помоги!» – и я –
тут как тут!.. По рукам? – и протянул ей свою ла-
пищу.

– По рукам! – куражась, она хлопнула по краю
громадной ладони.

Добрый Одноглазый бережливо накрыл ее руку
второй ладонью, которая показалась в его ручище
крошечной хрупкой тростинкой.

– Ну, вот... – он отпустил ее и, помолчав, вдруг спросил:

– А люди стихи пишут?

– Пишут...

– А мне почему-то казалось, что не пишут...

– Ты пишешь стихи?.. – она приятно удивилась.

– Пока еще – нет... – как бы с сожалением ответил он. – Добрые Одноглазые пишут стихи в основном после восемнадцати.... У нас это – так...

– А у нас наоборот... В основном – до восемнадцати...

– А у людей – все наоборот... – как бы шутя, бросил он, но тут же и спохватился:

– Нет... Я вообще-то к людям плохо не отношусь... Пускай себе пишут... Главное, чтоб стихи хорошие были...

– Прочитаешь что-нибудь?.. – вдруг спросила Хаймалка.

– Я?

– Да...

Он с долгую минуту в раздумье смотрел на нее и согласился:

– Хорошо... Тебе я почитаю... Мой дед – Добрый Одноглазый хорошие стихи писал. Он тоже, как я, мудрецом был. Правда, не любил новых встреч. Потому что – разлуки... – он опустил голову, помолчал и посмотрел на Хаймалку большим грустным глазом, и над пустыней растекся его медленный гулкий голос:

Как будто все для расставанья...
В сплетенье жадном тел и рук
И стоне жадного слианья-
Зов и Пророчество Разлук...

– Класс! – выдохнула Хаймалка.

– Да... – коротко согласился великан, вдруг то-ропливо встал и сверху вниз глянул на нее:

– Не забывай Доброго Одноглазого! – громы-нул его голос.

– Ты душа моя! Ты моя сила! Как же я смогу забыть тебя?! Спасибо тебе за все!

– Да пустяки... Их догонишь? – он кивнул вслед таявшим силуэтам путников.

– Догоню!

– Прощай, моя царица! – он быстро зашагал прочь, и через какое-то время вдруг бросил к небесам огромной, ручищей и над всем безжизненным пространством пустыни снова растеклось эхо его густого голоса:

Как будто все для расставанья...
В сплетенье жадном тел и рук...
И в стоне страстного слиянья-
Зов и Пророчество Разлук..

... Вооруженный конный отряд, всадников двадцать пять, неторопливо двигался по пустыне.

Безбровые.

Впереди, мили за три, открывался вид невысокой коричневой горы.

Главарь-Исмаил вскинул руку, и всадники осадили коней. Долгую минуту всматривались вперед.

Лошадь под Исмаилом вдруг встревожено заржала, поднялась на дыбы, но тот смог приструнить ее.

Безбровые выжидающе смотрели на главаря.

Наконец, тот достал кристалл-компас, провел по нему ладонью, и в центре его открылся круглый экран.

– Вот она, наша птичка... – блаженно протянул он, вглядываясь в изображение, на котором девушка в футболке, в кожаной короткой юбке и сапожках, с налобной повязкой со знаком «Алеф», обогнав седобородого патриарха, преградила ему путь.

Исмаил снова посмотрел на коричневую гору и презрительно крикнул:

– Эй, елбай!..

Из отряда отделился всадник в красной рубашке с «пауками» (сросшиеся серпы) на спине и груди... Мурло.

Он остановил коня на полкрупа от главаря.

– Узнаешь, елбай? – Исмаил кивнул на гору.

– Узнаю! Это Мориа!

Исмаил секунду помедлил и вдруг резко хлестнул по Мурло плетью:

– Как ты говоришь со мной, еврейская собака?!

– Узнаю, мой хозяин. Это гора Мориа... – тот едва удержал коня.

– То-то же... елбай! – сыто бросил Исмаил и дико расхохотался.

Следом загоготали и безбровые. Исмаил обернулся на Мурло, и тот, словно по команде, слащаво захихикал.

Исмаил бросил рукой кверху:

– Мои великие воины! Мы у цели! Вот она – Мориа! Скоро эта сладкая гурия окажется в наших сетях! Скоро мы порадуем нашего Светлейшего, нашего покровителя – Великого имама Идриса!

Он вскинул карабин, и по знойному мареву пустыни прокатило эхо беспорядочных выстрелов.

Безбровые предвкушали победу. Гарцуя на ладных скакунах, торжествуяще восклицали и стреляли по фиолетовым бездонным небесам пустыни.

Мурло, жадно ища взгляды бритоголовых, подбостранно рассекал воздух двумя серпами.

– Обходим гору с севера! – Исмаил дал команду, стегнул рысака, конь рванул с места, и по пустынной земле, поднимая облака пыли, понесся отряд безбровых мутантов...

...Хаймалка стала на пути Авраама.

До подножия Мориа оставалась минута ходьбы.

Старец остановился в шагах пяти от девушки.

Отчаянность и решительность в ней патриарху напомнили молодость его супруги. Сарра также была прекрасна, так же смела, и потому стала его верной спутницей.

Авраам оглянулся на Исаака. Тот опустил глаза.

Двое слуг стояли рядом, один из них придерживал за поводья осла.

Хаймалка сделала еще два шага к патриарху.

– Я мог бы приказать своим отрокам – и они живо бы скрутили тебя! – вдруг глухо расставил старец и тут же поймал себя на том, что как бы по-новому услышал свой голос.

Сказанное им сейчас было первой фразой за эти несколько дней молчания.

– Еще никто не смел становиться на моем пути! – грозно предупредил старец. – Уйди с дороги, девчонка!

– Бог не может искушать! – Хаймалка только переступила с ноги на ногу. – Ты болен, старик!

Больное самолюбие заселило в твоей душе сомнение! **ТЫ ПРОСТО НЕ ВЕРУЕШЬ!**

Глаза патриарха гневно блеснули.

Авраам угрожающе шагнул на нее. Они стали лицом к лицу.

Хаймалка почувствовала, как по щеке и шее покатили градины пота. Она невольно отступила на полшага, но тут же остановилась.

– Ты пришел сюда, чтоб доказать себе, своему больному «Я» состоятельность своей личности и судьбы! – Хаймалка удержала взгляд. – Это было так во все времена. Чтоб доказать преданность, а, значит, и правоту священной идеи, человек должен быть готов принести в жертву свою самую высшую ценность! Ты выбрал Исаака! Твоя вера фанатична! Ты фанатик, а фанатики самые неверующие! И ты – **НЕ ВЕРУЕШЬ!** И ты не получил обещанного Богом. И потому ты не веруешь вдвойне!

– Как ты смеешь так со мной разговаривать?! Со мной – избранным самим Мельхиседеком?! – крикнул он и обернулся на замерших от страха парней:

– Убрать с дороги!

– Твое болезненное самолюбие сделало из народа жертву.

А тот, кто чувствует себя жертвой, в свою очередь болезненно самолюбив. Ты виновен в страданиях нашего народа! Ибо ты и сотворил из него болезненно-самолюбивую жертву! Ты и Исайя! Ты может и велик, но тот, кто сотворяет из народа жертву, тот приводит за собой лжепророков! Исайя вложил в наш народ ген рабской покорности! «...и будет лев есть солому...».

– Убрать! – взорвавшийся старик гневно поднял обе руки.

Трое парней бросились к Хаймалке.

Двое слуг, оказавшись впереди Исаака, попытались с двух сторон схватить ее, но девушка, в несколько молниеносных приемов разбросала их по сторонам. Оказавшись на земле, те

беспомощно смотрели то на патриарха, то на Исаака, так и не решившегося подступить к Хаймалке.

Девушка, насмешливо улыбаясь, приблизилась к нему сама:

– Тебе сколько лет? – она едва заметно откинула голову.

– Двадцать пять... – покорно ответил тот.

– «...двадцать пять... двадцать пять!..» – вдруг язвительно передернула она. – А чего тогда позволяешь из себя жертву делать... если двадцать пять?! Ты знаешь, кого избрал твой отец для жертвы?! – и бросила в него рукой. – Эта жертва – ты!

Один из слуг, поднимаясь с земли, зажал в руке камень. Его примеру последовал второй.

Авраам, глянув на них, перевел глаза на Исаака, робко стоявшего перед девчонкой, и, пристукнув посохом, продолжил путь.

– Откажись быть жертвой! – Хаймалка близко приблизилась к Исааку. – Ибо из-за твоей рабской покорности станет жертвой целый народ!

– Все в руках Единого... – Исаак опустил голову. – Но даже если бы это была воля только одного моего отца, то и тогда я готов был бы взойти на алтарь... И потом: кто сказал, что отец мой избрал жертвой именно меня?.. – он смотрел себе под ноги.

Двое слуг с камнями уже подкрались к спине Хаймалки, вот один из них занес руку над ее затылком, но в последнюю секунду, молниеносно развернувшись, ударом ноги она отбросила его

в сторону. Тот, истошно закричав, завалился на спину.

Второй, бросив камень, бросился к ослу и спрятался за ним.

Исаак молчаливо прошел мимо Хаймалки. Распластавшийся на земле слуга боязливо поднялся и, оглядываясь, ринулся вслед Исааку.

За ними, таща осла за стремяна, двинул и второй.

Хаймалка, глянув в спину уходившего Исаака, в сердцах топнула ногой:

– Маменькин сынок!

И вдруг, словно взорвавшись, стала бить по воздуху кулаками:

– Сопляк! Сопляк! Сопляк!

Глаза затуманило потом, Хаймалка отерлась рукой.

В знойном мареве, словно мираж, плыла фигура уходящего к Мориа – Авраама.

Хаймалка отвинтила крышку фляжки, процедила пару глотков.

Присев на корточки, долгую секунду смотрела вслед уходящим путникам и, быстро поднявшись, поспешила им вслед.

«...И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом; а я и сын пойдем туда и возвратимся к вам.

И взял Авраам дрова для всеожжения и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе.

И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он

сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?

Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее вместе.

И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поперек дров...»

...Хаймалка, цепляясь за редкие кусты, вскарабкалась на вершину Мориа. Тяжело дыша, она сейчас напрочь забыла, что едва переводит дыхание, что нестерпимая жара иссушает и сжимает мозг: Авраам стоял, выпрямившись над жертвенником, на котором связанным лежал его сын. Грозная фигура патриарха, которая возвышалась на вершине горы, казалось, царила сейчас над всем этим пустынным, затаившимся миром.

Седобородый старец, обратив глаза к бездонным молчаливым небесам, творил молитву. В ногах его валялся посох.

Беззвучно шевелилась в бороде патриарха упрямая нить его синих губ.

Старик кончил молитву, на секунду седая львиная голова упала на грудь, но вот он выхватил из-за пояса нож, крепко стиснул его в руке.

Голова Исаака чуть свисла с жертвенника, обнажив натянутое горло. Синяя жилка запульсировала на нем. Авраам теперь видел только эту бьющуюся живую нить, из которой в мгновение-другое должна была хлынуть кровь. Ее биение взорвало мозг, Авраам подставил под голову сына колени, занес нож.

Хаймалка бросилась было к старцу, но занесенная для удара рука замерла над его головой, кулак вдруг разжался, и на землю с каким-то оглушающим звоном упал жертвенный нож. Голова Исаака, соскользнув с ноги отца, снова оказалась на жертвенных камнях.

Еще несколько мгновений назад властная фигура патриарха сникла, и, словно не в силах выдержать груза враз постаревшего немощного тела, Авраам упал на колени. Голова старца безвольно опала на грудь, оказавшись рядом с головой лежавшего на жертвеннике сына.

Плечи Авраама дрогнули, и, кажется, небеса впервые увидели сломленного плачем властного пророка.

– Что есть ценность?! – едва слышно шепнул старец. – Что есть ценность?! – он глотал слезы, словно пытался избавиться от них.

В какое-то мгновение, все так же оставаясь на коленях, он вдруг бросил к небесам затуманенные глаза, и над подоженной пустыней, над всем затаившимся миром, разорвался его отчаянный крик:

– ЧТО ЕСТЬ ЦЕННОСТЬ, ГОСПОДИ?!..

И, кажется, все вокруг Мориа поникло и оцепенело под этим отчаянием.

... Старец поднялся, на глаза попался валявшийся в ногах его посох Вождя. Патриарх лишь безлично скользнул по нему взглядом, как будто это была и ненужная, и никогда не принадлежавшая ему вещь.

Не глянув на лежавшего на жертвеннике сына, Авраам стал уходить с вершины Мориа; через минуту-другую его прежде властная фигура исчезла на спуске, словно была поглощена им.

Хаймалка подошла к Исааку, стала над ним.

– Убей меня! – вдруг глухо попросил он.

– Тебя мне еще не хватало! – поддела она.

– Я все равно не буду жить! – он отвернул голову.

– Куда ты денешься?! – она принялась распутывать веревки.

– Я убью себя! – снова глухо пообещал он.

– Ты, что ли? – она насмешливо посмотрела на него.

Он отвернул глаза.

– Тебе еще за мамину юбку держаться!.. – она нагнулась вытянуть из-за его плеча веревку и в эту секунду оказалась с ним близко, глаза в глаза.

Память невольно подставила картинку, когда она лежала в речке оазиса, и ей привиделся смутный и манящий мужской образ.

Она глянула на Исаака и словно попыталась от чего-то ускользнуть.

– То же мне... са-мо-у-бийца!.. – деланно хмыкнув, она принялась за веревку.

Хаймалка успела освободить его руки, как со склонов горы вдруг послышалась беспорядочная угрожающая стрельба и крики и на вершине один за одним стали появляться бритоголовые безбровые существа в черной камуфляжной форме.

– Девчонку брать живую! – послышался крик.

Хаймалка растерянно глянула на приподнявшегося Исаака,

но в это же мгновение чьи-то руки, схватив ее за волосы, оттащили от жертвенника.

Вывернувшись, она ударила напавшего в пах, и на земле растянулся мужчина в красной майке с «пауком» на груди.

Она узнала в нем убийцу матери, и в ту же се-

кунду в ее памяти отчетливо всплыли слова женщины-волчицы Джоли: «...пауки-убийцы твоего народа...».

Отчаянно закричав, она бросилась было на Мурло, но тут же двое безбровых схватили ее за руки с двух сторон.

Она сумела вырвать правую руку, стремительным ударом ноги отбросила одного и острым кинжальным выпадом ладони в бок согнула второго.

В эти же мгновения она видела, как угрожающе стал подниматься с земли Мурло и выхватил из-за пояса серп, безбровые стали окружать ее, и с руки одного свисала сеть, в ту же секунду раздался выстрел, и с расширившимися зрачками она увидела, как сник на жертвеннике Исаак.

Она бросилась было к нему, но сеть, уже зависнув над ней, обволокла ее и сбила с ног.

Она забилась в ней, словно пойманный волчонок, но чем больше пыталась освободиться, тем больше запутывалась.

Став над ней, безбровые сыто гоготали.

И только лицо «паука» дышало ненавистью.

– Подожди ты еще у меня... сучка! – он злобно рассек серпом воздух.

Главарь банды занес над ее лицом ботинок и резко ударил.

Каблук опустился рядом с виском девушки, она лишь успела отвернуть опутанное сетью лицо.

Безбровые одобряюще загоготали.

Исмаил поднял руку – тут же стало тихо.

Он взглянул на застывшего на жертвеннике юношу, снова глянул на лежавшую в его ногах Хаймалку, и вокруг с вершины этой горы распахивался величественный вид безжизненной властной пустыни.

– О, мои великие воины! – воскликнул он. – Вы исполнили свой великий долг! Слава великому имаму Идрису!

– Слава! – разом подхватили безбровые, и над вершиной Мориа снова посыпались беспорядочные выстрелы.

Хаймалка попыталась приподняться, но лишь как-то неловко завалилась на бок.

Безбровые, глядя на нее, довольно хохотали.

В какую-то минуту ей вдруг вспомнился Добрый Одноглазый, и, показалось, послышался его мощный гулкий голос:

«Если что случится, только позови: «О, Великая Мудрая Доброта, помоги!..»

Хаймалка снова попыталась подняться и смогла лишь припасть на колени.

– А «гурия» – ничего! – просмаковал кто-то из безбровых.

– Светлейший знал, для кого сети готовил! – подбросил второй.

Отчего-то вдруг на вершине стало тихо. Все пристально смотрели на опутанную сетями девушку.

Исмаил вдруг шагнул к ней, выхватив из-за пояса нож, опустился на колени напротив.

Жадно вглядываясь в нее, с остановившимся дыханием приблизился к губам и вдруг, деланно зарывав, схватил зубами нить сетки и, так же рыча, стал тянуть на себя.

Безбровые жадно и одобряюще посмеивались.

Исмаил выпустил сеть, приподнял нож и остро сверкнувшим лезвием стал медленно вести им от горла вниз. Лезвие, соскальзывая с нитей сети, оказалось на груди, вмяв футболку в ложбинке, выделило холмики грудей.

На секунду Исмаил задержал острие ножа и

вдруг из-под низу перерезал сеть. Еще. И еще.

Безбровые возбужденно загудели.

Еще одно движение ножа – сеть, соскользнув с головы и плеч Хаймалки, спала на землю вокруг коленок и бедер.

Исмаил снова приблизился к теперь уже освобожденному ее лицу, одной рукой приставив к горлу нож, другой потянулся к груди, но в эту секунду Хаймалка резко отвела его руку с ножом и вонзила в его горло вытянутые напряженные пальцы.

Тот захрипел, выронив нож, схватился за горло.

Хаймалка резко поднялась, ударом сапога в челюсть отбросила главаря в сторону.

Безбровые на секунду оцепенели, но тут же стали смыкаться вокруг нее угрожающим кольцом.

Хаймалка приподняла стиснутые кулаки и громко расставила:

– Великая Мудрая Доброта, помоги!

В секунду-другую на вершине горы стала исполинская фигура одноглазого великана.

– Я здесь, моя Царица! – загромыхал под небесами его раскатистый голос.

Безбровые оцепенели со вскинутыми кверху головами.

Исполин посмотрел огромным глазом сверху вниз и, словно прощупав взглядом всю вершину горы, вдруг угрожающе

шагнул на бритоголовых:

– Мою Царицу?!..

Кольцо вокруг Хаймалки стало рассыпаться.

Добрый Одноглазый пнул носком своей огромной ступни, и с горы на десятки метров отлетело несколько заоравших безбровых:

– Надежно! – довольно громыхнул великан.

Группка мутантов пыталась было сбежать, но исполин захватил их в огромную жменю и тоже за-

швырнул их далеко с вершины, словно несколько легких камней:

И снова довольно громыхнул:

– Надежно!

Добрый Одноглазый разбросал по сторонам огромные руки, и над бескрайней пустыней растекался его громахающий голос:

– НЕ ЦЕПЛЯЙСЯ ЗА ЧУЖОЕ ПРОШЛОЕ, ИБО ОНО УНИЧТОЖИТ ТВОЕ НАСТОЯЩЕЕ!

НЕ ЗАРЬСЯ НА ЧУЖУЮ ЦЕННОСТЬ, ИБО ОНА СОТВОРИТ ИЗ ТЕБЯ НИЩЕГО!

НЕ ЗАВИДУЙ ЧУЖОМУ СВЕТУ, ИБО ОН ПРЕВРАТИТ ТВОЮ ЖИЗНЬ В МРАК!..

...Мурло успел достичь края вершины, скатился вниз и спрятался за кустами под каменистым выступом.

Одноглазый великан, передавил еще нескольких мутантов, оставшегося одного из них поднял на ладонь и назидательно посмотрел на него:

– Мою Царицу обижать? – и открытой ладонью подбросил его вверх. Тот, высоко взлетев, рухнул где-то у подножия горы.

– Хоть что-то надежно!.. – выдохнул великан и сел на пятки перед смеющейся Хаймалкой.

– Привет, Добрый Одноглазый! – она приподняла руку и он осторожно подставил ей огромную ладонь. Хаймалка озорно хлопнула по ней.

– Ну, ты – муж-жик! – повосторгалась она.

– Ну, ты – ба-ба! – в тон ей ответил великан и тут же спросил. – У тебя все нормально?

– Ну, теперь... слава Богу!..

– Это хорошо... – как бы согласился он и посмотрел на жертвенник:

– Царица... – полувопросом спросил Одноглазый Добрый.

Хаймалка посмотрела на свисшую руку Исаака и как бы больше для себя проронила:

– Просил, чтоб его... убили...

– Нельзя звать смерть... – понимающе произнес великан, задумчиво глядя своим большим добрым глазом.

Помолчали.

Исполин посмотрел на Хаймалку и невольно вздохнул.

– Ты загрустил, Добрый Одноглазый... – она подняла на него глаза.

– Я, вообще-то, не о том... – он отвел глаз.

Она внимательно посмотрела:

– А мне ты можешь сказать?

– Нет... Просто мне хочется поцеловать тебя, а как это сделать – в голову не приходит...

Хаймалка невольно рассмеялась и вдруг неожиданно предложила:

– Так давай я тебя поцелую!

– Правда?

– Правда!

– А я как-то и не догадался...

– Ну, тогда подними меня...

Великан подставил ладонь, Хаймалка шагнула на нее и стала медленно подниматься вверх, как на каком-то теплом большом плоту.

И далеко распахнулась улыбнувшаяся пустыня.

...Мурло, увидев из своего убежища, как воцарилась над вершиной фигура Хаймалки еще больше прижался к камням.

... Исполин поднес девушку к лицу, и она, припав к нему обеими ладонями, поцеловала у виска.

Лицо Доброго Одноглазого расплылось в широкой улыбке, он опустил девушку на землю и тут же прижал ладонь к голове.

– Что-то случилось? – встревожено крикнула Хаймалка.

– Не-ет! – довольно улыбался великан. – Я просто хочу сохранить твой поцелуй!.. Хотя бы на немного!.. Как ты думаешь, получится?

– Ты мне очень дорог, Добрый Одноглазый! – легко улыбнулась она.

– И ты мне тоже!.. Ну, я пошел!.. Не забывай меня, Хаймалка! – все еще прижимая ладонь к виску, он шагнул великанским шагом и уже через несколько мгновений растворился в знойном текущем мареве.

...Мурло выполз из-за камней и стал осторожно карабкаться вверх. На самой вершине он залег, лишь едва заметно высунув полголовы. Он увидел, как Хаймалка медленным шагом пошла к жертвеннику, вот стала над телом Исаака. Надолго замерла, вглядываясь в него.

Мурло взошел на вершину, выпрямился.

Хаймалка оглянулась. Высоколобый «паук» в красной рубашке, надменно усмехаясь, небрежно шагнул и выхватил из-за пояса оба серпа:

– Двоим нам тесновато на этой вершине... – он деланно-обреченно развел руками. – Да, красotka так любовалась своим избранным, наверное, ей так хотелось лечь рядом со своим избранным на этом бессмертном жертвеннике!.. – он рубанул серпами по воздуху и сыто загоготал.

Хаймалка невольно поискала глазами по земле: взгляд наткнулся на карабин, влипший в месиво раздавленного тела, она увидела еще оружие, но оно валялось ближе к находившему на нее Мурло.

Хаймалка отступила к торцу жертвенника и в шаге от себя увидела брошенный Авраамом жертвенный нож.

Она быстро схватила его и выставила острым концом перед собой.

Мурло на секунду приостановился и снова деланно подбросил:

– Царица хочет уничтожить меня! Эт-то серьезно!.. Ну, тогда иди... Иди сюда! – он поманил ее серпами.

Хаймалка, в бойцовой стойке, чуть подогнув колени и выдвинув перед собой нож, шагнула в сторону.

Мурло поддел носком ботинка камень и отшвырнул его на девушку. Та увернулась и снова сделала несколько шагов в сторону, как бы обходя «паука».

Мурло приблизился и резанул серпом, едва не достав лица Хаймалки. Она снова увернулась и ударила его ногой в бок.

Тот отлетел, один серп выпал из его руки. Он припал на руку и вдруг, увидев недалеко от себя карабин, метнулся к нему.

Он навел прицел на девушку и выстрелил. Пуля рикошетом отскочила от ее самых ног.

– Сучка, брось нож! Или ты своего одноглазого... пригласишь?...

– Я тебя сама уничтожу! Елбай! – она издевательски расхохоталась.

– Посмейся-посмейся... – и вдруг, снова выстрелив ей в ноги, заорал:

– Брось нож, гадюка!

Хаймалка отшагнула, вытянула руку в сторону и выпустила нож.

– Вот так! – нарочито подбодрил он и, поигры-

вая серпом в одной руке и карабином в другой, шагнул на нее.

– А, может, не отправлять тебя к твоей мамочке?! А? Мы можем договориться... Все от тебя зависит... У тебя такие волнующие ножки!.. Раздвнешь их для меня и забирай своего избранного! – он кивнул на жертвенник. – Я так люблю, когда женщина раздвигает ножки! Это так волнительно! Ну, на любую жертву готов! Договоримся?

– Договоримся-договоримся... – скороговоркой ответила она.

Он сделал несколько осторожных шагов:

– Тогда опустишься на эту землю... обетованную... задери юбочку...

Она отшагнула к жертвеннику.

– Давай-давай! – он повел стволом карабина и, осмелев, стал на близком расстоянии.

Хаймалка, сделав вид, что собирается подчиниться, пригнулась, но в следующую секунду легким кувырком отлетела в сторону и, оказавшись в шаге от него, подсекла его ногу.

Он выпустил карабин, падая на бок, успел подставить руку и, вскочив, рубанул серпом. Хаймалка отпрянула.

Тот, увидев свой второй серп, сорвал его с земли и теперь, быстро наступая на девушку, бил серпами возле ее лица.

Отходя, она неловко оступилась о камень и, отлетев, оказалась на спине. Падая, заметила лежавший рядом посох Авраама.

Мурло быстро приблизился, став над ней, злобно процедил:

– Меня уничтожить решила?!

Хаймалка потянулась за посохом, но в эту же се-

кунду Мурло, замахнувшись, нагнулся для удара. Хаймалка успела схватить посох и выставила его над собой.

Посох, вдруг превратившись в острую фиолетовую молнию, прошел насквозь напоровшегося на него Мурло.

Тот, широко распахнув глаз, тяжело рухнул на землю.

Хаймалка, как бы еще не осознавая, что «паук» уже мертв, с опаской глядя на его остекленевшие глаза, несколько отползла, села на пятки и вдруг, осознав происшедшее, разрыдалась.

На вершине Мориа, как на раскрытой ладони, валялись трупы безбровых, проткнутый посохом, завалился на бок Мурло, с жертвенника свисала голова и руки прошитого пулями Исаака, и в нескольких шагах от него посредине вершины выделялась одинокая и сникшая фигура девушки.

...Когда плач стаял, Хаймалка встала с колен, осмотрелась: на все стороны, до самого горизонта растекалось безжизненное раскаленное пространство.

Она посмотрела на жертвенник, и ей вдруг вспомнилась женщина-волчица Джоли, родник под лиственницей и властный голос пророка Иеремии: «...Ибо господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа...».

Она прошла к отвесному склону Мориа. От подошвы горы, как подожженная хлебная корка, раскинулась безлюдная пустыня.

Огромное белое Солнце, как седой шаман, заду-

малось над этим выжидающим безмолвием: пески и камни, жаждущие жизни...

Хаймалке вспомнился дом Ури, картина Струящегося Дерева, часы медитации под ней.

Она невольно опустилась на землю, прикрыла глаза, уже скоро все вокруг растворилось, и ей увиделся сам хозяин Долины Призванного.

...Ури находился в какой-то темнице, и она узнала пещеру в подполье мечети, куда она была брошена вместе с матерью незадолго до ее убийства.

Ури, словно услышав зов девушки, вскинул седобородую голову, посмотрел на нее, и в тускло освещенной темнице зазвучал его властный голос:

– Ты, дочь древних еврейских шаманок, помни – Бог вложил в человеческое тело прочное: огонь бессилен это сжечь, вода не в силах это уничтожить, время над ЭТИМ не властно. И если властен огонь, то дать силу, если властна вода, то дать дух, если властно время, то дать воскрешение! Косточка ЛУЗ!

И тогда она увидела ягуара. Кошка ходила беспокойными кругами по дну глубокой ямы...

И ей вдруг показалось, что это мечется ее плененная душа, и она ждет спасения...

Тогда ей увиделась камера в подземелье, и она услышала: «Харан». И потом снова возник образ Ури и его глаза. Но это были другие глаза, глаза, проникающие и пугающие какой-то неземной силой, глаза человека и в то же время другого существа, существа из тех, которые могут являться лишь в те мгновения, когда отрешенное от мира сознание открывается для иной реальности и когда слова превращаются в нечто иное, в смутный, может быть, и в то же время более творящий ряд, чем сами слова.

«...Огонь, брошенный на жертвенник... Огонь, уничтожающий ЖЕРТВОСОТВОРЕНИЕ... Ибо было не жертвоприношение, а ЖЕРТВОСОТВОРЕНИЕ... Огонь, осветивший Новый СОЮЗ – не ЗАВЕТ БОГА С ЖЕРТВОЮ, А СОЮЗ БОГА С ВОИНОМ!

Возьми ОГОНЬ ОБНОВЛЕНИЯ и ИСПОЛНИ!..»

...Хаймалка вышла из погружения. С глубоких небес, как с трона, нацелился на жертвенник раскаленный глаз Солнца.

Она увидела, что огонь, поднятый патриархом на Мориа, еще горел на краю жертвенника.

А высоко над ним уже кружила жадно орущая стая черных птиц. Круг за кругом птицы опускались все ниже над телом Исаака.

Она неторопливо пошла к нему. Она шла по вершине, усеянной трупами врагов. Ей увиделись тысячелетия изгнаний и унижений, ей увиделось, как на свитках Торы насильовали еврейских женщин, рубили животы беременных и поднимали на копыя окровавленных младенцев.

Она стала у жертвенника, глянув на прошитое пулями тело Исаака, вскинула спокойные глаза к вставшему с трона Солнцу, выхватила огонь и бросила на жертвенник.

Пламя быстро подхватило сухие поленья, бросившись к плащу Исаака, жаднохватило все его тело.

Черные птицы, уже ринувшиеся на него, лишь подпалив крылья, с дьявольскими криками разметались по сторонам и осыпались на Мориа, как черные хлопья сожженных листов.

В какую-то секунду Хаймалка испуганно отшагнула, но с каждым новым мгновением неистовая пляска огня, наполняя ее какой-то новой, не-

знакомой силой, завораживала больше и больше.

Хаймалка почувствовала, как невольно стали расправляться ее плечи, вдруг громко забили бубны, и сначала медленный, а потом властный зов стал увлекать ее в древний колдовской танец.

С налобной повязкой со священным знаком «Алеф», в светлой футболке, кожаной юбке, в ладных высоких сапожках, она походила на воинственную наследницу древних еврейских шаманок.

Тело Хаймалки, гибкое и быстрое, мудрое и чуткое, казалось, вслушивалось в какие-то только ей ведомые символы и само превращалось в эти тайные знаки и скрытые заклинания.

Хаймалка кружила вокруг пылающего жертвенника, и, кажется, уже не огонь, а она сама владела и повелевала этой непостижимой и неистовой силой огня.

В какие-то мгновения танец ее обрывался, но это было лишь как утверждение тех таинств, которые рождало ее

распахнувшееся сознание. И затем снова она становилась гибкой и стремительной, как молодая самка-ягуар.

Камни, попадавшие под ее ногу, мягко уходили в землю Мориа.

И, кажется, все добрые силы стремились оберечь таинство танца.

В какое-то мгновение ей увиделось нечто пульсирующее, наполненное животворящей жидкостью, в которой светились крохотные тельца.

«Нервная клетка! Нейрон!» – поняла Хаймалка, и тогда нейрон

стал превращаться в огромный камень, на котором стали возникать каменные стены.

Бэт-Эль! – поняла Хаймалка. – Восставший из руин Бэт-Эль! Бэт-Эль строился по принципу нейрона. Если храм – это сама клетка, ядро святилище, то священные тексты – это код ДНК народа. А потому, если нет Храма, то нет и народа!

... И тогда танец ее стал похож на колдовское пламя костра. Гиены с сатанинскими головами стали взбираться к вершине, но на пути их со своей верной стаей стала волчица Джоли.

В отчаянной схватке волки сбросили гиен со склонов и, снова вернувшись, верными охранниками окружили вершину Мориа.

Хаймалка знала, что она перешагнула пространство этой реальности, в то же время она видела и свой танец, видела преданную ей волчью стаю, осознавала, как день перетекал в ночь, и потом стали светлеть и гаснуть звезды.

А когда над новым утром стало подниматься свежее Солнце, она увидела, что огонь стал затихать, вот потух совсем, а в горстке пепла обнажилось что-то крохотное, похожее на маленькую жемчужину.

«Косточка Луз!» – поняла она.

Но вдруг поднялся ветер, прах и пепел стало сносить с камней жертвенника, с уже гаснущим сознанием Хамалка знала, что нужно спасти эту жемчужину, и уже обессиленная, с подкосившимися ногами, достигла жертвенника, потянулась за ней и, рухнув на камни, прикрыла ее ладонью.

В последнюю секунду она приблизила ее к глазам и ушла в сон.

В какое-то мгновение из глаз ее на косточку скатилась слеза и обволокла ее мягкой теплой влагой.

Луч утреннего солнца коснулся ее, «жемчужи-

на» вдруг засветилась, через минуту-другую стала крупней, увеличиваясь, походила на вихрящееся облачко, и потом,

все больше поднимаясь над жертвенником, стала превращаться в фиолетовый сияющий сноп света, в котором все отчетливей проступали очертания человеческой фигуры...

... Хаймалка пробудилась от чужого пристального взгляда.

Открыв глаза, она увидела, что лежит на жертвеннике, а над ней, присев на корточках, улыбается какой-то парень.

Она узнала Исаака, но в то же время это был другой, незнакомый человек.

– Что смешного? – она недовольно села.

– Откуда ты, такая чумазаа?! – он озорно спрыгнул с жертвенника и, приблизившись к ней, провел, было, пальцем по ее щеке, но она резко отбросила его руку:

– А без рук остаться?!

– Красо-та-а! – просмаковал он..

– Я предупредила... Во-ин... – она с нарочитой усмешкой глянула на его камуфляжную форму, хотя и невольно отметила, что она ладно сидела на нем, но и тут же нарочито поддела:

– Иц-хак!

– Я – Исаак.

– Ты Ицхак! – как бы скомандовала она.

Он пристально посмотрел:

– Слушай, кто ты такая?! – и не скрыл, что любит ее.

– Я такая, какая я есть....

– Ну, тогда ты просто «чумазая»... Но это дело поправимое...

– Послушай, а не слишком ли много для одного... «бой-ца»?

– Может... и «бойца»...

Хаймалка подставила лицо фиолетовым небесам, прикрыла насмешливые глаза и не спеша, как бы наслаждаясь, поддержула:

– «..может... и бойца», а, может, и... не бойца...

– Чумазая, твое счастье, что ты не мужик!.. – снисходительно бросил Ицхак.

– А то бы ты меня уел... так, что ли? – она приоткрыла глаза.

– Уел бы не уел, а одного щелчка для тебя было бы достаточно! – и он смачно щелкнул по воздуху.

Она весело глянула, легким прыжком бросилась с жертвенника и, словно хищница, которая вынюхивает свою добычу, перешагивая через трупы безбровых, стала обходить его. Ицхак проследил за ней поворотами головы.

Хаймалка стала перед ним в шагах пяти и, куражась, поманила пальчиком:

– Ну, боец, иди, давай-давай! – и упрятала от себя вдруг ударившее волнующее чувство: это началась какая-то долгожданная сладкая игра.

Ицхак несколько мгновений с любопытством смотрел на нее, словно в его ногах путался глупый тьявкующий щенок.

– Ну чего закис, вояка?! – Хаймалка снова поддела его.

– Ну, ты у меня сейчас точно схлопочешь!.. – он решительно шагнул к ней и, подойдя, джентельменски предупредил. – Сейчас точно по носу получишь!

– А ты попробуй!

Ицхак вдруг резко, для испуга, ткнул руку к ее животу, но Хаймалка перехватила его кисть и уже нанесла было ответный удар, но ее рука так и застыла над его головой.

Долгую секунду они стояли глаза в глаза, Хаймалка отпустила его кисть и, бросив глаза к земле, отошла.

Она не видела, как Ицхак сорвал с земли огромный камень, но только услышала его рык и, повернувшись, увидела,

как, перешагивая через трупы, он подошел к краю горы и, зарывав, сбросил камень вниз. И несколько минут стоял спиной к ней.

Хаймалка, сначала пораженно, а потом с улыбкой, глянула на его широкие плечи, упертые в бедра руки:

– Да ладно тебе! – и уже как бы согласилась. ты вправду силач...Ицхак!..

Он медленно обернулся, как бы не веря своим ушам, что она так красиво произнесла его имя.

– А ты тоже, оказывается, ничего себе... «чумазая»!

– Я – Хаймалка.

Они глянули друга на друга и рассмеялись.

Уже улыбаясь, он подошел к ней и хотел было что-то сказать, но, посмотрев ей в глаза, на мгновение замер. Она легко пожала плечами.

– Послушай, у меня такое ощущение, будто я тебя где-то видел... – он как будто пытался что-то вспомнить.

– Видел, наверное, если такое ощущение... Только, надеюсь, это было в прошлой жизни.

– Нет, мне, действительно, кажется, что все здесь мне знакомо, но только ничего не могу вспомнить... – он обернулся. – Странно... Вот и эта вещь

знакома... – он кивнул на посох Авраама, проповорванный скрученный труп Исайи.

– Это посох Вождя... – она хотела было добавить: «твоего отца», но не сказала.

– Посох Вождя... – негромко, как бы больше для себя, повторил он и подошел к трупу, в кистях которого так и остались зажатými два серпа.

Ицхак осторожно коснулся набалдашника посоха, пригладил его и затем вырвал его из трупа.

Победно крикнув, Ицхак вскинул посохом над собой, но вдруг мертвая голова «паука» ожив, приподнялась, глаза жадно блеснули, а из синих губ пополз и растекся над горой мерзкий громкий шепот:

-Рано торжествуете! Я вас еще уничтожу! – опав на камни, голова расхохоталась и этот нарастающий злобный гогот, словно подпалил ее и труп «паука» в несколько мгновений превратившись в змеящийся дымок, унесся с вершины Мория.

Ицхак и Хаймалка переглянулись, долгую секунду вопросительно глядя глаза в глаза, вдруг рассмеялись какой-то одной своей мыслью.

В какое-то мгновение, озорно глянув на Хаймалку, он запрыгнул на жертвенник:

– Я Великий патриарх! – он сверху обрушился на нее нарочито-грозным видом.

Та стояла в шагах семи и, чтоб упрятать непослушно-выпиравшую улыбку, стала поправлять налобную повязку.

– Да! Я Великий вождь! – Ицхак бросил кверху широко распахнутыми руками, и ему увиделось со стороны, как стоит он на этой горе посредине этой пустыни, посредине мира, царственный и грозный, близкий к небесам и Богу.

– Я Великий пророк... – он уже величественно приударил посохом и уже должен был произнести свое имя, но, только начавшись, его имя оборвалось, и в те же мгновения над Мориа засверкали молнии, загрохотали оглушительные раскаты грома, а какая-то невидимая мощная энергия ударила изнутри жертвенника и отбросила Ицхака в сторону.

Посох, выбитый из его рук, взлетев высоко, засверкал под раскаленным солнцем пустыни и с металлическим звоном упал на камни жертвенника, которые стали осыпаться, будто там, под ними, образовалась пустота, подобно тому, как осыпаются песочные часы, но это были другие – часы камней.

Ицхак оставался лежать на земле, лишь припав на локоть и со страхом в глазах окаменело следил за своим рухнувшим «троном».

Хаймалка, чуть отпрянув, зачарованно смотрела, как сверкающий жезл Авраама вслед за осыпавшимися камнями жертвенника стал исчезать в чреве Мориа.

Долгую минуту от вершины горы растекалась по сторонам зачарованная тишина, и, показалось, в замершем бытии незримо проступило Великое Присутствие.

Затуманился раскаленный диск Солнца.

Ицхак и Хаймалка некоторое мгновение не решались взглянуть друг на друга, словно боялись обнаружить себя в этом обнажившемся мире. И лишь долгую минуту спустя Хаймалка взглянула на Ицхака. Тот еще лежал на земле, опершись о руку.

Ей вдруг отчетливо увиделось, как «великий патриарх» величественно раскинул по сторонам руки, но вдруг сброшенный с жертвенника, растя-

нулся на земле. Она легко улыбнулась, но, глядя на озадаченного парня, расхохоталась, и чем мрачнее становился тот, тем раскатистей становился ее чистый, красивый смех.

Но вот он улыбнулся и, откинувшись спиной на обе отставленные руки, беззаботно рассмеялся и сам, задрав к небу по-детски счастливое лицо.

Хаймалка подошла к нему и свойски подала руку: – Поднимайся, «боец»!

Он скользнул глазами от ее руки к лицу, замершим в улыбке глазам, взял теплую ладонь. Хаймалка отвела глаза к точке, где исчез посох Авраама.

Каменные часы продолжали медленно осыпаться.

Ицхак, все еще держа над собой притихшую ладонь Хаймалки, хотел было подняться, но в ту же секунду какая-то новая мощная энергия ударила из-под жертвенника, взметнув к небесам тяжелый заряд камней и земли, а из чрева Мориа вырвалась огромная слизистая голова кровожадной Жабы.

Она распахнула пенящийся рот, вывалившийся красный язык обнажил ряды желтых громадных клыков, и из ее черного нутра вырвался к небесам злобный, угрожающий стон.

Жаба вырвалась на гору, ее огромные красные глаза увидели окаменевших Ицхака и Хаймалку, снова злобно застонав, трехметровое чудовище пошло на них.

Она успела подойти совсем близко, но они стояли, не шелохнувшись, словно околдованные какой-то властной силой.

И только когда распахнувшаяся пасть жабы потянулась к ним и из ее чрева ударил смрадный запах, Хаймалка отпрянула на шаг, рванула на себя

руку все еще остававшегося на земле Ицхака:

– Ицхак, быстрее!

И они, не отпуская рук друг друга, побежали к краю горы. У самого склона Хаймалка споткнулась о карабин безбрового, ее ладонь выскользнула из ладони Ицхака, тот метнулся плечами вперед, успел ухватить ее за футболку, они бросились было с горы, и тут Ицхак увидел каменистый выступ.

Место, где еще недавно укрывался Мурло.

– Туда! – Ицхак легко подтолкнул Хаймалку вперед себя, и через мгновение, переметнувшись по выступу, они оказались в укрытии под каменной глыбой.

Над Мориа, над самыми их головами, рванул новый стон чудовища, а следом по склону скатилась половина туловища безбрового, оторванная рука мутанта, следом еще несколько перекушенных трупов.

Через несколько минут все стихло. Наползла долгая, гнетущая тишина, но вдруг, Ицхак и Хаймалка словно увидели себя со стороны: припав на колени, они затаились под выступом, а Хаймалка, оказавшись в объятиях Ицхака, доверчиво жалась к нему.

Ицхак это заметил первым и потому затих еще больше, она, поняв, что он заметил это первым, и теперь, замерев, всю блаженствует, резко оттолкнула его.

– Я ведь не специально! – изо всех сил шепотом старался он убедить ее.

– Ты свинья! – в тон ему, тем же шепотом ответила Хаймалка.

– Нет! Я патриарх! – снова зашептал он, раскинул было руки, но пространство убежища не дало ему размахнуться во всю мощь, и Хаймалке снова

невольно припомнилось, как, слетев с жертвенника, он плюхнулся на землю.

Прыснув и как бы удержав новый всплеск смеха, она прижала к губам нежные, красивые пальцы.

Ицхак с улыбкой залюбовался ею.

Она сняла налобную повязку, броском головы отряхнула волосы, с любовью пригладив знак Алеф, заученным движением снова натянула повязку на лоб, и на долгую минуту ее глаза потекли в какую-то даль.

Но вот она села, скрестив ноги, поудобней устроилась, но вдруг повернувшись лицом к Ицхаку, внимательно посмотрела на него, и этот взгляд показался ему более долгим: она словно что-то оценила и доверила ему.

Он ответил лишь долгим выдохом:

– Хай, Малка!..

Глаза ее застелились тишиной, она устроила на коленях успокоенные руки и, кажется, растворилась в тихом и уверенном шепоте:

– О, Великая пустота!

Всесильная и Всепроникающая!

Непостижима Сила Твоя! Ты явила Невыразимое, одарила нас Тайнством Возможного!

Преклоняюсь перед тобой, благодарна, и да будет неизбывна сила твоя!

О, Великая Пустота!

Пусть будут омыты души наши Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть явится твое знамение, Господи!

... И тогда ей увиделась вершина Мориа. Она и Ицхак идут к месту разрушенного жертвенника, и на его месте разверзлась пасть тайного колодца.

Каменные ступеньки, пугая и маня, сбегали в черную глубину.

В какую-то секунду с края колодца скатился и исчез в подземелье посох Авраама.

Но вдруг вещей женский голос, похожий на голос матери, окутал ее:

«Три глаза. Три ключа. Две главные тайны человека. Глаз дракон. Глаз ворон. Глаз игла... Иди!».

...Идрис быстрым шагом шел по мрачным тоннелям своего бункера. В руке его была коричневая плеть. Сзади, неся табуретку, суетливо поспевал за ним одетый в черную робу слуга.

Тоннель под прямым углом ушел вправо, и сразу за поворотом показалась решетчатая дверь.

Идрис приложил руку к стенному детектору, дверь отъехала в сторону.

Слуга шмыгнул в камеру, стал у стены в ожидании команды хозяина.

Пленником оказался бородатый старик. Ури. Он сидел в углу на подстилке из соломы, которая служила ему и кроватью.

Идрис кивком указал поставить табурет в шагах двух от старца.

Сев, он с минуту вглядывался в отрешенное лицо старика.

Ури безлично смотрел в точку перед собой, словно и не видел вошедших.

Идрис ткнул концом плети в пепельную бороду старца и поддел подбородок. Безразличный взгляд Ури потек к потолку.

– Ни-че-го! – многообещающе расставил Идрис.

– Скоро девчонка будет здесь, и ты заговоришь! – и, глянув в пол, громко бросил. – Эй, рогатый, где ты там?.. Губошлеп с копытами!..

– Я здесь, коллега! – в камеру сановито, поцокивая копытцами вошел Сатана.

– Еще одно... «коллега» и я всю твою вонючую рожу потопчу! Понял?!

– Принято, бос! «Бос» устроит?

– Где девчонка?!

– Где ж еще – в Палестине!

– Живую или мертвую – сюда!

– Сатана не убивает! – философски заметил рогатый. – Сатана лишь искушает!

– В одном твоём искушении тысячи смертей запряваны!.. Нацист!

– Ты мне льстишь, мой повелитель! – довольно заметил Дьявол. – Но искушение – действительно технология! Да еще ой, какая технология! Тут все учесть надо! Времечко – когда обольщать! Местечко – где обольщать! Скоростишку – как быстро нужно это сделать! Тут тебе все три измерения! Но главное пообещать! Да не просто пообещать, а чтоб пообещать самого Бога!.. Но моментишко – да! Моментишко обещания – это главное! Чтоб не до... и не после! Вот как травку для яда нарвать! Точный час нужно выгадать! А то ведь нарвать – нарвешь, а отравить – не отравишь!.. Техно-логия, мой повелитель!..

– Так, действуй, «технолог»! – Идрис для устрашения приподнял плетку.

– Не торопись, коллега... прости... мой повелитель! Только пару минуточек!.. Вот посмотри: ты ради чего воюешь с этой девчонкой?.. А все ради того же – познать Бога!

– Я с девчонками не воюю!

– Ну, хорошо, с евреями!.. Между прочим, мусульмане большую ошибку сотворяют, что убивают евреев на Святой Земле! Чем больше они проливают еврейской крови на Святой Земле, тем прочнее она принадлежит им! Ибо ничего так не роднит человека с его землей, как пролитая за эту землю кровь...

Идрис зло глянул на Дьявола. Тот почесал когтем под лепешистой губой и пожал плечиком:

– Впрочем, это дело каждого... Пусть кто хочет, воюет с кем хочет! Один воюет с Богом, второй с евреем, третий – с книгой...

– Слышь, вояка! – оборвал его Идрис. – Ты что-то на счет обещания говорил...

– Не обещания! Искушения!..

– Ну, пошел... тогда! – он стал закипать.

– Сказать тебе честно, мой повелитель?! Тяжеловато тебе придется с девчонкой этой..

Идрис посмотрел пожигающими глазами.

– Дьявол правду любит! Может даже больше, чем Бог! – как бы искренне заметил Сатана. – Вот потому тебе и говорю – непростая эта девчонка! Непростая! Хотя бы потому, что тайну дудочки знает!

– Какой еще дудочки?!

– Обыкновенной... – на козлиной голове Сатаны появился шутовской колпак и в руках – свирель. Он поднес ее к губам и, дурачась, перепадая с копытца на копытце, шутовски задудел.

Идрис, зло вскочив, схватил табурет, из всех сил запустил его в Сатану, но тот как будто растворился в воздухе.

Ури припал спиной к стене, в его убежавших вдаль глазах блеснула едва уловимая улыбка...

Ицхак и Хаймалка подошли к месту обрушенного жертвенника, стали рядом, близко, касаясь рук друг друга.

Черная пасть колодца, с каменными ступенями, уходящими в нутро горы, открылась перед ними.

Хаймалка поддела носком сапожка круглый камень, тот, сорвавшись с края колодца, гулко запрыгал по ступеням, невольно и страшно манящим в глубокое подземелье, в распахнувшееся чрево Мориа.

Долгую минуту они заворожено смотрели в эту зовущую и одновременно пугающую глубину.

Хаймалка шагнула на ступеньку вниз.

Потом, уже много времени спустя, она с улыбкой вспоминала, как легко сделала этот шаг в глубину, в зовущее нутро Мориа, словно кто-то властный вдохнул в ее сердце бесстрашие и поставил на этот путь...

Ицхак оглянулся: далеко кругом, до самого горизонта, растекалось застывшее, но, казалось, ожившее в этот миг древнее пространство пустыни. Фиолетовые небеса низко опустились над Мориа, словно и сами затаенно следили за шагнувшей в подземелье девушкой.

В шаге от Ицхака, на самом краю колодца, лежали два карабина. Ицхак за руку приостановил Хаймалку, поднял оружие, перезарядив, подал один карабин Хаймалке и на ступеньку ниже пошел впереди нее.

...Они опустились метров на пять, как каменная лестница стала более пологой.

...Сатана взошел на Мориа.

Лихо отбросив борта красного плаща за спину, стал у края вершины, над самым каменным выступом-укрытием Ицхака и Хаймалки. Его козлиная голова на мгновение замерла, черные круглые глазки убежали к самому горизонту, где обожженная пустыня втекала в фиолетовые небеса.

Сатана оглянулся на место обрушенного жертвенника, долгую минуту всматривался в эту точку, потом, вдруг закуражившись, бросился к ней и, вскакивая на попадавшиеся на пути трупы, яростно пританцовывал на них, топоча мертвенно-желтые безбровые лица раздвоенными черными копытцами.

Но вот он стал у места бывшего жертвенника, которое теперь превратилось в зияющую пасть колодца с каменными ступенями, убежавшими в глубокое подземелье.

Скрестив на груди волосатые когтистые руки и глядя в разверзшуюся бездну, Сатана в раздумье замер.

Но вот он оглянулся, что-то поискав по земле глазами, поднял пару карабинов, один из них аккуратно положил на самом краю колодца, сотворил для самого себя смачный воздушный поцелуй и лихо повернулся на одной ножке. Плащ за его спиной взвился красным флагом.

Сатана оглянулся на безбрежные пустынные просторы, мельком оглядел вершину Мориа, множество трупов, зияющую пасть колодца с оружием на краю и вдруг, торжествующе бросив к небесам руку с карабином, громко просмаковал:

«И увидел Бог все, что он сделал, и вот, хорошо весьма»!

... Края колодца над головами Ицхака и Хаймалки сошлись и, чтоб не оступить, приходилось держаться за холодные сырые стены. Тянуло едким запахом гнили.

В какую-то секунду Ицхак взял Хаймалку за плечи, повернул к себе.

– Послушай... нужно возвращаться! Черт с ним – с этим посохом!.. Пойми ты... – и он оборвал себя

Хаймалке вспомнился старец Ури, ягуар Гром, как они готовились к ночному костру и как неожиданный ветер загасил в ее руке огонь.

Она высвободилась из рук Ицхака:

– Ты можешь вернуться... – в полумраке глухо прозвучал ее голос, но, уже опускаясь ниже, она поймала себя на том, как затаенно ждет, чтоб за спиной послышался его шаг.

Вдруг в темноте, внизу, вспыхнули две пары красных глаз, они стремительно надвинулись, неся с собой жуткое хлопанье тяжелых крыльев.

Хаймалка различила двух огромных птиц. Одна из них бросилась ей в лицо, Хаймалка закричала, ударила по ней стволом карабина, в ту же секунду над ее головой прозвучало несколько выстрелов, птицы, яростно заклокотав, метнулись из колодца к просвету.

Но мгновением раньше, уворачиваясь от когтей птицы, Хаймалка потеряла равновесие, не удержавшись, на несколько ступенек сорвалась вниз, и падая, ударилась о что-то железное, и ей показалось: дверь!

Карабин, выпав из ее рук, оказался где-то у ног.

Ицхак, подоспев, переводя дыхание, приподнял ее за плечи, подставил колено:

– Ничего не ушибла?!

– Кажется, нет!

Он помог ей подняться:

– Порядок?

– Порядок...

– Старших нужно слушаться... – уже с легкостью в голосе нарочито отчитал он. – Говорил же вернуться надо! Вот и вышло – тупик! – и он толкнул «стенку» рукой.

– А, по-моему, это не «тупик», – она нащупала большое металлическое кольцо. – Это железная дверь. Вот, смотри... – она взяла его ладонь, приблизила к кольцу.

– Черт! Кажется так! – он приударил кольцом и по стволу колодца разнесся глухой звон.

– А все же посмотрим... – он наощупь «просмотрел» возможные границы двери. – Кажется и правда дверь.

Хаймалка приударила дверь плечом. Еще:

– Ну, чего стоишь? Давай же! – отчитала она Ицхака.

– И откуда ты, такая «чумазая»?! – нарочито проворчал он, хотя оба они услышали в этом другое: «как же я люблю тебя»!

Он сначала несильно, а потом сильнее и сильнее бил плечом дверь. Та, кажется, дрогнула, но не поддалась. Попытались вместе, но дверь не отошла.

– Значит – не судьба... – заключил Ицхак.

На секунду стало тихо. Хаймалка снова взялась за кольцо и несколько раз, как могла, сильно, ударила им о железо двери.

Прислушались. Тишина.

– Ладно. Пошли! – скомандовал Ицхак, шагнул на несколько ступенек вверх, как вдруг сверху ударил какой-то грохот, маленькая полоска света на мгновение закрылась, и потом с заколотившим-

ся сердцем Ицхак увидел, как сверху срывается валун. В доли секунды он ощутил, что там внизу – Хаймалка и валун может раздавить ее.

Он метнулся вниз, прижал Хаймалку к стене. В то же мгновение огромный камень, зацепив их спины, ударил о дверь. Следом, грохоча по каменным ступенькам, пронесся еще валун, и от обоих ударов дверь сорвалась с петель и, громыхая, завалилась на землю.

Ицхак и Хаймалка осторожно отняли лица от стены колодца и на мгновение замерли: дверь вела в какое-то едва освещенное пространство. Они осторожно шагнули. Ицхак поднял карабины и подал один Хаймалке.

Они стали в проеме двери и оказались перед парящим рвом. Он был шириною с метр, но клубящаяся в нем дымка исходила, казалось, из какой-то бездны.

Дверь, упавшая на ров, словно мостик, поманила Ицхака и Хаймалку перейти на другую сторону, в распахнувшуюся перед ними таинственную пещеру.

Хаймалка, попробовав «мост» ногой, уже шагнула, но Ицхак за руку приостановил ее, хотел было обойти, но она уже окатила его покровительственной усмешкой, лихим броском перехватила карабин и уверенней перешла на другую сторону.

Ицхак лишь невольно пожал плечами: что, мол, еще остается, и ступил следом.

Перейдя ров, они невольно замерли: из-за причудливых бликов, уходивших вглубь и в высоту, пещера казалась огромной.

Горящие человеческие черепа, словно какие-то гирлянды, опоясали ее внутренние стенки.

Тишина.

Глубокая испытывающая тишина.

Только таинственные блики да горящие вокруг черепа. Ицхак невольно оберегающе обнял Хаймалку за плечи.

Вдруг пещера взорвалась ярким светом, они невольно заслонились руками, но тут же какая-то невидимая сила разняла их.

Они оказались в метрах семи друг от друга в огромной зеркальной пещере. С ударившим сердцем Хаймалка увидела: впереди, в глубокой нише на красном мраморном треугольнике, как на троне, сидела трехметровая кровожадная Жаба.

На ней было одеяние из красного и черного бархата, а со скользкой гадливо вздувавшейся шеи свисали десятки шипящих змей.

Под лапой ее лежал посох. Жезл Авраама, узнала Хаймалка.

Перед тронем чудовища стояли несколько битых зеркал, они были в высоту человеческого роста и минутами, жутковато извиваясь, выбрасывали по сторонам тонкие стеклянные руки.

Они стояли перед тронем Жабы, словно какая-то охрана.

Из зеркальных стен пещеры, остро сверкая, выступали куски из битых зеркал, похожие на кривые треугольники, клинки, колотые зубцы.

Из пола пещеры тоже торчали расколотые зеркальные осколки.. И все они походили на разбитые светящиеся экраны, в которых отражались какие-то кровавые действия.

В какое-то мгновение из одной из стенок вытекла фигура огромного змея, и он, извиваясь, пополз к трону Жабы. Оказавшись по центру между Хаймалкой и Ицхаком, поднялся во весь рост, оглядел обоих: две человеческие фигуры – юная женщи-

на с налобной повязкой с магическим символом «Алеф», в футболке, спортивной юбке, длинных кожаных сапожках, и в руках карабин. Девушка-воин.

Парень, в камуфляжной форме, похожий на крепкую лозу, и тоже с карабином в руке.

Зеркала-охрана расступились, змей прополз меж ними, стал у нижней ступени трона Жабы и, развернувшись, вместе с чудовищем оглядел Хаймалку и Ицхака.

Жаба вдруг подняла к потолку распахнувшуюся слизистую пасть и дико загоготала.

Но вот так же резко остановилась, взяла перепончатой гадливой лапой посох и, поочередно ткнув им в сторону Хаймалки и Ицхака, вновь плотоядно загоготала:

– Какое лакомство!

Змей покачивался во всю двухметровую высоту и, медленно кивая головой, как бы одобрительно посмеивался. Но вот он повернул голову к Жабе:

– Моя госпожа! – солидно обратился он к ней. – Дело в том, что эти двое-оба евреи, а у мировой общественности уже давно сложилась иная практика – сначала у евреев чему-то учатся, а только потом их пожирают.

– Эй, кто ты?! – крикнула жаба Ицхаку.

– Я?!

– Не я же!

– Я человек, сдающий карты! – кажется, неожиданно и для себя бросил Ицхак.

– Что это он тут выдумывает?! Что это еще за «сдающий карты»? – Жаба требовательно посмотрела на змея.

– Я же говорил – «сначала – поучиться»...

– А ты кто?! – Жаба глянула на Хаймалку.

– Я – несущая месть! – Хаймалка прижала карабин к бедру.

– Чего?!.. Месть?... – Жаба вновь загоготала и снова оборвала свой смех:

– Не верь этим евреям: пока ты будешь у них чему-то учиться, они с тобой что-нибудь и сотворят!

– Но практика как раз показывает другое, что сотворять они что-то могут только друг с другом. С другими – боятся. Народ-жертва, одним словом... – мудро заверил змей.

Хаймалке невольно вспомнился дом Ури:

«Не в Мече бессмертие еврейского народа, а в Великой Жертвенной Покорности!.. Перестав быть жертвой, вы и станете жертвой настоящей!» – это был Дьявол!

– Сатана! – невольно крикнула Хаймалка. – Ты Дьявол, Я узнала тебя!

– А я и не буду скрываться! – змей принял морду козлиноголового Сатаны с красным плащом за спиной:

– А теперь слушайте меня! И ты, и ты! – тоном повелителя бросил он. – Я знаю, зачем вы спустились в это подземелье! За жезлом! – и он кивнул на посох, придавленный лапой Жабы. – Вы хотите уничтожить Идриса и восстановить Бэт-Эль! Но зачем он вам нужен?! Ответьте! Ответьте мне как другу, ибо я ваш друг, а не Он! – и он выставил указательный палец кверху. – Зачем вам новые и новые жертвы: ведь если даже вы и восстановите свой Бэт-Эль, то тут же ваша ненависть друг к другу и уничтожит его! Отступись, Хаймалка! – и он посмотрел на Ицхака. – И только тогда «благословятся в семени твоём все народы земли...»! – он сделал паузу и, как бы откровенно, продолжил. – А потом вам предстоит такой путь, из которого ни-

кто не возвращался!.. Правда, если вы выберетесь отсюда, вам может помочь один старый еврей. Но если даже он и поможет вам, то вы должны будете еще одолеть Семиголовую паутину. Видите, я честен перед вами. Но для начала хотя бы выберите отсюда!

Хаймалка невольно вскинула карабин.

– Ты хочешь убить Дьявола?! Она хочет убить Дьявола! – Сатана от удовольствия запрокинул рогатую голову. – Она хочет убить Дьявола! – он забил копытцем. – Эта глупая еврейка задумала то, что неподвластно самому Господу Богу!.. – и бросил рукой в сторону Хаймалки. Тут же от стены отделилось одно зеркало и в несколько мгновений оказалось за ее спиной. Она оглянулась, отражение, словно ожив, вышло из зеркала, став ее точной копией.

Хаймалка испуганно замерла, но уже через несколько мгновений коснулась двойника, та тотчас повторила ее движение, а по руке Хаймалки от этой искусственной фигуры потек по телу холод.

Она отдернула пальцы, и ее копия перекопировала это движение.

– А теперь ты – Сдающий Карты!.. – Сатана с ухмылкой посмотрел на Ицхака. – Вот перед тобой две твои «несущие месть». И у тебя в руках – твое оружие! И ты хочешь вернуть жезл! И вы, евреи, жаждете восстановить свои вечно разрушенные храмы! Так вот, если ты узнаешь и расстреляешь зеркальную фигуру, ты спасешь свою царицу и ты получишь посох Вождя, и это будет означать, что ваш Бог еще с вами и что он поможет вам сотворить чудо, и Бэт-Эль будет восстановлен! Но если ты попадешь в свою царицу, то, значит, Бог против вас и вашего народа, и ты станешь моим рабом

навек!.. – и он посмотрел вверх на Жабу. – Так пускай получат своего Творца! Справедливо, моя повелительница?!

– Справедливо! – Жаба, вновь гогоча запрокинула кверху раскрытую пасть. – Полакомиться – это всегда справедливо!

– Но послушай, мудрец! А выбор-то где? Выбора ведь нет! – Ицхак начал торги, но Дьявол лишь небрежно бросил когтистыми пальцами:

– У кого? У Бога? – и мелко, с издевкой расхохотался.

Ицхак невольно обернулся: выход из пещеры все еще был свободен, и железная дверь по-прежнему лежала мостиком поверх клубящегося рва.

– Так ты будешь стрелять? – с угрозой выкрикнул Сатана. – А не то наша армия сделает то, что нужно сделать, – и тут же, глянув на зеркала-охрану, скомандовал:

– Зеркалики, вперед!

Охрана – зеркальные осколки медленно поползли в сторону Хаймалки и ее двойника. Вот они выбросили вперед острые руки-осколки и стали рассекать ими воздух.

Хаймалка отступила на шаг, ее двойник уже повторила ее движения.

Ицхак растерянно водил вскинутым карабином: то на ползущих хищных осколках, то на две фигуры.

В какой-то момент он бросился было вперед, но с потолка, точно острые кинжалы, сорвались тоже острые осколки и, преграждая ему путь, вонзились у самых его ног.

Ицхак невольно отпрянул.

Хаймалка ткнула рукой в грудь двойника и тут же получила такой же ответ. Она сделала выпад,

и все повторилось. Хаймалка бросила рукой к ее лицу, и их руки скрестились. Она ускорила движения, и между ними завязался отчаянный бой.

Жаба, раскрыв пасть, сытно гоготала. Сатана стоял, горделиво скрестив руки на груди.

Зеркала-охрана все ближе подбирались к бьющимся Хаймалке и ее двойнику.

Ицхак выстрелил в хищных осколков, но и возникшие маленькие осколки превратились в свирепые движущиеся зеркала.

Ицхак снова бросился вперед, но снова с потолка обрушился кинжальный град.

На секунду застыв, он увидел, что отчаянно дравшиеся Хаймалка и ее двойник оказались прямо под грудой свисавших с потолка длинных острых осколков. Ицхак выкрикнул имя Хаймалки и выстрелил в потолок. Хаймалка угадала нужное движение, и ее двойник оказалась под сорвавшимися осколками. Они вонзились в череп двойника, и фальшивая фигура разлетелась на мелкие осколки.

Хаймалка увидела, как хищный осколок метнулся к лицу Ицхака, тот попытался увернуться, но осколок полоснул по его лицу острым концом. Ицхак резко отшатнулся, потерял равновесие, и Хаймалка увидела, как он стал заваливаться на спину, и, падая, напоролся на длинный кинжальный осколок.

Крикнув, она бросилась было к нему, но шеренга хищных осколков стала прижимать ее к стене.

Хаймалка отступила.

Один из осколков бросился ей в лицо, выбросив острые стеклянные руки. Хаймалка увернулась, но второй, резанув вдоль ребер, пропорол футболку.

Хаймалка увернулась еще от одной атаки и в ту же секунду заметила, что в шеренге меж осколков появилась брешь.

Она в мгновение собралась, и, войдя в стремительный танец, вращаясь, едва видимая, пронеслась сквозь образовавшийся проем и через несколько мгновений оказалась близко от Жабы.

«Глаз Ворон! Глаз Паук! Глаз Игла! Три глаза, Три ключа, Две главных тайны человека!» – ей вспомнилась Долина Ури, как она броском пояска сорвала цветок:

– Три Глаза, Три ключа, Две главных тайны человека. Глаз Игла!» – крикнула она, успев заметить, как истошно завопил Дьявол и, превратившись в змея, уполз куда-то за треугольный мраморный трон.

А со лба Жабы уже вырвался синий сияющий луч, превратившись в огненный вихрь, подхватил Хаймалку и Ицхака, став почти невидимым, вонзился в точку, откуда вырвался синий луч.

И, казалось, загрохотав, разверзлись небеса, невидимая сила разорвала чудовище на тысячи клочьев, которые, разлетаясь, растаяли в воздухе.

Хаймалку отбросило в сторону, и она оказалась на песке, на берегу бескрайнего озера.

Через несколько мгновений, придя в себя, она быстро поднялась и тревожно огляделась.

Но вот глаза ее с надеждой блеснули, и она бросилась к огромному валуну в метрах десяти от себя, подле которого лежал человек.

Глаза Ицхака были закрыты, от виска к шее кровавой лентой протянулась рана, рубашка возле ребер набухла от крови.

Хаймалка присела на колени в его изголовье, осторожно пригладила висок.

Ицхак открыл глаза, узнав ее, улыбнулся и негромко выронил:

– Я люблю тебя, моя Хаймалка...

Она с улыбкой приложила палец ко рту:

– Ш-ш-ш.

Он счастливо прикрыл глаза, отбросил руку в сторону, и вдруг лицо его на секунду застыло: ладонь его легла на какую-то рукоятку.

Казалось, забыв о ранах, он приподнялся: в руке его был посох Вождя.

Он встретился с взволнованными глазами Хаймалки: жезл, излечив все его раны, придал силы, поставил на ноги.

Ицхак взобрался на валун и властно раскинул по сторонам руки. В одной из них был посох.

Хаймалка, отойдя на несколько шагов, с улыбкой глянула на него.

– Я – Великий Патриарх! – он сверху обрушился на нее нарочито-грозным видом. – Да! Я Великий Вождь! Я Великий Пророк! – он хотел было приударить посохом по камню, но на мгновение замешкался, и они оба поняли, что вспомнили, как еще недавно он так же стоял на жертвеннике, но какая-то невидимая энергия сбросила его в сторону, и он потерянно растянулся на земле.

Рука Ицхака с посохом так и замерла в воздухе, но уже через минуту они с Хаймалкой хохотали по-детски счастливо и беспечно.

Смеясь, Ицхак артистично все же приударил посохом у ноги, и в какую-то секунду смех Хаймалки затих, а вместо смеха лицо засветилось ласковой улыбкой. Она поспешила поправить на лобную повязку, невольно пытаясь скрыть, что залюбовалась Ицхаком. В эти мгновения с раной на лице, в окровавленной рубахе, он и вправду

показался ей красивым воином.

Долгую минуту они смотрели глаза в глаза, но вот он сошел с камня и, кажется, эти несколько шагов шел к ней долго, целую вечность, нескончаемую пьянящую вечность.

Не выпуская жезла, он обнял Хаймалку, заскользил жадными губами по волне волос, скользнул к шее:

– Родная... милая моя... – их губы встретились, подарив друг другу свежее волнуящее дыхание.

Хаймалка вдруг соскользнула щекой к его груди и, как ребенок, затихла.

Он приподнял ее лицо:

– Я хочу любить тебя!

– Я приду к тебе, обязательно приду... Но пусть придет час... – И пусть будет хупа. – она посмотрела в сторону озера и взяла его за руку:

– Пошли. Я омою твои раны...

Они несколько шагов прошли по желтому чистому песку, как Ицхак вдруг остановился:

– Послушай... А мы ведь должны встретить одного старого еврея... Так ведь, кажется... Если этот Дьявол не врал...

– Может быть... – глаза Хаймалки убежали вдаль, и она снова вспомнила домик Ури и страшный, но, возможно, правдивый разговор с Сатаной... Народ-жертва...

– Ты загрустила... – полувопросом взглянул Ицхак.

– Да нет... Просто... Сатана, действительно, своих жертв ловит на правду... А что?

– Да нет... ничего... Только если про старого еврея это правда, то это же кайф!

Она вопросительно глянула.

– Ну, там, где старый еврей, там ведь и хупа, – с хитрецей подбросил он.

Они посмотрели друг на друга и снова беззаботно рассмеялись.

Ицхак вдруг бросил руками вверх и прокричал улыбающимся небесам:

– Эй, старикан, где ты?! – и потом негромко, но в сердцах проронил:

– Ах, как они бывают нужны, эти старые евреи!..

Ицхак невольно развел руками: мол, что поделывать, где сейчас достать это чудо.

Они повернули к реке, но через пару шагов, как по команде, разом обернулись: на валуне, где еще пять минут назад куражился Вождь – Ицхак, сидел старичок в кипе с белой красивой бородой и покрытый талитом.

– Ты кто?.. – ошарашено замер Ицхак.

– А кто меня минутою назад зазывал... – как бы невинно поддел старик.

– Ты и есть... – он?! – с надеждой расставил Ицхак.

– Ну да... Я и есть – он... Старый еврей Шломо. А ты великий вождь Ицхак. Ну, а это – Хай-малка... – мол, кто такую красавицу не знает, чуть ли не пропел старик.

– Старый еврей Шломо!.. Потрясающе! Так ты ведь нам... – он тут глянул на Хаймалку. – То есть мне... Короче – во как нужен! – и он полоснул ребром ладони по горлу. – Хупа нужна! Срочно!.. Можешь?..

– Все возможно с помощью Бога!

Ицхак снова глянул на Хаймалку и потом как-то осторожно поинтересовался:

– А если кого... надо бы обручить... –

– Ну если... «кого», – жуликовато растянул старик. – То тут уж, конечно...

– Хаймалка! – счастливо взорвался Ицхак. – Он точно – старый еврей! Он все может! – и как бы спохватился. – А хупа?..

– Есть-нет – чего нет... – как бы беспечно забормотал старик. – Есть-нет-чего-нет...

Они не заметили, как из леса уже выползли полулюди-полужверье и стали издали окружать старика и его двух подопечных.

– Убейте еврейку! – рванули к небесам их истошные утробные крики.

– Убейте еврея! – покатило к вечереющим небесам звероподобное эхо и уже были видны их хищно сверкающие глаза.

Ицхак невольно перехватил посох и прижал к себе Хаймалку. Сошел с камня Шломо.

Звероподобное людье, возбужденно вскакивая на задние лапы, плотнее смыкало полукруг, но вдруг над берегом реки раздался крик Великого Павлина, и под вечерними небесами закружила царственная огненная птица.

На мгновение звероподобные испуганно прижались к земле, но вот снова поползли на старика и двоих молодых людей:

– Убивайте евреев!

Тогда над берегом снова раздался угрожающий павлиний крик, он опустился к земле, властно пронесся перед находящим полукругом озверевшего полулюдья, его яркие, горящие под вечерним солнцем, огненные крылья зажгли засобой огонь, старик с Ицхаком и Хаймалкой оказались защищенными огненной дугой, концы которой сбегали к реке.

Великий Павлин взмыл в небеса, сделал круг, из его огненного хвоста выпало четыре пера и, слетев на землю возле Шломо, превратились в золотистые древка.

Шломо снял с себя шелковый белый талит и подвязал его четыре конца к четырем древки.

– Хаймалка, это же хупа! – не упуская посоха, Ицхак восторженно и легко поднял ее на руки.

А ослепленное огненной дугой полулюдые вскидывало к обманувшим их небесам воющие злобные пасти. И еще сильнее и надрывней стал их крик, когда увидели их жаждущие крови глаза, как из воды выплыло четыре льва, и затем царственной шеренгой они прошли к Шломо и, став на мощные лапы, взяли по древку.

Распахнулся древний еврейский венчальный шатер.

Великий Павлин издал прощальный крик, растворился в багровом вечернем солнце.

Ицхак, взяв Хаймалку за руку, повел под царственную хупу.

Шломо раскрыл писание, над берегом растекся его молитвенно-благословляющий голос. Счастливы были глаза

старого еврея: он видел перед собой глаза любящих.

Львы царственно удерживали над ними хупу.

До хупы оставалось метров десять, как неожиданно в небесах

засветились семь громадных волчьих голов, свет от них вырвал из темноты вязь из серебряных нитей.

– Семиголовая паутина! – тревожно крикнул Ицхак.

Хаймалка окаменело смотрела на огромную, с метров десять, паутину. Семь светящихся голов на семи узлах опускались прямо на них. Серебристые нити угрожающе срывались вниз, словно нацеливались на свою добычу.

– Бежим! – Ицхак схватил Хаймалку за руку, но паутина уже накрыла их, и они забились в ней, пытаясь высвободиться.

Старик Шломо подал знак, и четыре льва бросились к ним на помощь.

Паутина все сильнее стягивала Ицхака, он пытался отбиться посохом, и где-то рядом с ним извивалось тело Хаймалки.

Семь светящихся волчьих голов с наслаждением поднимали к небесам распахнутые пасти, издавая тонкие протяжные звуки.

Но Шломо уже подал знак львам, и они бросились к Ицхаку и Хаймалке, мощные лапы раздвинули серебряные нити высвободили пленников. Те вырвались из-под паутины и бросились к месту, где еще несколько минут назад красовалась хупа.

Светящиеся волчьи головы, оставив львов, задули Ицхаку и Хаймалке вслед. Мощные волны ударили им в спины, и, казалось, секунда-другая, и они разобьются о валун. Но в какую-то секунду Шломо бросил им хупу, они успели ухватиться за нее, вздувшаяся, как парус, хупа, взмыла и унесла Ицхака и Хаймалку в ночные звездные небеса.

Они поднялись глубоко в космос, и где-то впереди чудилась седая голова старого Шломо, и окутывала этот старый мир его песня венчания.

Ицхак и Хаймалка ошеломленно замерли перед этой огромной сверкающей глыбой.

«Лестница ледяных костей!»

Долгую минуту они стояли молчаливо, со страхом и изумлением глядя на хрустально-прозрачные ступени, в которых застыли человеческие скелеты.

– Ну, что? – Хаймалка глянула на Ицхака. – Пора?

– Пора... – он шагнул было первым, но Хаймалка остановила его, подняв с земли прут, бросила на ступень.

В ту же секунду скелет вырвался изо льда по «пояс», злорадно заклацав матовыми челюстями, схватил костлявой рукой прут и снова, уже с ним, вмерз в лед.

Хаймалка шагнула в сторону: между скелетами оказалось расстояние, так что можно было ступить и не задеть их. Такие же маленькие пяточки можно было рассмотреть и несколькими ступеньками выше.

– Подожди! – Ицхак стал с ней рядом. – Может, я пойду впереди... – и он показал на посох Авраама, который теперь казался серебряным жезлом.

Она пристально глянула на него:

– Попробуй здесь... – как бы позволив ему идти вместе, она кивнула на маленький пяточок.

Ицхак осторожно простучал жезлом выбранный пяточок, и они начали свое восхождение.

Лестница была шириною метров двадцать, это позволяло им находить свободные «тропки», но стоило сделать малейший неосторожный шаг, как тут же из ледяных ступеней выбрасывались костлявые руки скелетов, готовые в любую секунду схватить и замуровать их в лед. Далеко внизу остался жертвенник, превратившийся в маленькую черную

точку.

Чем выше вверх уходили Хаймалка и Ицхак, тем больше изменялся цвет небес, переходя от прозрачно синего к темнозвездному. И временами в разных концах разрывались яркие всполохи.

...У самой вершины Хаймалка вышла вперед Ицхака, победно было выбросила руку вверх, как вдруг со стороны метнулись на нее два огромных красных вампира.

Хаймалка оступилась, стала заваливаться на спину, но Ицхак, стоявший двумя ступенями ниже, в последнюю секунду успел подхватить ее, громадные летучие мыши, шумно прошелестев крыльями пронеслись мимо них вниз. Два скелета тут же вырвались изо льда, поймав дико завизжавших вампиров, жадно обглодали их до костей и снова вмерзли с ними в лед.

Хаймалка, невольно припав к груди Ицхака, долгую минуту переводила дыхание и потом медленно, как бы не решаясь, подняла голову.

Они смотрели друг другу в глаза, словно вслушивались в какие-то новые слова.

Опустив голову, она вышла из его объятий и легко, как бы больше для себя, усмехнулась:

– Кажется... без посоха точно не обойтись...

– Да, конечно... – он торопливо вышел вперед...

Одолев последние ступеньки, они оказались на большом плато, выложенном красными мраморными плитами.

В глубине его, у высокой ледяной стены, на троне, сидела двухголовая свинья Хура.

Хаймалка и Ицхак напряженно замерли.

Глядя на них, она бросила кверху изогнутыми клыками и громко расхохоталась:

– Добрались, цыплята?! Славный у меня будет ужин! – и одна голова вторила другой. – Добрались цыплята?! Славный у меня будет ужин!..

Ицхак заслонил Хаймалку:

– Чего расхрюкалась? Корыто немытое!

Двухголовая свинья свирепо подняла кверху

распахнутые пасти, но уже в следующее мгновение бросилась к нему, зажав его в своих когтистых жилистых лапах, поднесла к пасти:

– Глупый, самоуверенный человечиска! – Глупый самоуверенный человечиска! – она встала на задние копыта, подняв Ицхака на трехметровую высоту.

Хаймалка метнулась к чудовищу, но двухголовая Хура копытом отбросила ее в сторону, Хаймалка отлетела к краю плато, ударившись о плиты, застыла.

Чудовище приблизило Ицхака к пасти:

– Что есть в этом мире? – Хура потребовала разгадку.

– Любовь! – Ицхак забился в воздухе.

Хура в ответ лишь расхохоталась больше, и близко блеснули ее желтые клыки.

– Бог! – пытался высвободиться Ицхак, но красная пасть уже готова была захватить его.

В какую-то секунду ему вдруг увиделось бормочущее лицо Шломо, и он громко выпалил:

– Есть только то, чего нет! – и снова выкрикнул.
– В этом мире есть только то, чего нет!

В то же мгновение лапы Хуры ослабли, Ицхак соскользнул на плато.

Чудовище пронзительно заорало, задергало головами, отшатнувшись, завалилось на трон и опрокинуло его.

Ицхак бросился к Хаймалке, бережливо подставил под ее плечи колено:

– Хаймалка!.. Ты слышишь меня, Хаймалка?!

Она открыла глаза.

Двухголовая Хура попыталась подняться, но вспыхнувший трон разорвался с нею на мириады огней.

Минута, другая – огни растопили ледяную стенку – Хаймалка и Ицхак оказались окруженные безграничным звездным пространством.

Ицхак помог ей подняться.

Ошеломленно застыв, они увидели высоко впереди зависший над миром гигантский Мозг.

Он походил на мозг человека и лишь спереди казался менее овальным.

Мозг был мягким, в его бока проникали и исчезали в нем плавающие в космосе крохотные человеческие тела.

Он имел круглые глаза, может быть, большие, но едва угадывающиеся, и отчего-то он казался добрым и заботливым., как ласковая, кормящая щенков собака.

В первую же секунду Хаймалка и Ицхак почувствовали, что они во власти этого непостижимого чуда и, действительно, улыбка Мозга потекла к ним, а в следующее мгновение они оказались в какой-то сияющей комнате.

«Трон сияния!» – угадала Хаймалка, и тут же пронзило удивление: «Трона не было! У Бога не было трона! Был только непостижимый свет. Сияние.»

Хаймалка и Ицхак потрясенно переглянулись.

Она хотела что-то произнести, но слова казались ненужными и никогда не существовавшими прежде.

Вдруг перед ними открылось новое пространство, и они увидели величественное Дерево Струящейся Воды!

В центре его висел сверкающий меч, лезвие которого в основании было перевязано кожаным ремешком.

– Поясок Ури! – с заколотившимся сердцем узнала Хаймалка.

Она шагнула было к нему, но остановилась, трепетно глядя на Дерево Струящейся Воды. И тогда к его кроне потек ее молитвенно-царственный голос:

– О Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая! Непостижима сила Твоя!

Ты явила невыразимое и одарила нас Великим Тайнством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарна, и да будет благословенна и неизбывна Сила Твоя!

О Великая Пустота!

Пусть будет омыта Душа Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть вернется Честь и Сила к унижающему СЕБЯ в веках народу Израиля!

Пусть свершится Великая Тайна Воды, Великая Тайна Жажды, Великая тайна Израиля!

О Великая Пустота!

Обращаюсь к Слову Твоему, и пусть настанет Его Праведный час!

В яростной Злобе Враги Завета сеют на Святой Земле ненависть и смерть!

И никогда еще не была так осквернена и поругана кровь человеческая!

О Великая Пустота!

Спаси мир от ужаса, и пусть явится твое знамение, Господи!

Тогда непостижимым светом засияло Дерево Струящейся Воды, и пространство затопил величественный Голос-видение:

«Не понявшие Жажды Творца жаждут крови! Им дана была свобода стать Богом, стали зверьми.

Богатство, даруемое Землей, превратили в средство насилия!

Но приходит час расплаты!
 Изольется на них черное золото гноем, и станут
 самыми нищими и будут уничтожать друг-друга.
 А Народ Мой одарю невиданной силой!
 Жезл войдет в точку сердца!
 Восстанет Бэт-Эль!»
 Ицхак взял меч.

...Темница, в которой обитал Ури, освещалась единственным фонарем, висевшим под низким потолком.

Старец полулежал на полу, заброшенном соломой.

В стороне тускло поблескивал бок алюминиевой кружки. Ури потянулся было к ней рукой, но рука бессильно замерла на полу.

Жизнь иссякала, как свет в картине его дома.

Но вдруг, в какой-то момент, он почувствовал, как в душе пробил небольшой ток, и его существо стало наполняться силой.

Ури вскинул голову, словно к чему-то прислушался:
 «...Хаймалка?..»

Старик поднялся.

Прежняя сила стала наполнять его тело.

– Хаймалка... – с улыбкой выдохнул старик. В ту же секунду на решетчатую дверь напрыгнуло сильное тело ягуара.

Ури бросился к нему, преданная кошка лизнула старика сквозь клетку решетки.

– Гром! Паренек! – он прижался к его теплой морде.

Старик отошел, и кошка сильным рывком мощных лап сорвала решетчатую дверь.

Они побежали по тоннелям подземелья.

Несколько переходов, и они остановились у стеклянной двери.

За нею, в камере, бородатый человек сидел за письменным столом.

Журналист Хадис Харан.

Старик подал знак, ягуар выбил дверь.

Харан бросился к ним...

Дерево Струящейся Воды, словно сияющие крылья, подхватило Хаймалку и Ицхака, вынесло их в звездное пространство.

Они снова увидели огромный Мозг, и вокруг пролетали мириады жизней: они были похожи на капли с лицами, они были разноцветными прямоугольными брикетами, они были тысячами форм, но отчего-то Хаймалка знала: все это живые существности, и весь Космос был заполнен жизнью.

...Дерево Струящейся Воды вынесло их к родному городу, к разрушенной Бэт-Эль.

Огромный валун, который служил основанием в правом углу разрушенного Храма, стоял заросший травой, из-под него слабо выбивала вода.

...Идрис, ожидавший увидеть в своем подполье плененную еврейку, увидел Царицу, пришедшую мстить.

Он сидел на своем «Пульте Запуска», распахнулась дверь, и в комнате появилось сотворенное им чудовище с головой вампира, человеческим туловищем.

– Мой верный Халиф, ОНИ ПРИШЛИ! – Идрис бросил рукой в экран на стене, где Ицхак и Хаймалка коснулись руками камня.

– Слушаю, Светлейший! – через несколько мгновений чудовище взмыло в небо.

...Халиф опустился посредине широкой, запруженной автомашинами улицы.

В несколько мгновений вампир превратился в огромное семиметровое чудовище. Он поднял двухметровую ступню и ударил по проезжавшему мимо автомобилю.

Машина превратилась в смятую консервную банку, за не расхлестали воздух завизжавшие тормоза десятка машин. Некоторые из них оказались на встречной полосе, и в пару минут широкая улица превратилась в беспорядочную массу столкнувшихся автомобилей.

Крича от ужаса, сбивая друг-друга с ног, по сторонам разбегались обезумевшие от страха люди.

Завыли сирены пожарных, «скорых» и полицейских автомобилей.

Вампир, подхватив одну из человеческих фигур, лакал из его разорванного горла кровь.

Отбросив мертвое тело, как насытившийся хищник, Халиф осмотрел взорванный под ногами человеческий улей, разбросал по сторонам огромные руки, и вытянув кверху черную морду, издал громкий ликующий крик.

Упоенный своей силой, Халиф расшвырял замершие под ногами автомобили, которые отлетали по сторонам, как легкие спичечные коробки.

В небе закружили вертолеты. Чудовище, легко спружинив, взмыло в синеву. Его красная пасть распахнулась в сатанинском ликующем крике, и из нее выбивался острый багровый язык.

Полицейские вертолеты на расстоянии закружили вокруг чудовища и ударили по нему длинными пулеметными очередями.

Вампир, угрожающе раскрыв пасть, нырнул к одной из «стрекоз» и ударил по ней огромным кулаком.

Машина переломилась, как спичка, и рухнула на замерший в страхе и любопытстве город.

Ицхак, глянув на Хаймалку, передал меч:

– Владеешь ведь?..

– А какая же израильтянка не владеет оружием!

Ицхак обнял ее.

Вампир нырнул к земле, мягко спружинив на огромных ногах, оказался напротив них, принял прежний вид: те же огромные гнойно-желтые уши, острый, как у носорога, нарост, круглые злобно-сверкающие глаза. В его приоткрытом рту сверкали точеные, как бритва, передние резцы, ноздри хищно раздувались, и, казалось, он сейчас набросится на свою жертву.

Хаймалка приподняла меч, в руке Ицхака сверкнул жезл.

Халиф, вскинул голову, загоготав, пошел на Ицхака, бросил в него рукой, Ицхак успел увернуться.

Халиф, все также гогоча, вдруг вырос в два раза и взлетел на камень.

Вампир запрыгал на нем, и передний бок валуна поднялся вверх.

Вода, едва выбивавшаяся из-под него, теперь ударила мощной струей.

Халиф прыгнул на Хаймалку, она увернулась, успев нанести удар мечом.

Вампир злобно зарычал...

...Идрис жадно смотрел на экран на стене...

... Вампир бросил рукой в Ицхака, тот попытался увернуться, но Халиф, зарычав, схватил его и приподнял над землей.

– Эй ты, уродище! – Хаймалка запрыгнула на камень. – А не хочешь, я тебя пощекочу?!.. – она поиграла мечом.

Чудовище, вновь загоготав, ударило ногой по камню рядом с Хаймалкой, край камня снова «клюнул» вверх, подбросил ее.

Развернувшись в воздухе, она мягко спружинила на земле.

Ицхак, оказавшись в это мгновение на уровне груди Халифа, вонзил в его сердце жезл, который уже сияющим фиолетовым лучом пронзил чудовище насквозь.

Вампир, пронзительно закричав, выпустил Ицхака и рухнул на камень. Вода из-под камня ударила сильной волной, валун сорвало с места, Ицхак и Хаймалка ошеломленно замерли: вода вынесла к ним золоченый сундук.

Вампир, снесенный волной, оказался под камнем, дрогнув телом, затих.

Ицхак и Хаймалка стали над сундуком. Ицхак осторожно ударил по нему посохом, сундук открылся, и они увидели в нем древний свиток Торы.

...Идрис, пытаясь вырваться из подземелья, бросился к двери, но в это мгновение, дом его, подняв столб пыли, осел, словно взорванный изнутри, и замуровал красную дверь.

Задыхаясь от удушья, Идрис схватился за горло, его тело, сбитое судорогами, рухнуло на пол перед дверью, в доли секунды превратившейся в глухую стену.

На месте дома Идриса возникло сияние Дерева Светящейся Воды.

Ицхак и Хаймалка стояли на коленях перед сундуком с Торой.

– Мы должны спасти Ури! – Хаймалка собралась было подняться, как ее ухо лизнул теплый большой язык.

– Гром! – не оборачиваясь выдохнула она. – Гром!

Быстро повернувшись, она увидела ягуара и подходивших Ури и бородача Харана.

... Старик, словно смакуя встречу с девушкой, неторопливо подошел к ней:

– Где-то, я думаю, должен быть ремешок? – лукаво подбросил он.

Хаймалка отвязала от лезвия меча кожаный шнур и подала старцу.

Ури опоясал ее, и ремешок превратился в сверкающий драгоценными камнями пояс Царицы.

Старец приложил ладонь к налобной повязке, и она стала царственным венцом.

Хаймалка прильнула к Ури, и с ее щеки скатилась слеза.

Ицхак, с улыбкой глядя на них, озорно подмигнул сидевшей в их ногах преданной им кошке...

...К месту разрушенной Бэт-Эль стекались людские ручьи, десятки машин запрудили улицу. Это был единый молчаливый поток, но в тугом молчании которого таилось какое-то гордое радостное ожидание.

Возродится Храм!

Ури мягко поднял Хаймалку на руки, легко про-

шел до камня, который теперь стоял, омытый подземными водами, чистый и готовый к тому, чтоб с него, как и несколько столетий назад, поднялись новые стены, началась новая прочная жизнь Храма.

Старец поднял Хаймалку на камень и обернулся: впереди огромной радостно-взволнованной толпы, рядом с золоченым сундуком стоял Ицхак.

– Сын мой, свиток Царице нашей! – он бросил это негромко, но его, казалось, услышал весь мир.

Ицхак бережно достал из сундука свиток, и в это мгновение невольно ахнула в восторге, онемела толпа из тысячи собравшихся людей: будто впервые они получали свою Тору и становились новым народом.

Ури молчаливо кивнул, Ицхак подал свиток Хаймалке.

И показалось, явилась иудеям истинная Царица.

Тогда Ури поклонился ей, а к небесам, поднялся его сильный уверенный голос:

– Мир не развивается по законам каких бы то ни было материалистических наук. Мир развивается по Законам Космического мифа. История нашего народа – это история Героя, избравшего дорогу к Просветлению. Как герой мифа, еврейский народ вынужден был покинуть свою землю, пройти всю тяжесть Пути и получив Знание, вернуться в свой дом.

Но вновь обретя свою святую Землю, он должен увидеть свои главные символы. А знать свой Символ, значит иметь самое мощное оружие!

Три венца имел еврейский народ: первый венец – венец могущества принадлежал Моисею, второй венец – венец жречества принадлежал Аарону, и третий венец – венец царствования принадлежал

Мирьям.

Меч! Тора! Венец! – он поднял глаза на стоявшую на камне Хаймалку: в одной руке ее был меч, другой она прижимала к груди свиток Торы. – Сила! Мудрость! Красота!.. Мудрость защищена Силою! Сила наполнена мудростью! Это и есть красота и это должно быть и есть символ народа Израилева!

Возвращается к народу нашему древнее пророчество Великого Иеремии:

«Поставь себе путевые знаки, поставь себе столбы, обрати сердце твое на дорогу – на путь, по которому ты шла: возвращайся, дева Израилева, возвращайся в города твои. Долго ли скитаться, отпадшая дочь? Ибо Господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа». –

Ури, любуясь, посмотрел на Хаймалку:

Царица Израильская – вот Венец Царствования и наш Символ Спасения! Особенно сегодня, когда враги Израиля и всего еврейства снова хотят перечеркнуть нашу кровную связь с древней Землей Палестины – Царица Израильская на все времена и перед всем миром утвердит родство еврейского народа с его многострадальной Землей!

Ури на мгновенье смолк и любуясь посмотрел на Хаймалку:

– И эта Царица – ты! – расставил он.

На мгновение затихли толпы, и вдруг, словно был услышан чей-то незримый голос, в удивительном молчаливом согласии люди стали выплываться в один ручей. Этот ручей потек к камню, на котором стояла Хаймалка: мужчины и женщины снимали с себя драгоценности-кольца, перстни, браслеты, сережки, золотые цепочки, кто-то доставал банкноты, и все это ложилось на камень у ног Хаймалки.

Не было сказано ни слова, не прозвучало ни одной просьбы, но были счастливые гордые глаза: все это для возрождения Бэт-Эль.

В какой-то момент из толпы выскользнула маленькая, лет семи, девчушка в светлой кофточке, длинной юбке, она подбежала к камню и стала снимать с себя свои маленькие золотые сережки.

Девчушка не могла дотянуться до верха камня, где уже собралась гора драгоценностей и банкнот, и тогда она протянула раскрытую ладонку Ури. На открытой детской ладони сверкали ее сережки, может, первая драгоценность в ее жизни

Ури ласково поднял ее на руки.

Застывшая от изумления толпа вдруг громко выбросила:

– Бэт-Эль!

– Бэт-Эль!

– Бэт-Эль!

Хаймалка окинула взглядом эту единую ликующую массу и, по ее щеке покатила слеза.

Она посмотрела на Ицхака, тот стоял рядом с бородачом Хараном, у ног ее величаво красовался ягуар, рядом с ними Ури держал на руках девочку.

Ицхак бросил кверху руку с жезлом:

– Бэт-Эль! – и в этот момент встретился глазами с Хаймалкой.

И тогда снова Дерево Струящейся Воды, словно сияющие крылья, подхватило их и вынесло в чистое синее небо.

Ицхак привлек к себе Хаймалку, приблизился губами и жарко шепнул:

«...я хочу рассказать...»

И ей показалось, что она тысячи лет любила этот образ того единственного, кто знает истинную историю о Творце, кто строит Богу храмы на освя-

ценных камнях, а не на оскверненных чужих могилах. Кто умеет любить и быть преданным. Кто знает язык Бога и может говорить с Богом.

«...расскажи...» – и она растворилась в нем, в его ласках, и видела непостижимый свет бессмертной любви...

Содержание:

Часть первая	3
Часть вторая	89
Часть третья	185

Иосиф Мигиров родился в 1951 г. в г. Нальчике, Кабардино-Балкарии. Служил в Армии. Единственный представитель горско-еврейского этноса, окончивший Литературный институт им. А.М.Горького.

С 1996 г. живет в США.

Публиковался в России, Израиле, США. Автор семи книг и двухтомника "Избранное" вышедшего в Нью-Йорке, за который получил премию "Литература года. 2014"

Роман Иосифа Мигирова "Царица Израильская" можно назвать провидческим. В нем предугаданы многие события, в том числе и возникновение Исламистского государства. Через всю книгу проходят размышления о некой Царице Израильской, учреждение института которой, могло бы стать новым символом еврейского государства.

Роман написан живым, образным языком, держит в напряжении читателя с первой до последней страницы.